

TOO CLOSE FOR COMFORT

СЛИШКОМ БЛИЗКО ДЛЯ КОМФОРТА

Остерегайся прыгун...Будущее, которое ты изменишь, может быть твоим собственным.

Когда Доктор Сэм Беккет прыгает в центр мужской группы встреч, примерно в 1990 году, он встречает...Эла? Нет, не голографического Эла из ближайшего будущего, а более молодого, в душевных поисках, Эла, бьющего себя в обнажённую грудь в притворном племенном стремлении к своей первобытной природе! Сэму всё это кажется довольно забавным - за исключением того факта, что его миссия может создать или разрушить Проект "Квантовый Скачок"...навсегда!

Благодарности

Автор выражает благодарность за поддержку и помощь Кэтрин Птэшек и всем тем, без кого написание этой книги было бы невозможным. В частности, в данном случае, это Пресвитерианский Центр неотложной медицинской помощи.

От Автора

Время этого скачка, конечно, предшествует тому, что было показано в телевизионном эпизоде "Скачок для Лизы".

Примечание: Выражение "Too Close For Comfort" является идиомой, которая обозначает - "(быть) в опасной близости".

22 июня, 1990

[ГЛАВА 1]

Тук-тук-тук. Тук-тук-тук.

"Эй, яаааа!"

На мгновение ему показалось, что его собственная теория забросила его в какой-то танец индейцев великих равнин прошлого века.

Или, напомнил он себе, когда кто-то

врезался в него, заставив пошатнуться, возможно, танец индейцев великих равнин этого века. Однажды он был на пау-вау. По крайней мере, он так думал...

Бормотание выстроившихся позади него людей заставило его сосредоточиться, и он зашагал вперёд, украдкой оглядываясь по сторонам.

Нет, это точно не было пау-вау. Он был в шеренге примерно из тридцати обнажённых по пояс мужчин, танцующих, два шага вперёд, один шаг назад, по неровному кругу, в

плохо освещённой комнате, где, вероятно, в прошлой жизни проходили конференции. Там было несколько латиноамериканцев, но большинство, определённо, были обычными

американцами. Ни малейшего намёка на пау-вау.

Кряхтя и вопя, мужчины потрясали над головами шестифутовыми деревянными палками, раскрашенными и обвязанными яркими пушистыми перьями, с которыми не смогла бы летать ни одна настоящая птица. Мужчины были раздеты до пояса, обнажая волосатую и гладкую грудь, бледные и загорелые, а также желеобразные и твёрдые "рыбьи" животы. В остальном, они были одеты в обычную уличную одежду - шорты и брюки - но их ноги были босыми. Им всем на вид было от тридцати до шестидесяти лет с небольшим и они танцевали уже достаточно долго, чтобы вспотеть: в комнате воняло.

Он тщетно огляделся в поисках зеркала, продолжая кряхтеть не в такт с остальными. Там не было ни одного свободного места: комната была почти безликой, за исключением люстры, мерцающей на половину мощности над их головами. Это было очень похоже на банкетный зал отеля до того, как кто-то пришёл его обустроить.

Затаив дыхание, он посмотрел на себя сверху вниз и незаметно вздохнул с облегчением. На этот раз он оказался мужчиной и в довольно хорошей физической форме. По крайней мере, об этом ему не нужно было беспокоиться. Это тело казалось моложе большинства других, которые он уже успел увидеть. Оно казалось здоровым, хотя и немного тощим.

Если бы он посмотрел достаточно пристально, то смог бы увидеть свои рёбра. На нём были джинсы, но как и у всех остальных в группе, его верхняя часть тела и ноги были голыми.

Мужчина позади него хлопнул его по плечу, подталкивая вперёд, он наклонил голову в знак извинения и, кряхтя, двинулся дальше. В одном конце комнаты, на низкой платформе, мужчина в грубых кожаных штанах и жилете с бахромой бил в высокий барабан тяжелой палкой с набалдашником. Стены комнаты были утеплены пробкой. И это тоже хорошо, подумал он, крича "Эй, яааа!"

Он не попал в такт на один удар и поморщился. Несколько человек уставились на него, но круг уже распадался, и мужчины устремились к платформе, толкая его вперед. Он оказался впереди, уставившись на барабанщика.

Барабанщику было чуть за шестьдесят лет, волосы на его бочкообразной груди были редкими и блестели от пота, его борода не слишком опрятно отрастала, а линия роста его волос отступала от розовой макушки. Он осторожно отложил инструмент в сторону, как будто это была хрупкая вещь, и легонько провел барабанной палочкой по головке барабана, как будто было бы опасно, если бы она каким-то образом издала звук, которого не должно было быть. Он носил очки в темной толстой оправе, и его глаза были почти скрыты за толстыми линзами.

"Мои братья", - сказал он. Удивительно, но у него был легкий тенор. "Вы все мои братья."

"О нет," - подумал он. "Только не это. Пожалуйста, что угодно, только не..."

"Мы собрались здесь, чтобы вспомнить, что значит быть мужчинами!". Оратор хотел было зареветь, но приступ кашля остановил его, когда он поднял кулак в

воздух. Аудитория перед ним вежливо проигнорировала быстро багровеющее лицо оратора и прорычала в ответ: "Мы Мужчины!".

Сэм Беккет, который иногда был мужчиной, а иногда нет, мгновенно выскочил на платформу и сильно хлопнул выступающего по спине, чтобы прочистить ему горло. Пожилой мужчина ахнул и кивнул, цепляясь за край барабана для равновесия.

"Вы в порядке?" - спросил Сэм, когда другой мужчина снова медленно выпрямился и водрузил очки обратно на нос. Аудитория наблюдала за ними обоими с вежливым интересом, ожидая следующей реплики.

"Возвращайся туда, Росс," - прошептал оратор. Сэм на мгновение поколебался, затем повиновался, наблюдая краем глаза, чтобы во-первых убедиться, что ему не придётся применять манёвр Геймлиха, а во-вторых, что он должен откликаться на это имя. Пожилой мужчина глубокомысленно кивнул, подбадривая его.

Росс, подумал он. На этот раз меня зовут Росс.

Толпа мужчин немного расступилась, чтобы позволить ему снова оказаться среди них, и он попытался раствориться в кругу, стать его частью. Однако слишком многие все ещё смотрели на него, чтобы позволить ему быть незаметным. Он надеялся, что от него не ожидают, что он будет руководить какими-либо песнопениями или художественной гимнастикой.

Это была одна из тех мужских групп встреч. Это, должно быть, — он лихорадочно порылся в своей ошибочной памяти, — конец восьмидесятых. Самый конец восьмидесятых или начало девяностых. Он смутно помнил вышедшую в конце 1990 года книгу о какой-то мужской сказке, но мужчины ещё до этого устраивали духовные ретриты, чтобы найти своего "внутреннего ребёнка".

Оратор все еще делал заявления, потрясая кулаком в воздухе, а люди вокруг него отвечали литургией одобрительных возгласов. Сэм понял, что где-то в пустыне Нью-Мексико в этот самый день, Сэм Беккет из прошлого находился в пещере, создавая компьютер, который положит конец всем компьютерам, излагал теорию путешествий во времени и теорию струн, обуви и кораблей, сургуча, капусты и королей. Тот Сэм Беккет в пустыне понятия не имел, что где-то в другом месте, в конференц-зале отеля, среди двух или трех десятков полуголых, потных, вонючих мужчин, другой Сэм Беккет занимал тело некоего Росса.

Он мог бы выйти из этой комнаты, найти телефон, позвонить самому себе и сказать себе не создавать нейроэлементы, составляющие "гибридный компьютер", не создавать

Ускоритель, не входить в него, и не начинать процесс скачка.

Он задавался вопросом, что произойдет, если он это сделает.

Может быть, он уже начал прыгать. Мог ли он прыгать в двух местах одновременно?

Мужчины снова рассредоточились, образовав новый круг, усевшись на пол лицом внутрь.

Если он мог быть в двух местах одновременно, в пустыне и здесь, то что мешало ему быть одновременно в трёх местах? В четырёх? В дюжине?

Сэм покачал головой. У него не было ответов на эти вопросы, но и кроме этого хватало о чём думать, и у него не было желания ходить вокруг да около.

Мужчины в кругу положили ладони на пол перед собой, опёрлись на них, и покачнулись назад. Покачивания были неровными, потому что некоторые мужчины больше участвовали

в действии, чем другие. Это заставило его почувствовать себя немного лучше. Было несколько человек, которые, как и он, искоса поглядывали на своих соседей, пытаясь

поступить правильно в нужное время. Особенно один человек, на дальнем краю его поля зрения, всегда был немного позади. Было трудно что-либо разглядеть; люстра

работала на выключателе, и движущаяся толпа отбрасывала странные тени на стену.

Должна быть какая-то веская причина, по которой он не мог находиться в трёх местах одновременно. Например то, что его тело находилось в одном, а разум - в другом, и

чтобы находиться в третьем уже ничего не оставалось. Почему-то успокаивало осознание того, что есть пределы.

Возможно, это также означало, что когда-нибудь его скачкам придет естественный конец, когда у него закончится время отведённое для скачка.

"А еще говорят, что живёшь только один раз," - пробормотал Сэм.

"Мужчины," - назидательно сказал экс-барабанщик, - "Это нечто большее, чем они о себе думают".

Сэм закатил глаза.

"Мужчины сильны!"

Было что-то, что он должен был изменить. Всегда было что-то, что он должен был изменить: он надеялся, что не должен был знакомить какого-нибудь бедолагу со своей

мужественностью. Он задавался вопросом, где Эл. Это был человек, у которого никогда не было никаких проблем со своей мужественностью.

Если бы Сэм мог выбраться отсюда и найти рубашку, он мог бы позвонить на Проект и поговорить сам с собой.

Вот только он не мог вспомнить свой номер телефона на Проекте. Код города 505... что-то в этом роде. Это должен был быть 505.

Весь штат Нью-Мексико был 505. Он был

почти уверен.

И это сводило с ума - обладать фотографической памятью и одновременно страдать провалами в памяти.

Мужчины в круге скрестили руки на груди, закрыли глаза и склонили головы. Они раскачивались взад-вперед, и по линии разнесся низкий, глубокий гул.

"Вспомните, каково было быть мальчиком?" - спросил оратор тенором. "Вспомните, как вы впервые увидели своего отца".

Это была команда, и Сэм вспомнил своего отца: огромного, грузного, с хриплым дыханием, кожей, уже покрытой пятнами от слишком долгого пребывания на солнце, руками с

большими грубыми пальцами, которые скользили по коровьему боку, прилаживая медные трубки на место, поворачивая ключ в замке зажигания старого пикапа.

От него пахло табаком, потом и бутербродами с сыром, которые он ел на обед.

"Сколько вам было лет, когда вы впервые увидели своего отца и узнали его?"

Он чувствовал эти руки на своей спине, поднимающие его над головой. Он слышал звуки. Пока ещё не слова. Этот человек, этот мужчина, был для него кем-то особенным. Он

знал это. Ему было... четыре месяца. "Папа", - подумал он, и спазм печали сжал его грудь.

"Чтобы познать себя как мужчин, вы должны знать своих отцов. Вы должны знать своих сыновей. Пусть это будет уроком этого круга. Помните и учитесь".

"А что, если у тебя нет детей?" - вполголоса спросил мужчина рядом с Сэмом.

Лидер услышал его. "Если у тебя нет сыновей, помни о сыновьях, которые однажды у тебя будут". Глухой удар барабана прервал замечание. "Пусть круг разорвётся".

Когда зажегся свет, Сэм услышал звук открывающейся двери и огляделся в поисках Эла. Толпа мужчин средних лет разделилась, отдельные люди, пошатываясь, поднялись на

ноги и направились к спортивным сумкам, сложенным у стен, вытаскивая полотенца, обувь, носки и рубашки, снова одеваясь. Они почти не разговаривали друг с

другом. Раздался какой-то застенчивый смех, когда один мужчина споткнулся о свою деревянную палку.

Он не мог найти Эла.

Эл должен был уже появиться к этому времени.

Он осматривался по сторонам, когда лидер спустился с платформы и взял его за руку.

"Росс," - сказал он, - "Спасибо тебе. Ты мне очень помог".

"О, конечно". Сэм не хотел игнорировать другого человека, но он хотел найти Эла, чтобы выяснить, что должен был здесь делать.

Эл из его времени находился отсюда плюс-минус лет на десять в будущем. Эл связывался с ним с помощью того самого гибридного компьютера, который создавал Сэм в том же

времени, в котором он находился сейчас в теле молодого человека по имени Росс. Эл должен был сообщить ему о том, кем и где он был и что он должен был сделать, чтобы

выбраться отсюда.

"Сейчас я поговорю с некоторыми из новых членов нашего круга. Пройдет немного времени, прежде чем мы отправимся домой".
Лидер улыбнулся, похлопал его по руке и отошёл.

Прежде чем мы отправимся домой? Подумал Сэм. Хм? Во что я вляпался на этот раз? Это мой отец или...

"Вот ты где," - раздался голос Эла у него за спиной.

"Ох, ну наконец-то," - с облегчением сказал Сэм, поворачиваясь. "Эй, а почему ты без верхней одежды? Ты что решил переодеться или..."

Эл озадаченно смотрел на него, пока он натягивал белую рубашку и застегивал манжеты. "Ты со мной разговариваешь, малыш?"
"Конечно, я..." - Он остановился, вытаращив глаза. Это был Эл, его друг, его Наблюдатель, его партнер по Проекту. Эл никогда раньше не появлялся полуодетым. Почему Эл надевал рубашку?

"О, черт возьми". Тот же знакомый хрипловатый голос донёсся с другой стороны, и звучал в стерео.

Сэм резко обернулся. "Эл?"

"Что?" - нетерпеливо спросил Эл с одной стороны, который теперь заправлял рубашку за пояс.

С другой стороны, другой Эл, на этот раз одетый в щегольской темно-зелёный костюм с более светлой зелёной рубашкой, праздничный красный галстук и фетровую шляпу с приколотой к ленте веточкой омелы, смотрел вверх плеча Сэма, его лицо было слишком бледным для тех цветов, которые на нем были надеты. "Это... это же я".

Рука Наблюдателя слегка дрожала. Огоньки на ручном пульте, который он держал в правой руке, мерцали на его лице.

"Эл?" - прошептал Сэм.

"Да, малыш, в чем проблема? Послушай, если этот доктор Уэйлс хочет поговорить со мной, ему придется ознакомиться с программой".

Сэм переключил свое внимание с потрясенного Наблюдателя на мужчину, застегивающего ремень перед ним. По обе стороны от него стоял Эл Калавичи, невысокий стройный мужчина с оливковым цветом лица южного итальянца, тёмными волосами и тёмными глазами под густыми бровями. Эл Калавичи, который только что закончил одеваться, выглядел усталым и исхудавшим. Под его глазами были темные круги, и он смотрел на часы и оглядывался по сторонам резкими, ломкими движениями. "Давай же, у меня ещё есть дела". Он уставился на Сэма — или, скорее, на тело, в которое Сэм переместился. "У тебя проблемы, малыш? На что ты уставился?"
"Я никогда в жизни не ожидал увидеть тебя здесь", - честно сказал Сэм.

Эл нахмурился. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но передумал. "Я тоже", - пробормотал он, больше себе, чем Сэму. "Если хочешь знать моё мнение, то всё это

чертовски глупо. Уэйлс!". Его голос повысился, когда он огляделся в поисках лидера группы. Сэм повернулся обратно к Наблюдателю. "Эл?" Он как раз вовремя вспомнил, что нужно понизить голос, и попытался оттеснить человека с ручным пультом к стене, подальше от потока участников круга, направлявшихся к двери. Но у него, конечно, ничего не получилось. Вместо того, чтобы вывести его из толпы, он прошел прямо сквозь ничего не подозревающего Наблюдателя. Эл-Наблюдатель присутствовал только в виде голограммы. Его физическое тело находилось в Голографической Камере Проекта, которая находилась через много лет в будущем. Изображение, появившееся в прошлом, было настроено на Сэма Беккета. Больше никто в комнате не мог его видеть или слышать. Включая, по-видимому, его самого. Эл-Наблюдатель был потрясён больше, чем Сэм когда-либо видел. Мужчина в зелёном всё ещё смотрел вслед мужчине в трикотажной рубашке и новых, крахмаленных брюках цвета хаки. "Это невозможно", - сказал он. Он попытался поднести сигару, зажатую в правой руке ко рту, но вместо этого поднял левую, в которой держал ручной пульт и замешкался. Ручной пульт выскользнул из его руки. И когда ручной пульт потерял контакт с плотью Эла, Наблюдатель исчез.

[ГЛАВА 2]

К этому времени свет уже был включен на полную мощность, и Сэм стоял у стены в одиночестве, внезапно осознав, что он ничего не делает, в том числе не одевается, и отсутствие активности делает его заметным. Эл направлялся к небольшой группе мужчин вокруг доктора Уэйлса, оставляя "Росса" попеременно смотреть то ему вслед, то на дыру в воздухе. Сэм с усилием сомкнул челюсти и последовал за оставшимся Элом. "Я думаю, сегодня днём мы добились реального прогресса", - говорил доктор Уэйлс, оглядывая своих учеников. В его словах слышался слабый акцент, и Сэм безуспешно пытался его определить. Уэйлс тоже ещё не надел рубашку, и его грудь была совершенно белой. А его руки, напротив, были темно-коричневыми, как у человека, который часто носил на улице рубашки с короткими рукавами. Из-за этого он выглядел так, словно на нём была рубашка из его собственной кожи. "Только представьте, три месяца назад нас было всего несколько человек...". Он поднял глаза и увидел Сэма. "Росс!". Улыбаясь, он взял Сэма за руку и втянул его в

круг мужчин. "Этот мальчик — а я бы сказал, настоящий мужчина," — замечание было встречено дружными смешками, - "Он оказал мне невероятную помощь. Я бы не справился без него. Он возит меня повсюду, выполняет мои поручения. Он хороший мальчик, этот Росс Мэлаки."

"Я думал, ты сказал, что он мужчина", - раздался знакомый хриплый голос с периметра круга.

Уэйлс кивнул. "Да. Да, Эл, это так. Но когда я смотрю на Росса, я вижу себя таким, каким был когда-то, каким я хочу быть до сих пор, и этот образ для меня - мальчик, всё ещё учащийся, всё ещё ищущий мудрости. Я называю его мальчиком. Для меня он всегда будет мальчиком, потому что он намного моложе. Но на самом деле он мужчина — учится быть мужчиной, как и все остальные из нас."

"Я уже знаю". Сэм не был уверен, что Уэйлс услышал ответ Эла, хотя было ясно, что услышали некоторые другие участники. Они отошли в сторону, оставив его в одиночестве за пределами круга. Проницательные тёмные глаза Эла заметили движение людей вокруг него, и тень, которая могла означать пожатие плечами или насмешку, промелькнула по его лицу. Через мгновение он отвернулся от группы, как будто это больше ничего для него не значило.

"Увидимся на нашей следующей встрече", - сказал Уэйлс на прощание.

Эл не ответил. Но лидер группы, похоже, был уверен и повернулся к остальным, ничуть не смутившись отказом. "Как только контакт с вашим внутренним "я", вашим внутренним ребёнком установлен, его необходимо лелеять, заботиться о нём, иначе он не будет расти, и вы не получите от этого никакой пользы. Некоторые мужчины говорят, что это женская черта, и принадлежит женщинам..." - Сэм услышал, как Уэйлс особо подчеркнул эти слова - "Но это также место, где Мужчины должны воспитывать, поддерживать, учить друг друга. Это неотъемлемая часть процесса познания самих себя, обучения ценить то, что значит быть мужчиной."

Эл вышел за дверь.

Уэйлс продолжал разговаривать с другими мужчинами, полностью поглощённый своей лекцией, и в конце концов Сэм выбрался из круга и из комнаты. Как он и предполагал, комната была банкетным залом отеля. Коридор был пуст. В нескольких футах от него, через вестибюль, стеклянные двери вели на наполовину заполненную парковку снаружи. Отражённый солнечный свет блестел на лобовых стеклах и хроме; небо было чистым, безоблачным и голубым. Маленькая девочка, одетая в розовый спортивный костюмчик, пробежала мимо по тротуару перед дверью и резко остановилась, когда увидела его. С беспечностью типичного четырёхлетнего ребенка она прикрыла глаза и прижалась лицом к стеклу, чтобы получше его разглядеть. Сэм ухмыльнулся и

помахал рукой. Маленькая девочка хихикнула, помахала в ответ и убежала.

Выражения лиц взрослых, которые мгновение спустя последовали за ребенком, напомнили ему, что он всё ещё полуодет. Он вернулся в банкетный зал и увидел, что Уэйлс с усилием натягивает рубашку без рукавов, а другие мужчины готовятся уходить. Остался только один рюкзак, наполовину спрятанный за краем платформы, и Сэм заключил, что он, должно быть, принадлежит Россу Мэлаки. Он небрежно потянулся за ним, готовый передать кому-нибудь другому, если это потребуется, но никто ничего не сказал, и внутри он обнаружил рубашку, потрёпанный кожаный бумажник, ключи и мелочь. Он проверил свои карманы — пусто. Очевидно, одним из правил собрания было ничего не брать с собой. Теперь, когда собрание закончилось, он почувствовал себя вправе снова набить карманы. На фотографии в водительских правах был изображён бледный молодой человек — датой рождения было 12 сентября 1970 года — с вьющимися чёрными волосами и такими голубыми глазами, что ему даже не нужно было читать введённые данные. Это были водительские права штата Нью-Мексико; адрес находился в северо-восточном квадранте города Альбукерке.

У него по спине пробежал холодок. В эту минуту я, вероятно, нахожусь менее чем в трехстах милях от самого себя, подумал он. Лицензия была выдана в 1988 году, и срок её действия истекал в 1992 году. Предполагая, что Росс Мэлаки был законопослушным гражданином, который недавно не переезжал, Сэм примерно знал, где и когда находится, и у него даже был домашний адрес. Он закрыл глаза, пытаясь вспомнить, происходило ли что-нибудь захватывающее в Альбукерке за этот четырёхлетний период. Сам по себе Альбукерке был не таким уж захватывающим — это был крупнейший город в Нью-Мексико в котором располагалась самая лучшая лаборатория по разработке оружия в стране и, возможно, во всём мире, но в нем проживало менее полумиллиона человек. Университет, вероятно, был наиболее известен своей баскетбольной командой, но даже это мало о чем говорило. Санта-Фе, столица штата, была гораздо более гламурной. Он не мог вспомнить. Он не мог сказать, было ли это из-за того, что его плохая память снова подводила его, или Альбукерке был просто скучным местом; вероятно, дело было в его памяти. Когда он попытался зафиксировать её, то уловил мысленные проблески туннелей, огней и строительной техники, воспоминания, которые, как он был почти уверен, относились к этапу строительства Проекта. И это было совсем не в Альбукерке, хотя ему приходилось проезжать через него каждый раз, когда он возвращался в Вашингтон с Элом, чтобы просить финансирование для продолжения Проекта.

Время, указанное в водительских правах, соответствовало его предыдущей оценке. Он был ужасно близок к своему собственному времени. Что касается високосных лет — то есть его настоящего времени, — он понятия не имел, сколько времени прошло на Проекте, пока он перемещался из тела одного человека в тело другого. Из комментариев Эла, он знал, что для него время шло с другой скоростью, чем для людей на Проекте. Его собственные наблюдения — когда он вспоминал о них — показали, что дельта, скорость изменений, не была постоянной величиной. Процесс скачка проделывал дыры в его памяти, и иногда он мог вспомнить то, что в последнем скачке или в следующем бы совершенно не помнил.

"Пора идти", - весело сказал Уэйлс, подходя, чтобы хлопнуть его по спине. "Я думаю, всё прошло очень хорошо, не так ли?"

"О, конечно, конечно", - машинально сказал он. Эл не выглядел так, как будто все шло хорошо — ни Эл-Наблюдатель, ни - как он должен был его называть? Настоящий Эл? Как-то не сходилось. Сэм задавался вопросом, испытает ли он такой же шок, увидев себя, какой, очевидно, испытал Эл. Однажды он переместился в себя, увидел себя мальчиком, смотрящим на себя в зеркало; но разница в возрасте каким-то образом создавала ощущение, что этот "другой человек" на самом деле был кем-то другим, посторонней личностью. Эл, из прошлого, которого видел Эл из будущего, был всего на несколько лет моложе. Разница в возрасте между Элом-Наблюдателем и Элом-Наблюдаемым была меньше, чем между Элом-Наблюдателем и самим Сэмом. Это был шок другого рода. Тихий самодовольный голосок в глубине его сознания заметил: "Теперь он знает, что я чувствую, когда смотрю в зеркало, и не вижу себя самого".

Уэйлс с нетерпением ждал его. Ему удалось отстать, чтобы мельком увидеть заголовки газет в автомате возле двери вестибюля. Газета "Альбукерке Джорнал" за пятницу, 22 июня 1990 года, гласила: "Палата представителей отклонила поправку о сжигании флагов. По меньшей мере 25 000 человек погибли в результате землетрясения в Иране. Пропавшие подростки из Лос-Лунаса в порядке. Гей-Сообщество заявило о "рецидиве" небезопасного секса". Маловероятно, что он был здесь для того, чтобы изменить что-либо из этого.

"Хорошо", - сказал он. "По крайней мере, это сужает круг возможностей".

Пожилым мужчиной, направлявшимся к красному "Блейзеру", оглядывался через плечо в поисках Сэма, и Сэм побежал догонять его, роясь в кармане в поисках ключей от машины. Послеполуденное солнце поздней весны/позднего лета было обжигающе жарким, даже при лёгком дуновении ветерка в воздухе. Он на мгновение остановился, чтобы посмотреть на небо, вспоминая погоду в Нью-Мексико. Облаков не собиралось — это было типично для июня. В начале года, скажем,

в марте, ветры были бы невыносимыми; позже, в июле и августе, грозовые тучи хлынули бы с гор, чтобы обрушить на землю Долины Рио-Гранде проливные дожди продолжительностью в пятнадцать минут. Но было жарче, чем он ожидал; даже при низкой влажности воздуха температура, должно быть, поднялась до девяноста градусов. Заведя двигатель, он на мгновение закрыл глаза, сопоставляя адрес на водительских правах со своими обрывочными воспоминаниями о планировке города. Поскольку Уэйлс сидел рядом с ним на пассажирском сиденье, он не мог достать карту, чтобы узнать, где живет Росс Мэлаки. Он предполагал, что Мэлаки живёт недалеко от Уэйлса, что было не очень хорошим предположением, но всё же...

"Сначала, пожалуйста, заедь в университет," - сказал Уэйлс, прерывая ход мыслей Сэма. "Я хочу кое-что занести". Со вздохом облегчения Сэм направился вниз по дороге. Он знал, где находится Университет Нью-Мексико, хотя никогда там не преподавал и не посещал занятия; в нём была библиотека, и этого было достаточно, чтобы сохранить его в своей памяти. Кроме того, город был расположен в виде сетки, и университет находился почти точно посередине. Он повернулся так, чтобы горы были у него за спиной, и поехал по главным магистралям до Центрального проспекта, старого шоссе 66. С этого момента оставалось только следовать указателям.

Парковка, конечно, была ещё одной проблемой. На "Блейзере" была парковочная наклейка, но стоянка перед спортзалом Лобо была заполнена. Он нашел тенистое местечко на стоянке для посетителей перед зданием, носившим название "Попджой Холл". Уэйлс вставил четвертак в счётчик и оставил его ждать.

Сэм воспользовался этим временем, чтобы свериться с картой в бардачке и посмотреть на регистрацию. Это был автомобиль Уэйлса, а не Росса Мэлаки. Сравнив адреса на водительских правах Мэлаки с адресом, указанным в техпаспорте, он пришел к выводу, что Мэлаки жил в квартире по адресу дома Уэйлса. Он нашел адрес на карте и почувствовал себя немного спокойнее, когда Эл появился снова.

"Сэм?". Голос Наблюдателя звучал почти тайком.

"Эл?". Сэм поймал себя на том, что разглядывает одежду Эла, чтобы убедиться, с каким именно Элом он разговаривает. Теперь, когда он снова оказался лицом к лицу, или лицом к "голограммному лицу", своего друга, он мог признаться себе, что видеть двух Элов одновременно тоже приводило его в замешательство. Было обнадеживающе иметь дело только с одним Элом за раз.

"Ты один?"

Сэм демонстративно оглядел парковку. Хотя она и не была пустой, но и не была полностью заполненной. И никого, казалось, не заинтересовал мужчина в "Блейзере", разговаривающий, судя по всему, сам с собой.

"Я имею ввиду, его здесь нет, не так ли?"

"Уэйлса? Нет, он пошел куда-то, чтобы кое-что занести". В тот момент, когда Сэм произнес эти слова, он пожалел о них; Эл был не в состоянии справиться с

поддразниванием. "Нет. Тебя здесь нет."

Почему-то это прозвучало ещё хуже, хоть сказанное было правильным. Эл ещё мгновение пристально смотрел на него. "Какого черта ты здесь делаешь, Сэм?"

"Эй, я думал, ты должен был мне это сказать".

"Ты знаешь правила - ты их и установил! Наблюдать, - вот то, что мы должны были делать. А не вмешиваться!"

"А кто-то изменил правила для нас. Я совершаю скачок, ты говоришь мне, что я должен исправить, я исправляю это и снова совершаю скачок. Вот такие правила..."

"Это совсем другое дело".

Тон его голоса полностью привлёк внимание Сэма. Эл выглядел так, словно вот-вот выпрыгнет из собственной кожи. Его трясло ещё сильнее, чем раньше. На этот раз он

оставил фетровую шляпу, и серебряные нити в его вьющихся тёмных волосах, которые должны были бы сверкать на ярком солнечном свете, были приглушены в будущем,

искусственном освещении Голографической Камеры, где остался тот, от кого было всего лишь изображение. Он продолжал оглядываться по сторонам, словно ожидая увидеть,

как его прежнее "я" выпрыгивает на него.

"Это слишком близко", - продолжил Эл. "Это слишком запутанно. Это...риск...Сэм, на этот раз ты не можешь изменить историю. Ты не можешь. Если ты что-нибудь изменишь,

может быть, я не буду..." - он остановил себя, фактически прикусив губу, чтобы сдержать слова.

Сэм уставился на него в замешательстве. "Что ты не будешь?"

Эл сделал глубокий вдох, раздуваясь, как кот с взъерошенной шерстью, и снова расслабился, чтобы превратиться в человека ещё меньше, чем он был на самом деле. "Сэм,

подумай. Ты не можешь сейчас изменить историю. Если ты это сделаешь, может быть..."

Он замолчал, сглотнул, и продолжил. "Я не могу тебе сказать. Ты должен разобраться в этом сам. Но это очевидно, не так ли?"

В тишине, повисшей между ними, Сэм посмотрел мимо голограммы на голубое небо, обрамляющее университетские здания в стиле возрождения Пуэбло, выдержанных в мягких

коричневых и серых тонах с закругленными углами. Со своего нынешнего ракурса он мог видеть несколько деревьев, торчащих из бетона. Где-то по другую сторону

Попджой-холла, как ему показалось, был зелёный парк с множеством деревьев, прудом и утками. Возможно, это было какое-то другое место, не это, но оно казалось правильным, каким-то знакомым. Возможно, это было ощущение университета, безопасного места, где люди учились, спорили и вели интеллектуальные войны с помощью слов и идей, - хорошее место. Ему всегда нравились университеты.

"Зачем я здесь на этот раз, Эл?" - задумчиво спросил он.

Он услышал, как Эл судорожно сглотнул, краем глаза увидел быстрое движение рук Эла. "Сегодня двадцать второе июня 1990 года. Ты в Альбукерке, Нью-Мексико. Ты мог бы сам догадаться об этом," - добавил он, защищаясь. "Я ничего тебе не говорил".

"Нет. Нет, это не так". Сэм улыбнулся про себя и решил не рассказывать Элу о газете возле отеля.

Заблудившийся чёрный дрозд тяжело пролетел через парковку и уселся на железную статую волка, университетского талисмана университета Лобо.

"Интересно, что я делал двадцать второго июня 1990 года", - сказал Сэм. Он чувствовал, как Эл вибрирует от напряжения. "Как далеко продвинулся тогда Проект...?"

"Сэм, не надо. Пожалуйста, не надо."

"Я ничего не меняю, мне просто интересно. Эл, что, по словам Зигги, я должен изменить?"

Тишина.

Он повернулся на сиденье машины, чтобы посмотреть на другого мужчину. "Эл, перестань. Что говорит Зигги?"

Эл посмотрел прямо на него и сделал еще один глубокий вдох. Ему лучше прекратить это, а то у него начнется учащённое дыхание, отметила какая-то часть сознания Сэма.

"Зигги не уверен". Пальцы Эла, сжимавшие сигару в форме конской ножки, побелели от напряжения. Цветные огоньки, мигающие на ручном пульте, запинались, лишённые ритма. "Дело в том, что пока Зигги не думает, что ты должен что-то менять".

Где-то в небе сардонически прокричала ворона.

"Что значит, я не должен ничего менять? Зачем мне прыгать сюда, если я не должен ничего менять? А если я не буду ничего менять, как я смогу снова выпрыгнуть?"

"Зигги не уверен, что на этот раз ты сможешь что-то изменить", - сказал Эл. В его голосе было ещё больше хрипотцы, чем обычно.

"Данные, которыми мы располагаем, не...полные. Прямо сейчас Зигги говорит, что вероятность того, что ты здесь застрял, составляет восемьдесят семь процентов."

Кровь отхлынула от лица Сэма, когда до него дошёл смысл сказанного. Если бы он оказался в ситуации, которую не мог изменить, он бы никогда не смог из неё выпрыгнуть. А если он не сможет выпрыгнуть... он проведёт свою жизнь как Росс Мэлаки. Он никогда не сможет вернуться домой, в

своё собственное время и в своё собственное тело.

"О...Боже," - прошептал он.

[ГЛАВА 3]

Квартира представляла собой каркасно-оштукатуренную пристройку над гаражом, с шаткой деревянной лестницей, которая вела наверх, в маленькое убежище. Сам гараж выступал вперёд от дома, образуя короткую букву L; из окна рядом с дверью квартиры Сэму открывался вид на двор, подъездную дорожку и парадную дверь. На опоре лестницы обвилась и расцвела лоза "утреннего сияния".

В одном углу у него стояли газовая плита, раковина и холодильник, а кушетка под окном, в данный момент откинута под болстер и покрытая потрёпанным коричневым клетчатым покрывалом, служила кушеткой у стены.

Это была студенческая квартира, квартира серьезного студента. Два книжных шкафа ручной работы высотой до потолка были доверху забиты учебниками, в основном по социологии, немного по антропологии. Он вытащил одну тетрадь с отрывными листами и ухмыльнулся, увидев титульный лист - "Физика в гуманистическом понимании — и нацарапанную надпись: "Недостаточно математики, чтобы вас беспокоить!". Это выглядело как сборник лекций, напечатанный и распространяемый профессором, который не был уверен, что его аудитория не уснёт, чтобы делать собственные заметки. Положив его на место, он огляделся, глубоко вдыхая воспоминания о том, как он был студентом, у которого не было больших забот, чем следующий экзамен, научный руководитель, комиссия. Он всегда любил школу, даже когда преподаватели были некомпетентны, а тексты неполными; ему всегда нравился чудесный процесс изучения чего-либо.

Рабочий стол у одной из стен был рабочим местом Росса Мэлаки. На стене над письменным столом висел потрёпанный плакат с изображением Уорикского замка: "Открыт круглый год, кроме Рождества", и разворот журнала "Плэйбой" в несколько лучшем состоянии, свидетельствующий о том, что его рабочие привычки были подвержены рассеянности. Компьютер был брошен на произвол судьбы в море блокнотов, бумаг, карточек размером три на пять дюймов, ручек и карандашей. Это привлекло его, как

морскую чайку к рыболовецкому траулеру, он растянулся на кухонном стуле перед ним и включил питание. Машина загрузилась непосредственно в программу обработки текстов, которую он узнал, и следующие двадцать минут он провёл, просматривая файлы Росса Мэлаки, сопротивляясь искушению добавить заметки к курсовой работе, чувствуя себя вуайеристом, читая любовные письма молодого человека своей девушке домой в Индиану, просьбы голодающего студента о деньгах от своего отца, письма мудрого старшего брата своей младшей сестре. Сэм вспомнил, как писал подобные письма своей младшей сестре Кэти. Правда, он не мог вспомнить, как выглядела Кэти. Он стряхнул приступ гнева и депрессии, которые вызывало любое напоминание о дырах в его памяти, и продолжил. Чтение писем было почти похоже на чтение дневника и было предосудительным вторжением в частную жизнь. Но мало что могло быть большим вторжением, чем оккупация чужого тела, и Сэм уже давно смирился с необходимостью узнать как можно больше о людях, в чью жизнь он ворвался. Прошлой осенью Росс нашел эту квартиру. Вскоре после этого он с гордостью сообщил своему отцу, что ему больше не понадобится так много денег, поскольку "доктор Уэйлс платит мне за случайную работу, такую, например, как возить его по разным местам". В письме также упоминалось, что у Уэйлса есть жена и дочь по имени Лиза, но подробностей было немного. Обязанности, какими бы они ни были, не мешали Россу два семестра подряд заниматься с полной нагрузкой, включая несколько курсов для выпускников. Этим летом он проводил больше времени, работая на Уэйлса, пытаясь накопить немного наличных. Сэм решил, что Росс Мэлаки ему нравится — он казался благоразумным, осторожным, довольно застенчивым парнем. Совсем как Сэм Беккет в том же возрасте. Он взглянул на побитые серебряные часы с огромными цифрами, которые Росс носил на внутренней стороне запястья. Почти пять часов. Это объяснило бы приступы голода. У его хозяина было худощавое тело, которое требовало частого приёма пищи. Он изучал содержимое шкафчиков у кухонной раковины, когда раздался стук в дверь, и она открылась. Он удивленно поднял глаза и увидел девушку лет пятнадцати, с каштановыми волосами до плеч, слишком сильно накрашенными глазами и неудобно обтягивающими джинсами, которая вошла без каких-либо объяснений. "Привет?". Росс, должно быть, знает эту девушку; язык её тела говорил о том, что она не ожидала никакого сюрприза от своего неординарного появления. "Привет". Положив сумочку на стол, она протиснулась мимо него и, наклонившись, открыла дверцу холодильника, чтобы осмотреть

ящики с овощами на нижней полке. "У тебя закончились апельсины".

Заставив себя отвести взгляд от ее задницы, он прочистил горло. "Э-э, да, я думаю, да. Не хотела бы ты..."

Но она уже взяла банку диетического имбирного эля и открыла крышку. "Боже, сегодня было ужасно".

Он закрыл за ней дверцу холодильника, и она, пошатываясь, подошла к потрёпанному дивану и уселась на него боком, поставив банку на колени, и посмотрела на него сквозь опущенные ресницы.

"Вот как, да?". Как начало разговора, это было не так уж много. Однако у этого было то преимущество, что это ни к чему не обязывало.

"Я думала, ты говорил, что в летней школе всё будет хорошо." - она повертела банку в ладонях. Красный цвет её ногтей и губной помады в точности соответствовал

красному цвету на банке. "Это не так. Это, типа, даже хуже, чем в обычной школе. Они дают домашнее задание!"

Очевидно, это было таким предательством, что она снова погрузилась в задумчивое молчание, прерываемое только долгими, шумными глотками из банки.

"Ну, это не так уж плохо..." - начал Сэм.

"Стенно говорит, что это пустая трата времени".

Сэм замолчал, ожидая подсказки о Стенно. Он обнаружил, что если он молчит, люди рассказывают ему почти всё, что ему нужно знать.

Именно это "почти" постоянно ставило его в тупик.

"Стенно говорит, что они просто дурачат меня. Я должна была сдать этот урок". Девушка набирала обороты. "Это несправедливо. А двойки было достаточно, чтобы сдать экзамен".

"Достаточно, чтобы сдать экзамен?" - с любопытством переспросил Сэм. Он никогда в жизни не получал низкой оценки ни по чему, кроме флирта.

"Но нет," - продолжала она, усмехаясь, не обращая на него внимания, - "Папа говорит, что я могу добиться большего. Поэтому папа сказал, что я должна взять это на себя. Он записал меня, даже не спросив моего разрешения!"

Ага, подумал Сэм. Это, должно быть, дочь Уэйлса, Лиза. Странно, судя по письмам Росса, он думал, что девочке меньше пятнадцати. Возможно, это была просто разница в возрасте Сэма Беккета и Росса Мэлаки.

Снаружи гаражной квартиры он услышал недовольный женский голос, зовущий её. "Элизабет? Лизза-бет? Ужинать!"

"Она знает, что я ненавижу это имя", - сказала девушка, как будто женщина намеренно пыталась её разозлить. Росс что-то упоминал о том, что Лизе не нравится её

настоящее имя, вспомнил Сэм. Он пожал плечами. Кэти прошла через тот этап, когда ей захотелось, чтобы ее называли Схоластикой. Это продолжалось ровно двадцать минут, вспомнил он.

Лиза допила безалкогольный напиток, и тут ей в голову пришла мысль, и она виновато опустила голову. "Я должна была спросить, не хочешь ли ты прийти на ужин".

У Сэма—Росса — заурчало в животе, а Элизабет/Лизза-бет/ненавидящая свое имя - рассмеялась. "Я думаю, это означает, да? Она готовит куриный стейк".

"Звучит заманчиво", - сказал Сэм с полной искренностью.

Банка из-под безалкогольного напитка описала идеальную дугу и упала в бумажный пакет, уже наполовину заполненный смятыми алюминиевыми банками. "Ну, тогда пошли".

Примерно через десять минут Сэм задумался, не лучше ли было бы ему порыться в холодильнике в квартире или, может быть, сходить за гамбургером из фаст-фуда.

Дом Уэйлса был построен из удобного искусственного самана, из стен через равные промежутки торчали фальшивые виги. Внутри он был обставлен в стиле "Территория" и

"Сирс Бест", на стенах в прихожей висели фотографии родственников, диван был наброшен в стиле Навахо, а перед телевизором стояло кожаное кресло с откидной

спинкой. Каждая поверхность была вытерта, каждая безделушка находилась под лучшим углом для просмотра; только семейные фотографии не позволяли ему больше походить на

образцовый дом, чем на место, где жили реальные люди. Но даже фотографии были студийными портретами Лизы и ее родителей.

Самый крупный кот, которого Сэм когда-либо видел, массивный коричневый полосатый кот с бакенбардами взрослой рыси, прошептал в столовую, остановился на полпути,

когда заметил его, и остановился, чтобы почистить лапу, попутно убедившись, что Сэм хорошо разглядел полный комплект когтей.

Отполировав оружие, он одарил его ещё

одним свирепым взглядом и удалился, надменно взмахнув на прощание оперённым хвостом. Сэм снова огляделся, но не увидел на мебели кошачьей шерсти. Он удивлённо покачал

головой. Кто-то определённо добросовестно относился к уборке.

"Что ты сделал с Мачо?" - спросила девушка. "Обычно он подходит прямо к тебе".

"Не могу себе представить", - сказал Сэм. Но он прекрасно знал, почему Мачо отверг его. Животные и маленькие дети, глядя на Росса Мэлаки сейчас увидели бы вместо

него Сэма Беккета. Время от времени он пытался понять, почему. Эл как-то сказал, что это как-то связано с мозговыми волнами. В этом объяснении были пробелы, но он не

знал, были ли они вызваны недостатком научных знаний у Эла или его собственной искажённой памятью.

Эл. Эл, который находился одновременно в двух разных местах. Ему нужно было долго и упорно думать об Эле. С тех пор, как Эл

сказал ему, что он, возможно, застрял здесь, он позволил своему подсознанию обдумать проблему. Он собирался уделить ей — им — всё своё внимание. Обе проблемы — почему Эл был в группе встреч и что он должен был изменить. Потому что, что бы ни говорил Наблюдатель, в этой временной линии должно было что-то измениться. Иначе он так и останется Россом Мэлаки навсегда, а Росс Мэлаки...

Он понятия не имел, что случится с Мэлаки в промежутке между его настоящим временем и временем Эла. Он должен был спросить Эла и надеяться, что это не было еще одной из тех вещей, о которых Эл не хотел говорить.

Миссис Уэйлс накрывала для него на обеденный стол, расставляя тяжёлое серебряный и жёлтый фарфор на зеленый коврик. Тарелка выглядела как гигантский подсолнух на фоне лужайки.

В центре стола стояла композиция из сухих цветов, которая эффективно закрывала обзор каждому сидящему напротив. Сэм взял у женщины блюдо с мясом в панировке и поставил его на стол, воспользовавшись возможностью сдвинуть цветы с мёртвой точки.

"Спасибо, Росс". Миссис Уэйлс была невысокой женщиной, со слишком красной помадой на губах и слишком светлыми волосами. На ней были коричневые джинсы и чёрный пуловер. Она была бодрой. Очень бодрой. Как будто её настроение было искусственным. Сэм быстро оглядел кухню, собираясь взять картофельное пюре, но не заметил ни одной открытой бутылки из-под ликёра. Она уклонилась с его пути, и он напомнил себе себе, что нужно отдать женщине должное.

"Ты такой услужливый мальчик!"

"Да, уж, подлиза", - пробормотала девушка себе под нос, когда он проходил мимо.

"Лизза, милая, это было грубо."

"Лиза. Меня зовут Лиза. Зови меня Лиза, черт возьми!" Голос девушки сорвался на крик. Сэм поставил миску на стол и повернулся, чтобы взять Лизу за руку, на мгновение

забыв, что он гость, а не старший брат. Но выражение лица женщины, стоявшей между ним и девушкой, остановило его.

На мгновение, всего на мгновение, её лицо показалось разбитым, как будто он мог заглянуть за пределы пудры, туши и губной помады и увидеть кого-то с дрожащими

выцветшими голубыми глазами, кого-то с хрупкой, тонкой, как бумага, кожей, натянутой на череп, кого-то, кого гнев может унести прочь, как уносят листья ураганом. Ещё

одно слово — любое другое слово — заставило бы её беспомощно кружиться на месте. Она смотрела на свою дочь с печалью и уязвимостью.

Лиза тоже это заметила и замолчала. Она перевела взгляд с матери на Сэма и обратно, затем развернулась и зашагала прочь,

позволив двери кухни захлопнуться за ней.

К тому времени, как всё стихло, миссис Уэйлс снова зашевелилась, доставая из ящика сервировочные ложки и позвякивая ими в руках.

"Знаешь, " — сказала она без всякой связи, уставившись на ложки в своих руках, - "Я помню, как однажды, о, это было, должно быть, пять или шесть лет назад,

Лизза-Лиза - пришла домой из школы. Она была так растеряна. В тот день у них был конкурс по правописанию, и у них было по пять лучших орфографов из каждого класса, и

Лизза была одной из них в своём классе. Она была единственной девочкой."

Ложки перестали стучать, и костяшки её пальцев побелели и покраснели там, где она их сжимала.

"Она была первой, кто пропустил слово. И она была так зла, потому что они сказали, что она пропустила это, потому что была девочкой".

Сэм видел, как на её ресницах выступили слёзы. "Потому что она была девочкой?" мягко переспросил он, побуждая её.

"Она была единственной девочкой, и она была первой, кто промахнулся, поэтому они сказали, что это, должно быть, потому, что она была девочкой".

Он подождал, ожидая продолжения истории, но больше ничего не последовало. Женщина всхлипнула, сдерживая слёзы, и порылась в кармане в поисках салфетки, отложив

ложки. Сэм поднял их, пока она сморкалась. Когда она снова подняла глаза, на ней снова была маска.

"Спасибо, Росс. Просто оставь всё это на столе, мне кажется, что-то попало на контактные линзы.. Иногда они доставляют столько хлопот, эти контактные

линзы. Единственная причина, по которой я их ношу - это просто тщеславие. Наверное, я думаю, что в них выгляжу привлекательной."

Сэм понял, что она не напрашивалась на комплимент, а просто говорила, что придётся, лишь бы заполнить тишину.

"Всё в порядке", - сказал он, говоря так быстро, что запинался на словах. "Ты...вы...вы выглядите привлекательно независимо от того, носите контактные линзы

или нет".

"Ты милый мальчик, Росс". Она одарила его трепетной улыбкой и вышла через другую дверь.

Сэм покачал головой и отнёс ложки в столовую.

Лиза сидела за столом, откинувшись назад так, что её подбородок был всего в нескольких дюймах над уровнем стола.

"Ты всегда кричишь на свою мать?" - спросил Сэм, кладя ложки на стол гораздо аккуратнее, чем ему хотелось бы.

Лиза искоса посмотрела на него из-под ресниц, вдохнула, как будто собиралась что-то сказать, а затем слегка покачала головой, отвергая свой собственный невысказанный

комментарий.

"Знаешь, если бы моя сестра так повысила голос на мою мать..." — он сделал паузу, пытаясь представить, во-первых, как его

младшая сестра Кэти поступила бы подобным образом, а во-вторых, что бы произошло, если бы она так поступила. Эта идея была выше его понимания. Он не мог припомнить, чтобы когда-либо происходило что-либо подобное.

Что не означало, что этого не было. Это могло быть, и в его памяти просто была дыра там, где должно было быть это конкретное воспоминание. Но он помнил о сестре, и о матери, и мысль о том, что Кэти кричит на свою мать, просто не укладывалась в голове. Он глубоко вздохнул, чтобы подробно объяснить это подростку, сгорбившемуся за столом.

"Какую историю она рассказала на этот раз?" - спросила Лиза.

"Что?". Вопрос был настолько неожиданным, что ему пришлось его повторить. "Какую историю?"

"Да". Лиза выпрямилась и села прямее на стуле. "Она всегда рассказывает эти истории. Как будто это что-то очень важное".

"Может быть, они и вправду важны. В конце концов, она твоя мать".

"Это глупые вещи. Глупые. Например, одна из её любимых историй - это о том, "когда я научилась завязывать шнурки на ботинках".

Она рассказывает эту историю так, словно я была какой-то калеккой, делающей свой первый шаг."

"Она твоя мать. Всё, что делает ребенок, важно для матери".

"Она обращается со мной как с ребёнком!"

"С её точки зрения, ты её ребенок".

"И я всё ещё буду ребёнком, когда мне исполнится сорок?" - спросила Лиза. "Когда же я стану взрослой? Ради Бога, она даже не может называть меня по имени!"

"Одна из особенностей взросления, Лиза..." — начал Сэм. Вращающиеся двери открылись, и вернулась посвежевшая миссис Уэйлс. Лиза бросила насмешливый взгляд на Сэма, который тут же замолчал. Время для лекции найдётся позже, мрачно пообещал он себе.

"Твой отец почти закончил медитировать, дорогая. О, стол выглядит так мило! Росс, твоя мама, несомненно, обучила тебя должным образом".

"В отличие от того, как моя мать обучала меня?" - спросила Лиза.

Её мать вздрогнула и храбро продолжила. "Но знаешь, ты передвинул центральное блюдо. Оно должно быть в центре стола. Вот почему его называют "центральным блюдом", дорогой. Давай просто вернём это на место. Ну вот, теперь не намного ли приятнее?. Так красиво. Я люблю цветы, а ты? Цветы в этом году были такими чудесными."

"Такими милыми, ты имеешь ввиду?" - сарказм в голосе Лизы можно было бы вырезать тупым ножом для масла.

Миссис Уэйлс моргнула, а Сэм уставился на Лизу, мысленно добавляя ещё одну главу к этой лекции. У девушки хватило такта

выглядеть слегка пристыженной, пока её мать суежилась вокруг "милого" стола, расправляя салфетки, точно расставляя ножи и ложки, расставляя стаканы для воды по местам, наполняя салатницы листьями салата и следя за тем, чтобы на каждой маленькой тарелочке были помидор и ломтики моркови и огурца, и чтобы они были красиво разложены. Ужин проходил в напряжённом молчании. Доктор Стивен Уэйлс величественно прошествовал в столовую, уселся, царственно кивнул жене, дочери и Сэму и расправил салфетку. Сэм на мгновение ожидал, что он возьмёт нож и вилку в руки и превратится в Генриха VIII с пером на украшенной драгоценными камнями шапочке. Но Стивен Уэйлс остался Стивеном Уэйлсом, а Лиза осталась Лизой и миссис Уэйлс, чьё имя Сэм всё ещё не знал, осталась миссис Уэйлс. Единственным за обеденным столом, кто в последнее время преобразился, был Росс Мэлаки, который, без ведома остальных присутствующих, на самом деле был Сэмом Беккетом, путешественником во времени, чьё путешествие вышло из-под контроля. Серебро звякнуло о фарфор. В стаканах плеснула вода. Кофе не было. Сэм поймал себя на том, что ему нужен вкус кофе, чтобы компенсировать хрустящий куриный стейк в кляре, картофельное пюре, горошек и морковь, и напомнил себе, что не стоит просить хлеб, чтобы намазать его соусом. В детстве для него было удовольствием взять кусочек белого хлеба, который готовила его мать, и намазать его коричневой солёной подливкой. Это подходило к такому блюду, но он мог представить выражение лиц Уэйлсов. Даже его мать говорила ему, что хлеб с подливкой предназначен исключительно для домашних блюд. Эта еда сбивала с толку. На вкус это напоминало блюда, которые он помнил, за исключением отсутствия кофе; текстура и вкус еды во рту были текстурами и ароматами, которые вызывали яркие воспоминания о солнечном свете, льющемся через западное окно кухни в доме его родителей, поддразнивании старшего брата, в свою очередь поддразнивающим младшую сестру. Поддразнивания никогда не выходили из-под контроля. Его родители могли взглядом предупредить мальчиков, чтобы они следили за своими манерами. Но в этой семье не было ни поддразниваний, ни даже разговоров, кроме "Передай картошку, пожалуйста" и "Я передам тебе перец, дорогая, тебе не нужно тянуться за ним". Тарелки были почти убраны, прежде чем миссис Уэйлс спросила своего мужа: "Хорошо ли прошла твоя сегодняшняя встреча, дорогой?" "Ты же знаешь, Дженни, мы не обсуждаем то, что происходит в кругу. Это мужские тайны."

Сэм не смог удержаться от того, чтобы не закатить глаза в недоумении. Лиза подавила смешок и одарила его скрытой ухмылкой. Уэйлс аккуратно положил нож на тарелку. "Возможно, вы находите это забавным, юная леди, но уверяю вас, это не так. Вы не должны смеяться над нами".

Сэм виновато вздохнул от облегчения, что его собственный взгляд больше никто не заметил.

"О, мне и не нужно", - заверила Лиза отца с каменным лицом. "Ты прекрасно справишься сам".

Брови Уэйлса нахмурились. "Ты не можешь так разговаривать со своим отцом".

"Но я делаю это, не так ли?" - легкомысленно спросила она, кладя салфетку рядом с пустой тарелкой. У Сэма сложилось впечатление, что она часто делала это раньше, и специально приурочила это к концу трапезы.

"Довольно!"

"Довольно чего?" - спросила она, ухмыляясь, отодвигая свой стул от стола ровно настолько, чтобы быстро отойти от него.

Сэм вжался в кресло и попытался стать невидимым. Он надеялся, что, что бы ему ни пришлось сделать, это не будет примирением этого отца с этой дочерью. Это начинало казаться вероятным.

Позади него раздался звук открывающейся двери Голографической Камеры, и он скрыл вздох облегчения, в котором совсем не было вины. Эл вернулся. Он больше не был

одинок в этой враждующей семье; у него был союзник, пусть и невидимый.

Через мгновение дверь снова открылась, и Эл исчез, не сказав ни слова.

[ГЛАВА 4]

В конце 1990-х годов квантовый физик Сэм Беккет столкнулся с кризисом на секретном Проекте в пустыне Нью-Мексико, в нескольких сотнях миль от Альбукерке, который носил название "Квантовый Скачок". Скептически настроенное финансирующее агентство, неспособное разобраться в непонятной математике, подтверждающей его теорию о потенциале путешествий во времени, и потрясённое стоимостью вычислительного оборудования, необходимого для её поддержки, потребовало немедленно увидеть существенные результаты, иначе Проект будет закрыт. Не посоветовавшись со своим Проектным персоналом, он установил последние соединения и шагнул в светящееся голубое кольцо Ускорителя, надеясь и ожидая, что сможет наблюдать прошлое в течение своей собственной жизни. Вместо этого прошлое разлетелось вдребезги.

Вместо того чтобы наблюдать за прошлым, он стал его частью.

Каким-то образом математика, компьютер и эксперимент выбросили сущность Сэма Беккета из его тела в чьё-то чужое. Компьютер, биомеханическая конструкция по имени

Зигги, выдвинул гипотезу, что эксперимент перемешал время. Чтобы вернуть доктора Беккета обратно — и вернуть человека, который в настоящее время занимал тело

Сэма Беккета, расплывшееся на полу Голографической Камеры — его нужно было найти, и трещина затянулась. Они перетащили тело в Зал Ожидания и начали поиск во

времени. Когда тело снова открыло глаза, Проект возликовал. Затем они поняли, что человек, занявший тело Сэма, на самом деле не был Сэмом.

Единственный человек, который мог узнать Сэма Беккета как самого себя, был человеком, пожертвовавшим дополнительную нервную ткань для нейроэлементов в гибридном

компьютере: Эл Калавичи. Активировав Зигги, это жертвоприношение создало резонирующую связь от Эла через Зигги к Сэму. Зигги обнаружил Сэма в прошлом, проанализировав

известную историю и последовательность событий, необходимых для того, чтобы привести к текущему — настоящему времени Зигги. Компьютер отметил, что отдельные,

незначительные события происходили не так, как того требовали данные, и потерянный доктор Беккет, по-видимому, был привлечён этими сбоями. Компьютер вычислил,

проанализировал, оценил шансы, проследил связи и отправил изображение Эла в прошлое, чтобы помочь доктору Беккету вернуться. Помогло то, что обычно они могли спросить

человека в теле Сэма, кем он — или она — себя считает.

К сожалению, доктор Беккет не мог вспомнить, кем он был, или кем был Зигги, или что такое Квантовый скачок. В его бывшей фотографической памяти было полно дыр. И

отчаявшийся Зигги пришёл к выводу, что заполнение дыр приведёт к дальнейшему разрушению временных линий. Сэму пришлось исправить какое-то событие в жизни человека, в

чьё тело он переместился, чтобы вернуться в восстановленное будущее, которое было настоящим временем для Эла. Это всё, что Эл мог рассказать Сэму.

Ещё одна проблема, о которой Эл не мог рассказать Сэму, заключалась в том, что каждый раз, когда Сэм вносил исправления, появлялись другие трещины. Прошлое, некогда

единое целое, теперь напоминало горшочек с раку, вынутый из печи. Зигги не мог предсказать, куда каждое исправление приведёт Сэма в следующий раз; он мог только

заключить, что исправление должно быть сделано. В противном случае настоящее время разрушилось бы, вместо того чтобы просто становиться всё более искажённым.

И к этому времени единственными, кто помнил, как должно было выглядеть настоящее время, были Зигги и Эл.

Эл ничего не мог рассказать Сэму о своём настоящем времени, о Проекте, готовящемся сейчас, на заре нового столетия, потому что он не больше Сэма знал, как это будет выглядеть каждый раз, когда Эл в него войдёт. Пока что это не слишком отличалось, по крайней мере, в главном. Во всех линиях будущего должен был быть Зигги; в этом они могли быть достаточно уверены. Во всех вариантах будущего времени, в котором появлялся Сэм Беккет, каким-то образом проект "Квантовый Скачок" был запущен.

Однако Эл Калавичи вовсе не был уверен, что его присутствие необходимо.

Однажды он попытался представить, что произошло бы, если бы блуждание Сэма во времени заставило его, Эла Калавичи, сделать какой-нибудь выбор, который привёл бы его в другое место в его жизни. Окажется ли он внезапно где-нибудь за пределами Голографической Камеры, возможно, будет мыть машину каким-нибудь субботним днём возле дома в жилом пригороде Иллинойса, готовясь зайти в магазин за продуктами на неделю? Окажется ли он внезапно снова женатым на женщине, которую минуту назад никогда не встречал?

Вспомнит ли он другое прошлое, то, которое было стёрто переменой, так же, как он помнил все изменения, которые Сэм уже совершил?

До сих пор это было всего лишь интеллектуальным упражнением, с которым он забавлялся и поспешно отбрасывал при появлении неизбежной головной боли. Но на этот раз... на этот раз всё было слишком возможно.

Он мог вспомнить группу встреч. Он был в процессе развода со своей четвёртой, или это была пятая — неважно — женой. Он уходил в отставку со службы в

Военно-Морском Флоте. Проект "Звёздный Свет" завершился. И будущее казалось ужасно мрачным. Настолько, что, когда посредник по бракоразводному процессу предложил

ему, раз уж он все равно совершает последнюю поездку в Альбукерке, попробовать группу Стивена Уэйлса по повышению самооценки мужчин, он пожал плечами и сказал: "Почему бы и нет?"

Долгое мгновение Эл стоял один в холодном флуоресцентном свете Голографической Камеры, уставившись на странную коллекцию цветных кубиков, которая являлась ручным пультом. Это выглядело так, как будто в коробке расплавился мармелад, но с лампочками, мигающими неправильными узорами внутри маленьких коробочек с компонентами.

"Зигги?" - произнёс он. Ему было приятно, что его голос был ровным. Он не ожидал, что он будет ровным.

"Да, Адмирал?" Это был женский голос, женщины раздражительной, изнеженной и избалованной. Эл все ещё думал о Зигги как о "нём", хотя Тина Мартинес-О'Фаррелл,

инженер-конструктор, которая воплотила мечту Сэма в металле и пластике, повысила голос компьютера на октаву после решения последней проблемы. Зигги был экспериментальным. Даже Тина не понимала, как нейроэлементы взаимодействуют с остальным компьютерным дизайном. Это означало, что что-то пошло не так. Много.

Это создавало определённое напряжение на Проекте.

Как и тот факт, что у каждого мужчины, работающего в настоящее время в пещерах и туннелях под пустыней Нью-Мексико, были похотливые фантазии о Тине. Особенно, включая, Эла Калавичи, которому удавалось время от времени потакать этим фантазиям.

"Все...по-прежнему здесь?"

Следующая пауза, возможно, означала столетия в вычислительных терминах, поскольку Зигги рассматривал вопрос с точки зрения того, каково было текущее состояние реальности, по сравнению с тем, как выглядела реальность, когда Наблюдатель вошёл в Камеру менее трех минут назад.

"Да, Адмирал", - наконец сказал Зигги. "Существенных изменений не произошло".

Эл закрыл глаза, облегчённо вздохнув.

"Адмирал", - продолжал компьютер, "Я должен напомнить вам, что любые изменения, которые могут быть внесены, не зависят от вашего присутствия или отсутствия такового в текущем окружении доктора Беккета. Изменения могут произойти в любое время".

"Я знаю это", - отрезал Эл. "Я знаю это".

"Ситуация нестабильная", - сказал Зигги.

"Я это тоже знаю".

"Да, Адмирал". Компьютер замолчал. Единственным звуком в Голографической Камере было жужжание флуоресцентного освещения и кондиционера, который охлаждал компьютер.

Если бы не это, подумал Эл, то он мог бы слышать, как бьётся его сердце.

"Хорошо, открывай".

Дверь шлюза скользнула вверх, и Эл прошёл из буферной зоны в центральную Диспетчерскую, большое помещение, в котором доминировала версия ручного пульта длиной десять

футов и шириной пять футов, которая являлась разноцветным столом, над которым был подвешен сине-серебристый шар.

Остальная часть комнаты была занята частями

Зигги. Потребовалось много флэш-памяти, чтобы сохранить чуть больше сорока лет мировой истории.

Живчик, главный программист Проекта и человек, ответственный за то, чтобы вся эта история была доступна компьютеру, консультировался с Тиной над схемой, и они оба не обращали внимания на окружающие их технологические чудеса. Когда Эл вошел, они удивленно подняли головы.

"Это не заняло много времени", - поприветствовала его Тина. "Всё, типа, в порядке?"

"Да, всё в порядке. Он ужинает. Мы не смогли поговорить." - Эл продолжал идти. В кои-то веки он не хотел наслаждаться видом длинных ног и великолепного тела Тины. Он

не заметил боли в её глазах, когда проходил мимо, все еще думая о Сэме.

Он миновал Зал Ожидания, даже не взглянув на дверь; сегодня у него не было настроения иметь дело с кем-то ещё в теле Сэма Беккета.

Что бы он сделал, если бы в его квартире зазвонил телефон, когда он входил в дверь, и когда он поднял трубку, незнакомый голос сказал: "Эл? Это Сэм".

От этой мысли у него мурашки побежали по коже. Он не мог себе представить, что это может значить для временной линии. Всё это время он утешал себя мыслью, что Сэм

должен был вернуться, что скачок должен был закончиться к тому времени, когда Зигги подключился к сети и произошел первый скачок Сэма. Сэм не мог переместиться во

время после начала скачка. По крайней мере, Эл всегда так думал.

Очевидно, он ошибался.

Эл не разбирался во всей этой математике. Он был хорош, когда дело касалось реактивных самолётов, а не квантовой физики.

Дверь в его жилище выглядела точно так же, как и все остальные двери в жилом коридоре. Он потянулся к печатной плате, чтобы отпереть дверной замок, и замер. Что, если

всё было по-другому? Что, если бы временная линия изменилась, и всё было бы не там, где должно было быть?

Это был путь к безумию. Он отрицательно мотнул головой и хлопнул ладонью по сенсорной поверхности, и дверь открылась.

Всё было по-прежнему. Всё те же унылые кремовые стены, пустая комната с кроватью, письменным столом, терминалом и — к счастью, молчащим — телефоном. Эл Калавичи

путешествовал налегке, и никак не украшал комнату. Два плаката на стене были стандартными, не по его выбору, и он не смог бы сказать вам, что это такое, если бы не смотрел на них.

Вид Сэма, сидящего за столом Уэйлсов и ужинающего, каким-то образом стал последней каплей. Он следовал за Сэмом во времени уже много лет. Единственная передышка,

которую он когда-либо получал, была между скачками, в то время как Зигги пытался выяснить, когда именно переместился Сэм, и они никогда не знали, сколько времени

потребуется, чтобы зафиксировать его, или в какой ситуации он окажется. Он устал.

И если он устал, то Сэм, должно быть, устал ещё больше; с его точки зрения, скачки были одновременными. Едва он решал одну ситуацию, как его бросали в другую, как

правило, в самых опасных или неудобных условиях.

Обжаренный стейк с курицей, однако, не был ни опасным, ни смущающим, и Зигги не мог понять, что Сэм мог бы изменить, не изменив кардинально ситуацию. Пришло время

оставить всё так, как оно есть.

Электронное покашливание, свидетельствовавшее о неуверенности Зигги, заставило его подскочить. Сэм запрограммировал компьютер так, чтобы он не нарушал долгого молчания без предупреждения. Предупреждение было таким же неприятным, как и поток данных, который Зигги обычно запускал раньше.

Теперь, по крайней мере, компьютер ждал подтверждения.

"Да, в чём дело?"

"Вы всё ещё храните ручной пульт, Адмирал."

"И что?". Он чувствовал себя грубияном. Раньше Сэму удавалось вывести его из такого настроения.

Может быть, Сэм выводил его из этого настроения прямо в эту минуту. По спине Эла пробежал холодок.

"Живчик хотел бы изучить этот компонент, Адмирал".

Нет. Сэм ни из чего его не выводил. Он ужинал с семьей Уэйлс.

А может, и нет, ведь время для Сэма, во время скачков похоже, текло иначе, чем у людей, которые пытались отследить его.

"Скажи Живчику... скажи Живчику, что я занесу его по дороге".

"Вы куда-то направляетесь, Адмирал?"

"Да. Я собираюсь в Лос-Анджелес на хоккейный матч".

Пауза.

"Мы не сможем поддерживать связь с доктором Беккетом, если вы уйдете, Адмирал". Голос компьютера был напряжённым. Эл сказал себе, что это всего лишь его

воображение. Зигги, в конце концов, был всего лишь компьютером. Или был им в последний раз, когда он смотрел на него.

"Он прекрасно справляется сам". Наблюдатель вытащил из-под кровати маленький портфель и начал собирать вещи в деловом стиле Военно-Морского Флота. "В этом я Сэму не нужен".

"Я не согласен", - ответил Зигги.

"Круто". Он положил свой набор для бритья поверх аккуратно сложенных рубашек.

"Доктор Беккет не бросил бы вас".

Эл вздрогнул, но продолжил собирать вещи.

Компьютер хранил молчание.

Он закончил собирать вещи и направился к двери. Зигги продолжал хранить молчание.

[ГЛАВА 5]

Вопреки убеждению Эла, Сэм чувствовал, что ему не помешала бы любая помощь, которую он мог получить. Разговор между Лизой и её отцом зашел в тупик, и ужин подходил к концу в гулкой тишине. Столовое серебро звякнуло о тяжёлые тарелки из желтого фарфора. Миссис Уэйлс украдкой поглядывала на мужа и дочь, как будто хотела что-то сказать, но не могла решить, что именно; ее муж, со своей стороны, делал вид, что наслаждается едой и игнорирует всех остальных. Лиза размазывала картошку по тарелке и вообще ничего не ела. Сэм подумал, не страдает ли она анорексией, но она выглядела слишком здоровой для этого. Он хотел знать, что происходит с этой семьей. Была ли миссис Уэйлс алкоголичкой или больной? Лиза прогуливала летнюю школу? Что?

И вообще, почему Эл оказался в Альбукерке? Разве он не должен быть в Вашингтоне, округ Колумбия?

Дженнивер Уэйлс едва успела проглотить последний кусочек горошка с морковью, как вскочила на ноги и принесла десерт - старомодное яблочно-коричневое

печенье "Бетти". Лиза поставила громкую точку в идее быть анорексичкой, потянувшись за большой порцией со всеми признаками нетерпения. Уэйлс нарушил своё погружённое в себя молчание, сказав: "Положи это на место".

"Что?". Девушка была так поражена, что уронила ложку. Яблоки и корица разлетелись по столу.

"О, теперь посмотри, что ты наделала", - начала было её мать, но муж перебил её.

"Если вы не можете поужинать со всеми нами, то уж точно не можете получить никакого десерта, юная леди".

"О, да ладно, папа, мне же не шесть лет!"

"Тогда перестань так себя вести."

"О, ради Бога", - огрызнулась Лиза, вставая.

"Сядь."

Сэму доводилось слышать армейских генералов с меньшей властностью в голосе. Лиза застыла на месте, полусидя, полустоя, в недоумении уставившись на отца.

"Сядь". Его руки лежали на столе, сознательно разжатые.

Лиза выпрямилась. "Я должна встретиться со Стенно", - сказала она, сначала её голос был очень тихим, но становился всё сильнее, когда она переходила к имени.

"Я же просил тебя кое-что сделать", - сказал её отец.

"А я говорю тебе идти к чёрту", - ответила Лиза.

"Если ты покинешь этот дом, не надейся вернуться".

"Кто сказал, что я этого хочу?". И Лиза вышла за дверь, оставив отца смотреть ей вслед, а мать тихо плакать над забытым яблочно-коричневым "Бетти".

И Сэм с замиранием сердца подумал, что на этот раз он знает, какую проблему нужно решить.

Уэйлс озадаченно посмотрел вслед дочери, комкая салфетку, а затем бросил взгляд на Сэма и свою жену, как будто подбивая их что-нибудь сказать. Когда они замолчали, он встал, слегка споткнувшись о ножку стула.

"Росс, я хочу видеть тебя в библиотеке, пожалуйста".

К большому удивлению Сэма, это действительно была библиотека; комната, вероятно, изначально была спальней, но три стены были невидимы за плотно заставленными книжными полками от пола до потолка. Четвёртая стена изначально была шкафом. Раздвижные двери были сняты, и открывшийся проём был заставлен шкафами для бумаг.

На функциональном столе из орехового дерева стоял более современный компьютер, чем у Росса Мэлаки, а на столе рядом с ним стоял лазерный принтер и несколько стопок бумаги.

"Я не знаю, что с ней делать", - сказал Уэйлс. В его голосе звучали усталость и безнадёжность. "Я просто не знаю. Она встречается с этим проклятым гангстером, и она не слушает. Я пытаюсь, пытаюсь, а она не слушает". Он опустил в офисное кресло. Его лицо было искажено тревогой. "Никогда не заводи дочерей, Росс. Они не слушают."

"Ну..." Гангстер? - поражённо подумал Сэм. Не многие люди теперь используют слово "гангстер", во всяком случае, по отношению к детям. Даже по отношению к членам банды. "Члены банды" - вот что это был за термин. В некотором смысле это было обидно; у слова "гангстер" было гораздо больше колорита. Это вызывало образы широких лацканов, фетровых шляп с широкими полями и узких галстуков...нет, это был Эл. Ну, если дать Элу пистолет-пулемёт Томпсона, он мог бы сойти за гангстера, предположил Сэм.

Уэйлс продолжал говорить, и Сэм заставил себя быть более внимательным.

"Они не слушают. Женщины не слушают. Вот почему это так важно". Как к человеку, который увидел спасательный круг, к Стивену Уэйлсу вернулась энергия. "Важно, чтобы мужчины научились возвращаться к своей сущностной мужественности. Мы не можем ожидать уважения от наших женщин, пока не научимся уважать самих себя".

Сэм поморщился. "Это не собственность", - заметил он.

"Что? Кто?". Уэйлс прервал процесс перебирания стопки бумаг и близоруко посмотрел на него сквозь толстые стёкла очков.

"Женщины. Вы сказали "наши женщины". Они не наши. Они такие же люди".

Уэйлс снисходительно улыбнулся. "Когда ты женишься, ты поймешь, Росс. Конечно, мы не думаем о них как о простой собственности".

Конечно нет. Не "простой". Но всё равно их значение было только по отношению к нему. Жена, дочь, дом, планеты, вращающиеся вокруг солнца, которым был Стивен Уэйлс.

"Но это неважно. Мы собираемся провести ещё один круг завтра вечером; я хочу, чтобы ты убедился, что в отеле есть кофе и чтобы мы могли подготовиться заранее. Если

они не смогут обеспечить простейшие удобства для нашей группы, нам просто придётся найти другое место для встреч. Я хочу, чтобы ты и это проверил. Посмотрим, сможем ли мы найти место подешевле". Он вытащил квитанцию, включил компьютер, пробормотал что-то себе под нос, когда тот загрузился прямо в программу для работы с электронными таблицами.

"А как же Лиза?" спросил Сэм.

"Лиза? Я позабочусь о Лизе. Я сказал ей, что я сделаю, и я собираюсь это сделать".

Сэм прокрутил в голове разговор за обеденным столом. "Вы сказали, что ей не обязательно возвращаться..."

"Я сказал то, что сказал." - Уэйлс на мгновение закрыл глаза и глубоко вздохнул. "Настоящий мужчина не отступает. Если она собирается жить под моей крышей, она должна

жить по моим правилам. Это одна из самых трудных вещей в том, чтобы быть мужчиной, Росс. Ты не можешь себе позволить этой слабости, этому шатанию взад-вперёд в попытке угодить всем, этой нерешительности одолеть тебя. Каждый из нас должен проникнуть внутрь себя, к своей сущностной мужественности, и найти в себе первобытную

силу, чтобы установить и поддерживать свою волю в отношении своего собственного места, своей собственной территории. То, что настоящий мужчина говорит, то и есть. Если Лиза поймет, что я имею ввиду то, что говорю, это даст ей чувство безопасности, в котором она нуждается. Родитель должен устанавливать пределы и границы".

Сэм посмотрел на мужчину, который полулежал в кресле, вглядываясь сквозь толстые стёкла очков в экран компьютера, тыкая пальцем в клавиатуру и рассуждая о сущностной мужественности. В картине не было ничего, что обязательно противоречило бы представлению о сущностной мужественности, но отношение Стивена Уэйлса как-то не способствовало этому, несмотря на речи. Он был тучным, лысым, близоруким мужчиной лет шестидесяти с небольшим, который смело говорил о силе, воле и месте. Это должно было быть жалким зрелищем.

Почему-то это было не так.

"Что это значит для Лизы?" - спросил он.

"Если Лиза отвергает мои правила, она не может рассчитывать на мою крышу над головой. Я больше не хочу это обсуждать, Росс. Пожалуйста, свяжись с отелями, и я был бы признателен, если бы ты посмотрел на этот кран в задней ванной. Дженнивер говорит, что он снова капает."
"Да, сэр".

Дженнивер Уэйлс очень медленно и очень осторожно ставила посуду в раковину из нержавеющей стали, чтобы фарфор не звякнул о металл. Она дышала через рот, контролируя частоту и громкость каждого вдоха, чтобы никто не мог обвинить её в том, что она задыхается. Она делала это, когда Лиза — когда Лиза родилась, тоже отказываясь тяжело дышать даже по настоянию врачей. Унижение родов было достаточно тяжёлым, чтобы позволять себе ещё и дышать в отвратительно слышимой манере. Врачи сказали, что учащённое дыхание облегчит боль при родах, но она предпочла вместо этого терпеть это, сохраняя стоический настрой. Возможно, это помогло бы и от боли, которую она чувствовала сейчас. Она могла бы попробовать. Оглянувшись через плечо в сторону столовой, она решила не делать этого. Кто-нибудь может войти. Кроме того, эта боль была совсем не похожа на боль при родах. Эта боль приходила и уходила, и в течение длительного времени, иногда часами, ей вообще не было больно, и ей не нужно было думать о своем дыхании. Когда это все-таки происходило, это происходило внезапно, как будто когти погружались в её внутренности, сжимая и выворачивая, сдавливая и дёргая ее внутренности, и ей приходилось держаться очень неподвижно, чтобы сохранить контроль, удержаться от крика и, возможно, даже от потери сознания. Она надеялась, что никто не заметил, как она резко закрыла глаза и сгорбилась, словно пытаясь скрыть агонию. Она ничего не могла с собой поделать, хотя и пыталась. Стивен расстроится, если она потеряет сознание. Стивен в последнее время так легко расстраивался. Она заставила себя думать о Стивене, и когда боль утихла, она снова выпрямилась. Со стороны Лизы было слишком плохо так спорить с отцом. Да ведь отец Дженнивер не потерпел бы таких разговоров, как если бы у него выросли крылья, чтобы летать. Стивен был прав, Лизе следовало бы

больше уважать своего отца. Он хотел для неё только самого лучшего.

И он не должен был объяснять свои решения. В конце концов, Лиза все ещё была ребёнком. Решения были приняты для того, чтобы им следовать, и это было всё, что

требовалось. Если бы она просто делала то, что ей говорили, не было бы необходимости во всех этих постоянных ссорах.

Она выбросила остатки картофеля в мусорное ведро и полила тарелки водой, наблюдая, как густеет и исчезает подливка. Никто почти ничего не ел, даже Стивен. Обычно

Стивен съедал всё и просил добавки. Ему нравилась её стряпня. Ему нравилось, как она вела хозяйство, даже если он никогда этого не говорил. И он был хорошим

человеком. Он так старался соответствовать своим идеалам.

Конечно, у любого пропал бы аппетит из-за сцены, подобной той, что была сегодня вечером. Ей нужно будет не забыть сказать об этом Лизе. Это будет её вина, если Стивен

проснется голодным посреди ночи. Этот ребенок, возможно, даже не осознавал, что поступает некрасиво. Ей нужно было это объяснить. Действия человека влияют на многое,

больше, чем кажется на первый взгляд. Молодому человеку было трудно это понять.

Вздыхнув, она смахнула с лица выбившуюся прядь волос. Ей нужно было пришить пуговицу к той розовой блузке, иначе она не смогла бы завтра пойти в ней в магазин. Если

бы она выглядела как надо, возможно, Сандра позволила бы ей работать за прилавком вместо того, чтобы целый день стоять на полках с товарами. Это было

интересно - знать всё, что есть в аптеке, но не очень сложно.

Тарелки в посудомоечную машину, серебро вымыто вручную и вытерто насухо. На хорошем серебре матушки Уэйлс нет пятен!

Розы нуждались в обрезке. Ранние цветы уже отцвели. Она могла бы поработать в саду пару часов. Это было бы замечательно; она могла бы насыпать немного нового песка в

тот уголок, избавиться от некоторых сорняков. Это было успокаивающе - переверачивать землю, становиться на колени на маленькую синюю пластиковую площадку и глубоко

копать, сажать семена, проверять систему полива, зная, что все эти зелёные штучки были там, потому что она, Дженнивер Уэйлс, посадила их там. Такое ответственное,

счастливое чувство. Если вы всё сделали правильно, семена вырастали каждый раз, а с семенами можно было заранее знать, что нужно делать. Сад был ее любимым местом из

всех.

Стивен и Лиза никогда не выходили в сад.

"Миссис Уэйлс?"

Голос испугал её, и она чуть не уронила один из стаканов с водой, когда обернулась. В дверях кухни стоял Росс. У него был извиняющийся вид.

"Простите, я не хотел вас напугать".

"О, ничего страшного, - заверила она его. "Совсем ничего".

Однако он смотрел на неё так пристально, что она мысленно назвала эти слова ложью. Глаза Росса были насыщенного ирландского синего цвета, и у него были резкие черты лица, которые казались шокирующе бледными под копной чёрных волос. Черный ирландец, сказал он ей, когда они впервые встретились.

Но сейчас он смотрел на неё почти так же, как смотрел её врач, когда она приходила на свой последний осмотр. Она почти ожидала, что парень обхватит её руками за шею, чтобы пощупать железы, и запрокинет ей голову, чтобы осмотреть глаза. Это было сосредоточенно и безличностно одновременно, и она решила, что ей это ни капельки не нравится. У Росса не было ни права, ни причины смотреть на неё таким образом.

Поэтому её следующие слова прозвучали резче, чем обычно. "Я могу тебе чем-нибудь помочь, Росс?"

Он моргнул, несколько смутившись. Но сосредоточенность никуда не делась. "С вами всё в порядке, миссис Уэйлс?"

"Конечно, со мной всё в порядке. Что за чушь ты несёшь!" Она скомкала кухонное полотенце и повернулась обратно к раковине, надеясь, что нервозность не проявилась. Что

за положение дел, когда студент-квартирант задает такой личный вопрос.

Но, по крайней мере, он заметил, отметил тихий голосок в глубине её сознания.

"Простите. Мне показалось, что вы выглядите немного уставшей".

"Ну, знаешь, нелегко быть женщиной, совмещающей две профессии", - сказала она, намеренно смягчая тон. "Работа и дом. Дом и работа!"

"Могу я вам с этим помочь?" - спросил он, подходя к ней, чтобы взять алюминиевую сковороду, на которой лежали остатки обжаренного стейка с курицей. "Я могу завернуть это..."

"Не говори глупостей, это моя работа". Она открыла рот, чтобы продолжить и предложить ему принести другие блюда со стола, когда боль снова охватила её между вдохом и выдохом, и она застыла как вкопанная. Не задыхайся. Не издавай ни звука.

Не кричи.

"Вы уверены, что с вами всё в порядке?"

Этот глупый мальчишка держал её за руку, пытаясь привлечь её внимание. Не разговаривай со мной, хотела сказать она ему. Разве ты не видишь, что мне нужны все мои силы, чтобы не закричать? Я не могу тратить их на то, чтобы слушать твою болтовню. Не разговаривай со мной. Не разговаривай со мной.

Не разговаривай со мной.

[ГЛАВА 6]

Ему показалось, что он помнит, как видел этот взгляд раньше - внутренне направленный взгляд неподвижного человека, который смотрит на свою боль, боясь пошевелиться, чтобы она не пробудилась и не одолела его, боясь выплеснуть сдерживаемую агонию, потому что тонкая оболочка самоконтроля может прорваться и распространить её по всему телу. Однажды его брат сказал, глядя на осколок кости, торчащий из кожи его собственной правой руки: "Нет, это не больно. Боль там, внизу. Здесь, наверху, её нет".

Он также мог видеть первое неуверенное движение, говорившее: "Боль проходит... не так ли?", и осторожный вздох облегчения, который проникал в глубины тела и сообщал: "Боль прошла. Да. Ушла. Безопасно. Теперь я в безопасности."

"Миссис Уэйлс, с вами все в порядке?"

Она сопротивлялась его попыткам усадить её на стул, многозначительно глядя на его руку, пока он не отпустил её.

"Со мной всё в порядке, Росс, спасибо, что спросил". Её голос всё ещё был прерывистым, но набирал силу с каждой паузой между словами.

"Вы выглядите... Вы обращались к врачу?"

"Росс, я ценю твой интерес к моему благополучию, но на самом деле это не твоя забота. Со мной ничего не случилось. Совсем ничего. Пожалуйста, не упоминай об этом снова".

К её лицу возвращался румянец. Ей почти можно было поверить. Она поправила выбившуюся прядь волос. "Итак, ты чего-то хотел?"

Он мог надавить, а мог и отступить; её отношение говорило о том, что на самом деле ничего страшного не случилось, и он ошибся.

Он предпочёл отступить. На данный момент.

"Я искал гаечный ключ. Доктор Уэйлс сказал, что у вас в задней ванной течёт кран. Все, что ему нужно, - это новая шайба. Если у вас есть гаечный ключ..."

"Ну и куда ты его дел?" - резонно спросила она. "Ты был тем, у кого он был последним".

На долю секунды он услышал, как его собственная мать говорит то же самое, как будто два отдельных образа Дженнивер Уэйлс и Тельмы Беккет слились в одну почтенную

женщину, одарив его универсальным взглядом Матери. Он открыл рот, чтобы повторить, и снова закрыл его, понимая, что его превзошли.

"Я, э-э, я не помню".

"Как, по-твоему, ты сможешь следить за вещами, если не положишь их обратно на место? Ты заглядывал в ящик с инструментами?"

"Ну..." Я бы сделал это, если бы знал, где находится ящик с инструментами, - лихорадочно подумал он.

"Иди посмотри в гараже. Кыш." Она махнула на него полотенцем, и он выскользнул из кухни и выбрал наиболее подходящую дверь в гараж.

Как и в большинстве гаражей в Альбукерке, в этом никогда не стояло автомобиля. На цементном полу не было никаких масляных пятен. У стены дома, одновременно используя преимущества и обеспечивая большую изоляцию, стояли морозильная камера, стиральная машина и сушилка. Напротив, на стене висела доска с вешалками, на которой были разложены грабли, лопаты, ножницы, мотыги и другие садовые инструменты, выстроенные в ряд по размеру и безмолвно жаждущие копаться в земле, обрезать сухие ветки, подрезать и сажать растения и приводить природу в порядок. Мешки с песком, удобрениями и навозом, частично использованные, частично новые и нераспечатанные, ждали своего часа внизу, уже погруженные в детскую красную тележку.

Между машинами и садовым инвентарём, занимая центр гаража, стоял стол, на котором громоздилась груда инструментов и приспособлений. Некоторые инструменты были сброшены со стола и задвинуты под него, наполовину скрыв большой металлический ящик для инструментов, выкрашенный в красный цвет. Похоже, миссис Уэйлс довольно часто приходилось делать замечания по поводу опрятности.

Ящик был задвинут глубоко, но ничего не мешало; он снова вытащил его и открыл, роясь в куче отвёрток, гвоздей и напильников. В конце концов, отчаявшись, он открыл коробку и начал сортировать. На полках у третьей стены стояли маленькие баночки для гвоздей, шурупов и шайб; к тому времени, когда он закончил, у него было три гаечных ключа и стопка других ручных инструментов, включая сломанную пилу.

"Может быть, я здесь для того, чтобы убрать в гараже," - пробормотал он.

Но не было слышно ни звука открывающейся двери, ни Эла, который мог бы заглянуть внутрь и заверить его, что да, действительно, существует 98-процентная вероятность

того, что он здесь для того, чтобы навести порядок в гараже Уэйлсов, и как только там будет чисто, он снова совершит скачок.

Он затаил дыхание, надеясь, что Эл появится в любую секунду. Но даже когда ему пришлось перевести дыхание, Эл всё ещё не появлялся, и он вздохнул, взял гаечный ключ и принялся за капающий кран в задней ванной комнате.

Это была крошечная комната, тесная из-за раковины, комода и ванны. Маленькое окошко впускало вечерний ветерок, охлаждающий июньскую жару. Ванная была оформлена в пастельных голубых и зелёных тонах, а занавеска для душа и занавеска на окне были подобраны в тон, с двухмерными рыбками-ангелами, плавающими среди морских

листьев. Пол был выложен синей плиткой в тон. Этого было достаточно, чтобы заставить его пожелать кислородный баллон. Он открыл шкафчик под раковиной и повернулся, чтобы посмотреть, что в нём находится. Пространство между раковиной и ванной едва достигало восемнадцати дюймов в ширину, и это было неудобно даже для стройного тела Мэлаки. Ему пришлось переложить пластиковое ведро, наполненное щётками для мытья посуды, бумажный пакет с высохшими губками и стеклянную банку с кусочками мыла, чтобы найти неглубокую кастрюлю для сбора воды, вытекающей из стыка.

Занавеска на окне дрогнула и снова опустилась.

Он вылез из-под раковины и стал искать вентиль, чтобы выключить воду. Его не было видно сразу; ему пришлось вытаскивать всё из шкафчика, чтобы его найти, а затем с трудом поворачивать.

Надеясь, что он правильно повернул водяной вентиль, он вставил гаечный ключ, упёрся ногами в ванну и приготовился к рывку.

"Привет, детка".

Голос был так близко, что он замер на полуслове. Эл? Этот голос звучал как голос Эла; звуки, которые последовали за приветствием, тоже звучали похожими на Эла. Но Эл был голограммой; на самом деле он не мог ни к чему прикоснуться в этом времени...

Но и в это время здесь был настоящий Эл.

Сэм с трудом поднялся на ноги.

"Привет, привет, рада меня видеть? У тебя проблемы с выходом?"

Это был не Эл. Через окно он мог видеть светловолосую голову, склонившуюся над Лизой. Больше он ничего не мог разглядеть, но мог представить, где были руки блондина. Он отступил назад и чуть не упал на унитаз, пытаясь скрыться из поля зрения Лизы. Это была мучительно неудобная ситуация.

"Он вышвырнул меня", - сказала Лиза, выйдя на воздух. "Он не хочет, чтобы я тебя видела, Стенно". Её голос звучал гораздо менее уверенно, чем тогда, когда она дразнила своего отца за обеденным столом. Отчасти это, без сомнения, было вызвано одышкой, но всё равно оставалась какая-то неуверенность.

"Ублюдок", - сказал парень. "Он тебе не нужен. У тебя есть я, детка. У нас с тобой будет много-много денег".

Он снова поцеловал её. Сэм ждал, нахмутив брови, но эти двое отошли, и мгновение спустя он услышал рёв двигателя.

Итак, это был Стенно, парень, с которым Лиза должна была встретиться. Сэм глубоко вздохнул. Из-за того, что не было ясно, что можно здесь изменить, кризисы внезапно

разразились как гром среди ясного неба: Стивен Уэйлс не мог поладить со своей дочерью, Дженнивер Уэйлс, очевидно, страдала от каких-то проблем со здоровьем, а теперь

Стенно заговорил о том, что у него много-много денег.

И потом, ещё оставался Эл; что Эл делал в Альбукерке и почему он посещал группу встреч? Эл был скептиком до мозга костей, и Сэм готов был поспорить на свои зубные пломбы, что дерзкий отставной Адмирал был бы последним человеком в мире, который оказался бы полуголым в комнате, полной других полуголых мужчин, кружащихся по кругу и поющих в такт синкопированному ритму барабанов. Если и был когда-либо мужчина, уверенный в своей мужественности, то это был Эл Калавичи.

И тот же самый Эл Калавичи, Эл из будущего, которое было настоящим временем для Сэма, голограммный Наблюдатель, настаивал на том, что здесь нечего менять, что всё должно быть оставлено строго так, как есть. А потом он исчез.

И, в отличие от всех предыдущих случаев, Эл не вернулся.

Сэм чувствовал себя очень одиноким.

[ГЛАВА 7]

Эл Калавичи сидел один в гостиничном номере, закинув ноги на маленький круглый столик, курил самую большую сигару, какую только смог найти, и пристально вглядывался сквозь образовавшуюся дымовую завесу в пустоту.

Комната была оформлена в стиле Пуэбло-деко с имитацией гравюры Р.К Гормана на комодe и стенах, которые были выкрашены в коричневый и оранжевый цвета, предположительно, чтобы навевать мысли о закате в пустыне. Покрывало на кровати было серым, чёрным, коричневым и кремовым, напоминая ковёр племени Навахо; ковёр был стандартного горчично-жёлтого цвета для гостиничных номеров. Все выцвело от многолетней пыли и износа. Это было не то, что он выбрал бы, если бы у него был выбор; суточных, которые военные предлагали даже Адмиралу на временной службе, едва хватало, чтобы покрыть расходы на комнату и один приличный обед в ресторане отеля.

На столе рядом с его начищенными до блеска ботинками лежало письмо. В точной, сухой юридической манере в нём сообщалось, что ходатайство его пятой жены о расторжении их брака будет рассмотрено, и, следовательно, и в последствии...

Эл знал о последствиях. Он проходил через всё это раньше, несколько раз. Иногда ему казалось, что он мог бы пройти через развод

во сне.

В портфеле у его ног лежали другие документы, извещающие о времени и месте его отставки из Военно-Морского Флота Соединённых Штатов. Задание, которое привело его в

Альбукерке, - встреча с сотрудниками лаборатории по поводу разработки нового реле давления - станет последним.

И письмо от человека, которого он считал своим лучшим другом, с приглашением помочь отпраздновать. Сэм наконец-то получил некоторое финансирование для своего

безумного Проекта, но в то же время правительство наложило на него ограничения по безопасности, так что теперь он мог только намекать в общих чертах и ссылаться на их

ночные разговоры, когда они оба работали над Проектом "Звёздный Свет". Однако ничто не могло скрыть волнения, которое испытывал Беккет. Он был полон восторга, ужаса

и решимости вскрыть историю для своего изучения.

И в то же время, поскольку Сэм Беккет был умён — он был самым умным парнем, которого Эл когда-либо встречал, по крайней мере, в том, что касалось академических

вопросов, - он уже знал, чего не станет делать. Время хрупко, как он однажды сказал Элу. Они вдвоём сидели в том офицерском клубе и пили Божественный имбирный

эль — воспоминание заставило его поморщиться, даже подумав об этом, но Сэм тогда не позволил ему прикоснуться к алкоголю — и говорили о том, что, хотя этот момент был

их настоящим, он также был прошлым для них двоих в будущем.

Это было похоже на катание по ленте Мёбиуса. Тогда он этого не понял и не мог даже начать следить за математикой, которую его младший друг в порыве энтузиазма начал

чертить по всей скатерти. Сэм знал, что этот Проект был тем, для чего он был рождён. Эл тогда завидовал ему.

Он завидовал ему и сейчас. Где-то в пустыне, Сэм Беккет создавал компьютер, о подобном которому раньше никто и не помышлял, полностью посвящая тело, душу и выдающийся

интеллект Проекту, потрясающему как в прямом, так и в переносном смысле, оказавшись в начале оставшейся части своей жизни...

В то время как он, Эл Калавичи, сидел в гостиничном номере и размышлял о концовках, которые наступали одновременно.

Он был вынослив. Он пережил годы в качестве военнопленного, потому что не был слабаком. Итак, его брак распался, и у него не было семьи — он всегда мог

жениться снова. Там было много роскошных прекрасных женщин.

Но это было чертовски неподходящее время для ухода в отставку — в СССР было так чертовски беспокойно, а на Ближнем Востоке был этот сумасшедший. Он выпустил колечко

дыма в потолок, представляя это как кадр для "Дневного безумца".

В жизни, полной безумия, армия была безопасным местом. Ты бы так не подумал, находясь в кабине истребителя, и уж точно не подумал бы так, когда самолет разбивался, но

это было так. У тебя всегда была работа, которую нужно было делать, и причина вставать по утрам; у тебя всегда было место — ладно, может быть, ты проводил слишком много времени в Клубе и Офицерских Покоях Бакалавриата, и это никогда не было шикарно, только не на военное жалование — но это было место и...статус и больница, когда ты был болен.

И ты чувствовал себя нужным. За исключением, ну, может быть, после Вьетнама он не чувствовал себя таким нужным. Он думал, что Бет всё ещё будет ждать его.

Но там были другие женщины, и он достаточно быстро нашёл другую. И ещё одну. И ещё одну...Они были замечательными созданиями, женщины. Но в конце концов они всегда уходили, и ты не чувствовал, что они действительно в тебе нуждаются.

На самом деле, примерно как сейчас.

Его лицо исказилось от этой мысли, и он отогнал её прочь.

Потом было это дело с Уэйлсом. Мужская связь. Сущностная мужественность. Взаимодействие с чувствами - разговор о безумии.

Эл Калавичи всегда знал, каковы его

чувства, особенно когда дело касалось дам, и если это не было неотъемлемой частью мужественности, то что же тогда было? Но стоять в кругу без рубашки, кряхтеть,

распевать под звуки барабана — безумие. Как будто от этого может быть какая-то польза.

Но на минуту показалось, что...

Что ж, может быть, он вернется ещё раз. Всего один раз, чтобы посмотреть, что происходит. Он пообещал посреднику по бракоразводным процессам, что постарается

разобраться. А теперь, похоже, Рита не собиралась ждать и смотреть, улучшит ли песнопение их брак. Она настаивала на немедленном расторжении брака. Эл криво

усмехнулся про себя. Вероятно, ей было легче принять решение, когда его не было в городе. Так что он мог уволиться, если бы захотел.

Но ему ещё предстояла неделя разговоров с инженерами, ему нужно было как-то занять себя, и ему не очень хотелось искать внеклассные развлечения. В любом случае, это

был не самый удачный ход, когда всё ещё обсуждался вопрос о разделе имущества. Возможно, ему следует остаться с Уэйлсом и его группой "пехотинцев" ещё на несколько встреч.

Кроме того, ему нужно было разгадать маленькую загадку, и выяснить, почему тот парень — как там его звали...Росс, — который помог Уэйлсу, вдруг показался ему таким

чертовски знакомым. Он знал, что никогда не видел этого парня до того, как записался на эту группу встреч, и всё же на долю секунды ему показалось, что он знает его

много лет.

В ближайшую неделю ему нечем было заняться. Так что он вернётся, просто чтобы посмотреть. Это не повредит.

Эл Калавичи, отставной Адмирал, развалился с обнажённой грудью в шезлонге у бассейна с подогревом, яростно жуя незажжённую сигару, и смотря поверх очень тёмных солнцезащитных очков на нескольких красавиц с длинными ножками, которые, несмотря на декабрьский холод, совершали круговые пробежки. Всякий раз, когда кто-нибудь из них ловил его на этом, он поспешно водружал очки обратно на нос и демонстративно потягивался, чтобы посмотреть на небо. Ему нравились женщины спортивного телосложения. Эти дамы определённо знали, как ухаживать за своим телом. Он был готов поспорить, что они знали, как ухаживать за его телом тоже. Единственный вопрос заключался в том, какую из них он выбрал бы, если бы ему пришлось выбирать только одну? Эта блондинка была прелестна. Элегантна. И это бикини было настоящим произведением искусства. Но там была брюнетка повыше, а у него действительно была слабость к высоким брюнеткам. Большинство его бывших жён были высокими брюнетками. Во всяком случае, выше, чем он сам.

Тот факт, что этому критерию не обязательно было трудно соответствовать, нисколько его не беспокоил.

"Мистер Калавичи?"

Эл испуганно поднял глаза и увидел, что рядом стоит одна из сотрудниц отеля, дрожащая на ветру. На девчонке был изящный маленький костюм с курткой, но было всё равно слишком холодно. Эл предположил, что у некоторых людей тепловой порог выше, чем у других, но, конечно, в Лас-Вегасе даже декабрь не может быть настолько холодным, чтобы заставить нормального человека дрожать, не так ли? "Да?"

"Вам звонят, мистер Калавичи". Коридорная сунула ему в лицо видеофон и направилась обратно в казино.

"Угу." Эл украдкой взглянул на пловчих, чтобы посмотреть, произвёл ли он впечатление, но последняя выбиралась из бассейна и, завернувшись в слишком объёмистое полотенце, покачиваясь, направилась ко входу, который вёл в гостиничную часть комплекса. С фырканьем, которое подозрительно походило бы на надутые губы, если бы кто-нибудь был поблизости и мог это увидеть, Эл открыл крышку. "Алло?"

"Эл?" Изображение на крошечном экране было немного размытым, но он всё равно мог видеть, как двигаются её челюсти, когда она пережёвывает жевательную резинку. "Эл, милый, ты здесь?"

Если бы Эл не видел, во-первых, копию результатов ай-кью Тины Мартинес-О'Фаррелл, а во-вторых, ту трансформацию, которая произошла, когда она глубоко погрузилась в компьютерный дизайн, он бы счёл её пустоголовой дурочкой высшего порядка. Но поскольку она была ещё и красавицей, это не обязательно было недостатком. Тот факт, что она была вторым самым умным человеком, которого он когда-либо встречал, был дополнительным плюсом. Вот если бы только она перестала жевать свою жевательную резинку.

Но она всегда жевала жвачку, когда волновалась, и, судя по размеру пузырьков, у нее был серьёзный приступ. Эл переложил сигару из одного угла рта в другой и тихо вздохнул. Нельзя сказать, что он этого не предвидел.

"Видишь, я же говорила тебе, что он будет в Вегасе", - сказала она кому-то за кадром. Неразбериха голосов временно заглушила звук, и он взвизгнул в знак электронного протеста.

"Звучит так же, как чёртов ручной пульт," - пробормотал Эл. Надвинулось облако, отбрасывая тень на бассейн, и волосы на его груди зашевелились, реагируя на понижение температуры. По другую сторону бассейна мимо торопливо прошла парочка, закутанная в пальто, бросая в его сторону недоверчивые взгляды. "Слабаки", - усмехнулся он. Ветер начал трепать верхушки пальм.

Телефон снова пискнул, на другом конце провода откашлялись, и Тина сказала: "Эл, ты должен вернуться!"

Гул позади неё снова начал расти, и она повернулась, чтобы утихомирить остальных позади себя. "Эл, ты должен вернуться. Зигги говорит..."

"Мне всё равно, что говорит Зигги", - твёрдо сказал он. "Я не вернусь".

Он видел, как шевелятся губы Тины, но слова, доносившиеся из крошечного динамика, были совсем другими.

"Адмирал Калавичи, крайне важно, чтобы вы вернулись на Проект."

Голос был приятным, тёплым, женственным и являлся продуктом сложной нейромеханической сборки, спрятанной глубоко в преимущественно искусственной пещере в

Нью-Мексико. Это звучало так, как будто должно принадлежать какой-то высокой, красивой и весёлой на свидании. Эл не обманулся. Ему никогда не было весело с

Зигги. Никогда. И он не стал бы встречаться с ним, даже если бы это был последний биокомпьютер в мире.

Что, вероятно, так и было, если подумать. Или, по крайней мере, Зигги был первым и, вероятно, единственным биокомпьютером в

мире. Он надеялся.

"Иди к чёрту", - ответил он.

"В настоящее время это нецелесообразно", - невозмутимо ответил Зигги.

"Повторяю, необходимо, чтобы вы вернулись. Появилась дополнительная информация касающаяся нынешней...ситуации доктора Беккета".

Эл сверкнул глазами, выбираясь из шезлонга и натягивая махровый халат фиолетово-розового цвета. Ему пришлось положить телефон, чтобы завязать пояс, и Зигги повысил

голос. "Адмирал, на ваше имя забронирован билет на самолёт, вылетающий из аэропорта Маккарран в шестнадцать ноль-ноль."

"Ты не возражаешь? Я теперь гражданский. Говори по-граждански. Или, если ты не можешь говорить по-граждански, по крайней мере, хорошо говори по-флотски. Тысяча

шестьсот часов, глазам не верю". Он надел пару больших пушистых тапочек, совершенно неподходящих для ношения у бассейна, и сделал последний глоток имбирного эля из

своего стакана.

Сэм Беккет запрограммировал Зигги на проявление ряда человеческих качеств. Среди них были бесконечно терпеливые вздохи.

"Самолет вылетает в четыре часа дня. Через

два часа. У вас есть время собрать вещи. Я связался с консьержем и оплатил ваш счёт. В настоящее время у входа в аэропорт стоят семь такси, три из которых принадлежат

лицензированным таксомоторным компаниям. Билет будет ждать вас у выхода С-Два. Вы, конечно же, пронесёте свой багаж на борт."

"Конечно. Ты хуже старшины, - пробормотал он.

Зигги также был оснащён чрезвычайно острыми акустическими датчиками. "Эффективность считается ценным качеством старшины, Адмирал".

"Послушай, я не думаю, что мне стоит туда возвращаться". К этому времени он уже плёлся по территории казино, огибая ряды игровых автоматов, и уворачиваясь от

продавщиц мелочи. Кто-то сорвал флэш-рояль, и засияли колокольчики, свистки и вращающиеся огоньки джекпота.

"Маршрут из казино не ведёт к вашему гостиничному номеру", - крикнул Зигги.

"Ха. Много ты знаешь".

"В моей основной памяти хранятся поэтажные планы всех крупных отелей-казино Лас-Вегаса."

"Зачем Сэм это запрограммировал?". К этому времени он уже был в покерной зоне, где было значительно тише.

"Мотивы доктора Беккета неизвестны. Однако, учитывая склонности его Административного Руководителя, я бы предположил, что он предвидел, что ситуация, подобная той, в

которой он оказался, может когда-нибудь возникнуть. Доктор Беккет мог быть удивительно дальновидным. Это было характерной чертой его характера - предвидеть

возможность..."

"Прекрати говорить о нём так, будто он умер", - рявкнул Эл. Он вышел из казино и направился по аллее торгового центра. По обе стороны коридора располагались маленькие дорогие магазинчики, заполненные драгоценностями, искусственными мехами, и футболками с надписью "Мои родители ездили в Лас-Вегас, и всё, что я получил, - была эта вшивая футболка". На одной из витрин стояла маленькая розовая механическая свинья, которая крутилась в открытой коробке, трижды фыркала через очень гибкий нос и снова крутилась. Эл замедлил шаг, чтобы понаблюдать за ней, испытывая определённое чувство товарищества, когда она снова крутилась, уходя в никуда.

"Доктор Беккет обладал даром предсказывать будущие события", - сказал Зигги. "Исходя из полученных данных, я предполагаю, что вы сейчас стоите возле сувенирного магазина, который находится в Ист-энде..."

"Я же говорил тебе, перестань использовать прошедшее время. Он не умер."

"Но здесь его тоже нет", - заметил Зигги. "И без вашей помощи, Адмирал, маловероятно, что он когда-либо сможет вернуться в своё время."

"Вы не можете сбежать от него, Адмирал".

Свинья завертелась и захрюкала, поводя носом.

"Я не сбегаю от него. Он просто...он слишком близко". Пара пробежавших мимо детей посмотрели на него и захихикали при виде мужчины в фиолетово-розовом халате и таких же фиолетовых плавках, который стоял и разговаривал по видеофону. Он пожал плечами и пошёл дальше по коридору.

"Физическое и временное местоположение доктора Беккета, по-видимому, не имеет отношения к процессу скачка, пока он остаётся в пределах теоретических параметров, установленных теорией. Он, безусловно, находится в пределах своей собственной продолжительности жизни."

"Он слишком близко", - настаивал Эл. Сейчас он был в гостиничном комплексе, ожидая лифта. Толпа японских туристов вышла из следующего лифта, он вошёл в него и прислонился к зеркальной стене.

"Он слишком близко", - продолжил Эл, когда двери закрылись и лифт начал подниматься. "Зигги, ты знаешь...Зигги, остальные нас слышат?"

"Нет, Адмирал. Они покинули помещение".

"Хорошо". Эл закрыл глаза. "Зигги, ты же знаешь, как много всего изменилось. Вот что он делает, меняет вещи! Поэтому он и совершает скачки, чтобы всё менять".

"Насколько нам известно", - педантично отметил компьютер.

"Насколько нам известно. Единственный способ, которым он может совершить скачок, - это что-то изменить. И мы видели, что

происходит. Мы с тобой знаем, что всё не так, как было раньше. Чёрт, я видел, как глава сенатского комитета сменил пол в результате скачка. Но мы хотим, чтобы это произошло, не так ли? Внести достаточно изменений, чтобы вернуть его?"

"Теоретически, совокупные изменения должны быть самокорректирующимися, так что в конечном итоге доктор Беккет вернется в своё собственное тело". Раздалось негромкое гудение. "Сенатор на самом деле не менял пол, Адмирал. Личность сенатора, о котором идёт речь, изменилась в результате действий доктора Беккета."

"Да, да. Подробности. Это был мужчина, который не хотел финансировать нас, а секунду спустя появилась женщина, которая дала нам ещё один шанс. Разница та же". Двери лифта открылись, Эл выскочил из него и зашагал по коридору, яростно раскуривая свою сигару. Видеофон молчал, показывая неизменную сцену мигающих огней, розовых, зелёных и жёлтых. Подойдя к двери в свою комнату, он поднял руку, чтобы луч просканировал его ладонь, и замок открылся. Горничная уже была здесь, кровать была застелена, а занавески раздвинуты. Маленький чёрный чемодан был наполовину спрятан за столом; он и сумка для одежды в шкафу были единственными признаками того, что обитатель номера ещё не выписался.

Эл бросил видеофон на сложенные подушки и начал расхаживать взад-вперёд по комнате, шлёпая тапочками при каждом шаге.

"Дело в том," - сказал Эл, - "Что каждый раз, когда он что-то меняет, чтобы вернуться, для нас тоже всё меняется. В основном, конечно, мелочи, но ..." — К этому

времени он уже дико размахивал руками, — "Меня беспокоит то, что если то, что он изменит на этот раз..."

"Заставит вас отказаться от участия в Проекте?" - перебил компьютер.

"Да". Эл попытался рассмеяться. "Хотя это глупо, не так ли? Я имею в виду, если бы я решил не присоединяться к Проекту, я бы...меня бы здесь не было, не так ли?"

"Всё верно, Адмирал". В искусственном голосе слышалось тяжёлое предчувствие.

Эл остановился на полпути и уставился на крошечный экран. "Что бы со мной случилось?"

Зигги потребовалось немало времени, чтобы ответить. "Есть несколько возможностей, Адмирал..."

"Например?". Общая атмосфера глупости исчезла, хотя тапочки остались. Теперь мужчина в фиолетово-розовых плавках и махровом халате в тон снова был Адмиралом.

Компьютер всё ещё колебался. "Возникает ряд сценариев..."

"Прекрати нести чушь, Зигги. Какой из них лучший и каковы шансы?"

Зигги механически прочистил горло - ещё одна привычка, запрограммированная Сэмом "на случай, если у него плохие новости".

"Шансы благоприятствуют сценарию, при котором вы решите продолжить карьеру в научно-исследовательской организации в Вашингтоне, округ Колумбия".

"Но я ещё не решил этого."

"Нет". В этом ответе не было ни малейшего колебания.

"Откуда ты знаешь?" спросил Эл. "Если меня не будет рядом с Сэмом, наблюдая за ситуацией?"

"Как вы и предполагали, Адмирал: если бы вы приняли такое решение, вас бы сейчас здесь не было."

"Где бы я был? В Вашингтоне?". На мгновение он задумался о возможностях. "Руководил корпоративным аналитическим центром на Кольцевой дороге?"

Колебания вернулись. "Это был не тот сценарий, который необходимо было исследовать раньше, поэтому мои оценки, возможно, ошибочны, но..."

"Но что? Перестань ходить вокруг да около, чёрт возьми!"

Звук, напоминающий выдувание воздуха через сильфоны, приближался к глубокому вдоху компьютера. "Если вы примете это решение в 1990 году, Адмирал, вместо решения, которое привело вас к работе над Проектом, существует восьмидесятисемипроцентная вероятность того, что временная линия разделится. "Вы", живущий в 1990 году, продолжит работать в Вашингтоне, но "вы", живущий в наше время...просто...исчезнет."

[ГЛАВА 8]

По будням торговый центр закрывался не раньше десяти, и послеобеденная толпа прогуливалась по магазинам, увлекая за собой маленьких детей, чтобы они заглядывали в витрины, таская повсюду пакеты. Подростки в джинсах, футболках и бейсболках задом наперёд толпились в магазинах грампластинок под настороженными взглядами продавцов. Вдоль улицы пыхтели любители спортивной ходьбы, размахивая руками и наклоняясь вперёд, как будто инерция поддерживала их движение, когда не хватало энергии.

Стенно и Лиза прогуливались по универмагу "Якорь", разглядывая полки с ненужными ожерельями и дешёвыми серьгами. Стенно был в наушниках и отрывисто, аритмично пританцовывал под почти слышимую музыку, рассматривая кулон, пропуская цепочку сквозь пальцы, когда он покрутился на месте, то поднял несколько карточек с серьгами и подбросил их в воздух, жонглируя, поймал их все и бросил на соседний прилавок. Продавщица из парфюмерного отдела напротив нервно наблюдала за ним и сняла трубку домашнего телефона, чтобы пробормотать несколько слов.

Лиза, наблюдавшая за ней с конца ювелирного прилавка, повернулась к витрине с прекрасными шарфами. Когда трое сотрудников службы безопасности магазина приблизились к Стенно, она сунула шёлковый шарф Hermes в сумочку и спокойно направилась к выходу. У Стенно не было при себе ничего, кроме радиоприёмника, золотой кредитной карточки и водительских прав, причем оба последних, бесспорно, принадлежали ему. Он был готов вывернуть карманы перед сотрудниками службы безопасности и даже извинился за то, что заставил нервничать продавщицу парфюмерии. Он искал подарок для своей девушки и отвлекся на песню; он был бы счастлив перенести себя (и свою золотую кредитную карту) куда-нибудь еще... К тому времени, как он закончил, все четверо сотрудников магазина приносили ему извинения, а продавщица предлагала ему подборку бесплатных образцов. Лиза, ожидавшая его у лотка с жареными пирогами, хихикала над этой историей и продолжала трогать свою сумочку, заглядывая внутрь на тяжёлый золотисто-зелёный шёлк. Наконец Стенно шлёпнул её по руке.

"Что ты пытаешься сделать, рассказать всему миру, что у тебя там что-то есть? У тебя что, совсем мозгов нет?"

Мгновение она потрясённо молчала, широко раскрыв глаза.

"Я...я...мне жаль..."

"Эй, детка, всё в порядке". Стенно наклонился вперёд, и поцеловал крошку выпечки из уголка её губ. "Ты очень хорошо справилась. Ты сделала всё так, как я сказал, и всё получилось, как я и говорил, не так ли?"

"Да", - прошептала она.

"И в следующий раз всё получится. Тебе просто нужно научиться сохранять хладнокровие даже после этого. Не веди себя как ребёнок с чем-то особенным в своей сумочке! Люди захотят узнать, что это такое."

"И в нём нет ничего особенного. Это просто чёртов шарф". Его рука коснулась её горла. "Он действительно красивый, детка, но не такой красивый, как ты. Он не такой особенный, как ты. Ты думаешь, это что-то особенное, детка, ты еще не видела ничего особенного...". Он снова поцеловал её, медленно, и пара шестилетних детей позади них издала звуки отвращения.

Лиза вздрогнула, смущённо оглядываясь по сторонам, но Стенно притянул её ближе. "В чем дело?" - пробормотал он, уткнувшись в её волосы. "Почему тебя так волнует, что думают другие люди? Тебя должно волновать, что думаю я, детка, а не кто-то другой. Я тот, кто любит тебя, верно? Верно?"

"Верно", - ответила она, выгибаясь навстречу ему и бросая вызывающий взгляд на детей. "Верно. Ты любишь меня, даже если никто другой меня не любит."

Стенно, глубоко погрузившись в её шею, одобрительно хмыкнул.

Дженнивер Уэйлс рылась в своей корзинке для вышивания в поисках ножниц, когда её снова пронзила боль. Её муж поднял голову, услышав шипение воздуха, втягиваемого сквозь стиснутые зубы.

"Ты что-то сказала, дорогая?" Его внимание всё ещё было приковано к телевизору, где комментатор общественного телевидения был погружён в оживлённую дискуссию с представителем правительства штата. Это можно было бы принять за часовую "Встречу с прессой", если бы только этот представитель не оставил дома свой Стетсон.

"О, ничего. Просто у меня немного колет в боку". Но её муж уже забыл о своём вопросе, и она откинулась на спинку стула и закрыла глаза, готовясь переждать. Это был второй приступ за этот вечер — второй менее чем за три часа. Она надеялась, что это была просто случайность. Если бы это случалось слишком часто, Стивен мог бы заметить.

Стоя в дверях гостиной, Сэм задумался над её словами и пожалел, что рядом нет Эла. Он хотел знать, что случилось, и что он может сделать, чтобы помочь; но Дженнивер ясно дала понять, что его вмешательство не приветствуется...Он мог видеть белую линию на её нижней губе, там, где женщина прикусывала её, отвлекаясь от боли, которую она не могла контролировать, с помощью боли, которую контролировала.

В другом конце комнаты, ничего не замечая, Уэйлс откинулся на спинку кресла-качалки, зажав в зубах погасшую трубку, и, нахмутив брови, полностью сосредоточился на проблеме платы за выпас скота на государственной земле. Часы на каминной полке, едва слышно из-за разговоров по телевизору и влажного хриплого дыхания через трубку, проббили половину десятого.

"Кран починен", - объявил Сэм.

Профессор поприветствовал его взмахом руки, не отрывая глаз от экрана. Выражение лица его жены стало достаточно открытым, чтобы послать ему натянутую улыбку. Сэм начал что-то говорить, что угодно, чтобы привлечь внимание Уэйлса к боли женщины, но мольба в её взгляде опередила его. А приступ, как он мог судить, проходил: она

начала выпрямляться, снова глубоко дышать. Если бы он сказал что-нибудь сейчас, она бы просто всё отрицала.

Расстроенный, он вышел из дома и вернулся в квартиру над гаражом.

К сожалению, вкусы Росса Мэлаки в художественной литературе были так близки вкусам Сэма. Большинство книг, которые были у Мэлаки, Сэм уже прочитал; он мог закрыть глаза и вызвать большинство из них в памяти без усилий. Его учебники не были ни сложными, ни интересными. Сэм забавлялся идеей написать работу для своего нечаянного хозяина в качестве частичной оплаты или извинения за то, что одолжил тело парня. Но это было бы мошенничеством, и, кроме того, работа на тему "Психологическое воздействие повторяющихся временных перемещений: исследование путешествий во времени" никогда не прошло бы мимо профессора, а тем более в руках рецензентов.

Тем не менее, идея имела некоторую привлекательность. Он мог бы сделать несколько собственных заметок; когда он вернется домой (он безжалостно подавил укол тоски, который вызвала у него эта мысль: "домой"), он мог бы написать свою собственную статью.

Но не было бы и коллег, которые могли бы оценить его работу. Некому было бы проверить достоверность его данных. И это, конечно, не был бы воспроизводимый эксперимент. Он содрогнулся. Он бы не пожелал, чтобы подобное путешествие было воспроизведено его собственным злейшим врагом, научным методом или нет.

Он на мгновение задумался, есть ли у него злейший враг, и если да, то кто бы это мог быть и почему.

"Ты сам себе злейший враг", - сказал голос в его памяти. "Ты слишком заботишься о людях. Когда ты поймёшь, что они никогда не будут заботиться о тебе так же сильно, как ты заботишься о них?"

"Они и не обязаны", - ответил он. Звук собственного голоса в пустой комнате испугал его, и он огляделся в поисках говорившего и в конце концов рассмеялся над собой.

Однако было бы неплохо иметь возможность заполнить эту конкретную дыру в его памяти. Кто пытался убедить его, что он слишком сильно переживает?

Но это ушло. Он давно научился не мучиться из-за дыр в своей памяти, по крайней мере, тех дыр, которые не представляли угрозы для жизни. Его всё ещё раздражало, когда они смещались, и он помнил, что мог вспомнить что-то, чего больше не мог вспомнить, но разговорами сыт не будешь, как говаривала его мать. Во всяком случае, насколько он помнил.

Но у парня была хорошая музыка и проигрыватель компакт-дисков - удивительная расточительность для бедного студента? А

может, и нет. Сэм нашел несколько Бродвейских оригиналов, поставил их, уселся на пол, скрестив ноги, и потянулся за стопкой бумаг, ища ещё какие-нибудь зацепки о своем нынешнем хозяине. Обычно Эл рассказывал ему то, что ему нужно было знать, но если Эл держался в стороне, ему требовалась любая мирская помощь, которую он мог получить. Росс не увлекался физикой и владел французским и немецким ровно настолько, чтобы со скрипом сдать экзамен на знание языка для поступления в аспирантуру. Но он был силён в социологии — ему было всего девятнадцать, он учился на первом курсе, а уже посещал занятия в аспирантуре. У него был опыт в области статистики, "опыт" — это хороший способ сказать, что он знал кого-то, кто хорошо в этом разбирался. Судя по некоторым его бумагам, сложенным в коробку под столом, он немного не разбирался в некоторых более продвинутых концепциях.

"Никогда не ездите в Вегас, Росс", — пробормотал он.

"Почему нет? Мне нравится Вегас".

Было трудно поворачиваться из положения со скрещёнными ногами, особенно если принять позу полулотоса. В итоге Сэм оказался полулежащим на спине.

"Я всегда говорил тебе, что эта штука тебе не подходит," — сказал Эл, приподняв кустистую бровь, глядя на переплетённые ноги перед собой. "Йога. Глупости."

"Я не слышал как открылась дверь Камеры", — сказал Сэм. "Я думал, ты сказал, что не..."

"Мы смазали её. И я передумал. Человек имеет право передумать, не так ли?"

Сэм позволил себе классический двойной взгляд, зная, что Эл поймёт значение этого взгляда. Голограмма кивнула в знак согласия. Он понял, когда сделал комментарий о смене ролей; ему не нужно было забавное выражение лица Сэма Беккета, чтобы понять это.

Перед выездом из отеля в Вегасе он переоделся из фиолетово-розового в один из своих любимых ярко-красных костюмов из искусственной кожи и фетровую шляпу в тон. Ему не пришло в голову, что забавное выражение лица могло быть вызвано этим нарядом.

Диск щёлкнул, меняя композицию и начал воспроизводить партитуру к фильму "Музыкант". Сэм подумал о неприятностях, которые начинается на "Б" и заканчиваются на "Т" и расшифровываются как "Беккет", и глубоко вздохнул.

"Что ж, я рад тебя видеть."

"Я так и думал". Они обменялись быстрыми взглядами. Эл, который никогда не был силён в слащавых вещах, сломался первым и занялся ручным пультом, тыкая в кубики, управляющие мультимедийным входом. "Ну, у нас есть кое-что, но..."

"Но что?" — Сэм вскочил на ноги и попытался обойти Эла, чтобы заглянуть ему через плечо. Эл повернулся, чтобы оставаться лицом к

нему.

"Ну, это неловко!"

"Что значит "неловко"? И кто из нас лидирующий?"

Эл откинул голову назад и в замешательстве уставился на собеседника. Сэм указал на ручной пульт, проведя по нему указательным пальцем. "Я пытаюсь прочитать эту штуку".

"Я не знаю почему экран недостаточно большой, чтобы мог читать один человек, не говоря уже о двух," - ответил Эл. "В любом случае, я пытался получить нужную тебе информацию, но проблема в том, что ты находишься слишком близко."

"Ты уже говорил это раньше."

"На этот раз я серьезно". Слова вырвались прежде, чем он смог их остановить, и у него хватило такта выглянуть немного виноватым, когда он продолжил: "В последнее

время произошло слишком много событий. Все это было встроено в виртуальную энциклопедию, когда ты начинал Проект, но как раз в это время в Восточной Европе, а затем и на Общем Рынке всё пошло наперекосяк, и мы так и не смогли наверстать упущенное. Мы загружаем материалы из Нью-Мексико с 1990 года, но большинство

газет и прочего связано с тем, как сокращение военных расходов скажется на Лаборатории. Просто о семье Уэйлс или людях из его группы встреч не так много информации."

Пристальный взгляд предупредил Сэма, чтобы он не расспрашивал, пусть и невинно, об одном члене группы встреч, о котором у Эла, как можно было ожидать, были хорошие данные. В конце концов, рассуждал Сэм, в том, что сделал Эл, не могло быть никаких изменений. Он отбросил эту мысль. Вздых облегчения полностью вырвался у Эла.

"Что насчёт школьных записей Лизы? Медицинских записей Дженнивер Уэйлс?"

"Медицинских записей? Она больна?"

"Что-то не так. Я не знаю, что это, и я не думаю, что она рассказала об этом своему мужу. Но я пару раз ловил её на том, что, похоже, ей было очень больно".

"Так, может, в этом всё дело? Ты должен сказать Уэйлсу, чтобы он отправил свою жену к доктору, всё будет в порядке, и ты сможешь выбраться отсюда?"

"Ты знаешь Уэйлса— вернее знал Уэйлса раньше — лучше, чем я. Как ты думаешь, что бы он сказал, если бы его наёмный работник сказал ему, что его жена больна?"

"Хмммпфх. Я понимаю, что ты имеешь в виду. Ему бы это не очень понравилось. Проникновение на его территорию и всё такое."

Сэм приподнял бровь, услышав это свидетельство того, что Эл, в конце концов, уделял некоторое внимание идеям Уэйлса. Эл, не обращая на него внимания, ткнул в ручной пульт.

Голос Роберта Престона прозвучал над ними обоими, заглушив звук хлопнувшей автомобильной дверцы на подъездной дорожке внизу.

"Нет. Пока ничего". Эл обратился к мерцающей коллекции мармеладных конфет в своей руке. "Живчик, попробуй это достать, ладно?" Его рот скривился, когда он объяснил

Сэму: "Записей нет ни в одной цивилизованной базе данных, и их трудно даже отсканировать. Возможно, нам придётся вводить их с клавиатуры."

"Quel horreur", (какой ужас, - перевод с французского) - заметил Сэм.

"Если ты собираешься язвить, то, по крайней мере, говори на нормальном языке," - пробормотал Эл. Сэм лишь усмехнулся.

Пауза между треками на компакт-диске была разделена многократным звонком в дверь. За звонком последовал глухой удар ладонью по двери и крик: "Мама! Папа! Откройте!"

"О, нет", - пробормотал Сэм, подходя к окну. Эл подошёл к нему, его голографическое изображение частично переместилось и через кушетку, и через другого мужчину,

пытаясь разглядеть, что происходит. Свет у входной двери, включённый датчиком движения, освещал двор и фигуру молодой девушки, которая поочередно нажимала на дверной

звонок, колотила в дверь кулаком и пыталась заглянуть в гостиную сквозь задёрнутые шторы.

"Это та самая Лиза?" - пробормотал Эл, понизив голос, хотя в этом не было необходимости.

"Да." - голос Сэма тоже был тихим. Тихим, и в нём слышались нотки гнева. На кого, он пока не был до конца уверен; девушка подняла достаточно шума, чтобы поднять

пресловутого мертвеца. "Я не знаю, почему они так долго тянут. Не похоже, что они её не слышат."

Лиза продолжала звонить, её голос становился всё более и более хриплым, поскольку родители не отвечали.

Свет в доме погас. Лиза замолчала.

Дверь оставалась закрытой.

[ГЛАВА 9]

Ждали двое мужчин, ждала молодая девушка, но все трое одновременно поняли, что никто не собирается открывать дверь.

"Эй," - запротестовал Эл, глядя на неподвижную дверь. "Впустите ребёнка. На улице темно. Давайте, ну же."

Плечи Лизы поникли, и в резком свете она стала казаться как-то меньше ростом. Кожаная сумка соскользнула на бетонное крыльцо.

Она внезапно подняла голову, как будто услышала какой-то звук внутри дома, но к ней по-прежнему никто не вышел.

"Они ведь на самом деле не заперлись от неё, не так ли?" - пробормотал Эл, яростно раскуривая свою сигару. "Это дерьмово."

"Похоже на то", - мрачно сказал Сэм.

Маленькая фигурка у входной двери наклонилась и подняла свою сумочку.

"И что она теперь собирается делать?" - спросил Сэм.

Никогда не задававший риторических вопросов, Эл ответил ему. "Она собирается найти своего парня. Что они сделали, сказали ей, что если она уйдёт, то может не возвращаться?"

"Да. Я им не поверил. Думаю, она тоже."

"Так этот парень действительно является проблемой, или как?"

Сэм помолчал, вспоминая обрывки разговора, которые он слышал через окно ванной. "Может быть."

"Ну, если они выгонят её из дома за то, что она встречается с парнем, что они собираются делать, если она проведёт с ним ночь? Это то, что сводит меня с ума в

родителях. Они продолжают выдвигать ультиматумы слишком рано. Никакого стратегического планирования...Эй, куда ты идёшь?"

Сэм уже вышел из квартиры и спускался по ступенькам.

"Лиза!"

Девушка, пройдя полпути по подъездной дорожке, обернулась, чтобы посмотреть на человека, который звал её с лестницы. "Росс?"

"Лиза, куда ты идёшь?"

"Ну куда, по-твоему, она направляется?" - с отвращением сказал Эл, выходя из всё ещё открытой двери. "Я же говорил тебе..."

"Они заперли передо мной дверь". Голос Лизы колебался между растерянной обидой и подростковым вызовом. "Если я им не нужна, я не обязана оставаться, не так ли?"

"Куда ты идёшь?". К этому времени Сэм подошёл к ней и посмотрел на неё сверху вниз.

Лиза едва доставала Россу Мэлаки до плеча. Чтобы встретиться взглядом с Россом, то есть, с Сэмом, ей пришлось бы запрокинуть голову. Сделать положительное усилие.

Она не была заинтересована в том, чтобы прилагать усилия. Сэм поймал себя на том, что смотрит на каштановые волосы, поблескивающие в свете уличного фонаря на углу, на худые плечи, вздрагивающие от прохладного вечернего ветерка.

"Лиза?" - он протянул руку и приподнял её подбородок.

Она делала глубокие резкие вдохи, один за другим, зажмурив глаза и сжав губы, изо всех сил стараясь не заплакать.

"О, безумие. Я ненавижу, когда они плачут. Я в таких случаях никогда не могу придумать, что сказать". Эл, как обычно, был в центре событий, но это был тот случай,

из-за которого он хотел отойти за периметр.

Сэм тоже не был уверен. Он мог бы сказать: "Не плачь", но если Лиза не хотела признавать, что балансирует на грани потери самоконтроля, было бы нетактично говорить

ей, что её усилия были напрасны. С другой стороны, если бы она хотела утешения...

Ей хотелось утешения. Застонав, она бросилась в объятия Сэма.

"А, вот это другое дело. Я всегда мог разобраться с этой частью". Сэм устремил кинжальный взгляд на голограмму, которая подняла брови и пожалала плечами. "Ну, у меня это срабатывало".

Сэм сдержал язвительный ответ и похлопал всхлипывающую девушку по спине. "Лиза, пожалуйста..."

"Они ненавидят меня! Они хотят, чтобы я ушла!". Лиза отстранилась, смахивая слёзы с лица, и продолжила с поразительным отсутствием логики: "Что ж, если это то, чего

они хотят, это то, что они получают. Я буду послушной дочерью, хорошо. Я уйду и никогда не вернусь!"

Каким-то образом эти слова заставили её выглядеть ещё меньше, более хрупкой в неровном свете. Её сумочка раскачивалась в сжатом кулаке. На ней были искусно рваные джинсы с укороченным кружевным топом и такой густой макияж, что он мог бы быть из шестидесятых. Эл обошел её кругом, оглядывая с головы до ног.

"Малолетка," - заключил он.

"Малолетка?" - удивлённо повторил Сэм.

"Малолетка?" - эхом отозвалась Лиза, не менее поражённая. "Ты называешь меня малолеткой?" - возмущённо продолжила она.

"Ага," - сказал Эл.

"Нет!" - почти закричал Сэм, в равной степени расстроенный и Элом, и Лизой.

Когда Сэм так резко отреагировал, Лиза отступила назад, пройдя сквозь Эла. "Это то, что ты сказал", - заметила она. Она могла отступить, но она не отступала. Эл

посмотрел вниз на размытое пятно, которое было им самим, перенесённым на девочку-подростка, и поспешно отодвинулся.

"Ты не малолетка," - сказал Сэм, отчеканивая каждое слово. "Просто у тебя сейчас небольшие неприятности, и тебе некуда идти..."

"Да, я знаю", - перебила она.

"Конечно, ей есть куда идти", - услужливо напомнил ему Эл. "Она всегда может пойти к..."

"К Стенно."

Оба мужчины ошеломлённо смотрели на то, с какой лёгкостью девушка закончила фразу Эла. Эл решительно кивнул. "Видишь? Я же тебе говорил."

Лиза всё ещё стояла, наблюдая за Сэмом, словно ожидая от него комментариев. Проезжающие по улице машины поймали их двоих, Сэма и Лизу, в свете фар, прижав их к теням

на подъездной дорожке. Эл, у которого не было тени, потому что он был человеком, которого там не было, не был ни освещён, ни прикреплен.

"Лиза, не ходи к Стенно". Это прозвучало неубедительно, даже для Сэма.

"Назови мне хоть одну вескую причину, почему я не должна этого делать."

"Он... Лиза, твои родители заботятся о тебе. Они не хотят, чтобы ты попала в беду. Они не хотят, чтобы тебе было больно."

"Значит, именно поэтому, они выгоняют меня из дома? Я не вижу, чтобы они беспокоились о том, что со мной случится. По крайней мере, со Стенно мне будет где спать."

"И с кем спать", - добавил Эл, вставив ненужное отступление. Сэм снова сверкнул глазами. Эл ухмыльнулся ему в ответ взглядом "Добро пожаловать в реальный мир,

Сэм Беккет". "Эй, я не говорил, что считаю это правильным", - заметил он.

Сэм снова переключил свое внимание на девушку. "Лиза, сколько тебе лет? Пятнадцать? Если ты пойдешь к Стенно, у вас обоих могут быть большие неприятности. Ты несовершеннолетняя".

"Не в Нью-Мексико. Четырнадцать — это установленный законом срок - нет, подожди, я думаю, они изменили этот закон. Как раз вовремя". Эл был занят, тыкая в

ручной пульт. "Зигги говорит, что возраст согласия для женщин в этом штате сейчас составляет шестнадцать лет. Всё ещё чертовски рано, если хочешь знать моё

мнение", - добавил он как бы между прочим. Сэм мимоходом подумал, пыталась ли голограмма интерпретировать данные с ручного пульта при свете уличного фонаря или

Голографической Камеры, но отбросил эту мысль как несущественную.

"Но, по крайней мере, я нужна Стенно". Её губы снова начали дрожать. "И мне больше некуда пойти."

"Ты можешь остаться в моей квартире".

"Я знал, что ты это скажешь", - простонал Эл. "Сэм, это очень глупая идея. У её отца случится приступ, если он подумает..."

"А где собираешься быть ты?". Дрожь была подавлена, и она задумчиво смотрела на него, немного неуверенная в том, что говорил Сэм.

"Хороший вопрос", - заметил Эл. "Если она останется с тобой, папочка действительно выйдет из себя. Из-за тебя Росса вышвырнут на улицу, и это ей нисколько не поможет."

"Я всегда найду, куда пойти", - заверил её Сэм, не обращая внимания на Эла. "Пойдём. Ты иди наверх. А я пойду побуду с друзьями или ещё где-нибудь. Утром мы всё уладим."

"Тебе не нужно уходить", - сказала Лиза.

"О-о-о...". Эл поморщился. "У тебя проблемы, Сэм. Эта маленькая девочка думает, что она не такая уж и маленькая".

Лиза подошла ближе к Сэму, её стройная фигурка покачивалась. Тушь размазалась по лицу. Тени, отбрасываемые листьями, освещали их обоих. "Я бы не хотела ставить тебя в

неловкое положение. Ты мог бы остаться. Это может быть забавно". Она улыбнулась и провела рукой по его груди. Сэм поймал её и не отпускал. Ветер приподнял её волосы,

слегка отбросив их на лицо, и она грациозно наклонила голову, чтобы убрать выбившиеся пряди с дороги. Она выглядела

значительно старше своих пятнадцати лет.

"Да, если бы ты была года на три старше", - заметил Эл. "Сэм, ты же знаешь, что на это лучше не попадаться."

Одновременно с Элом, Сэм сказал: "Лиза, ты же знаешь, что это не так. У тебя и так достаточно проблем с твоим отцом. Не усугубляй их."

"Я должен был догадаться", - пробормотал Эл. "Мистер "Не Поддаваться Искушению Любой Ценой". Ну и ну".

"Мой отец ненавидит меня. Ему всё равно, что со мной случится. Он заперся от меня!". Фасад соблазнения рухнул, и девушка выглядела моложе своего возраста, а не старше, вытирая лицо, когда слёзы снова навернулись на глаза. "Мне негде..."

"Я поговорю с твоим отцом", - попытался её успокоить Сэм.

"Это не поможет. Он не будет слушать. Он никогда не слушает. Ты видел его. Он ненавидит меня, потому что я не мальчик".

"Это неправда, Лиза. Он твой отец, он любит тебя. Он просто не знает, как это сказать".

"Есть ещё какие-нибудь банальности, которые можно произнести?" - спросил Эл, когда Лиза снова заплакала. "Те, что у тебя есть, похоже, не работают."

"Я поговорю с ним". Все три участника, физические и голограмма, подскочили, когда к разговору присоединился новый голос. Лиза поспешно отошла от Сэма, когда из тени сбоку от дома появилась Дженнивер Уэйлс, одетая в потрёпанный домашний халат, выцветший от ночного света, и шагнула вперёд. "Я скажу ему, что открыла тебе дверь. Иди в постель, Лиза, уже поздно. Тебе нужно отдохнуть."

На одно долгое мгновение Сэму показалось, что Лиза бросит вызов и своей матери тоже. Затем, пожав плечами, девушка перекинула сумочку через плечо и прошла мимо матери, направляясь в сторону дома.

Дженнивер остановилась, собираясь повернуться, чтобы последовать за дочерью. "Спасибо тебе, Росс", - сказала она с достоинством. Затем она обхватила себя руками и вернулась в дом, оставив мужчину и голограмму смотреть ей вслед.

"Господи, Боже мой", - вздохнул Эл. "Это могло бы быть действительно интересно, Сэм."

"Да." - Сэм сглотнул, потрясённый больше, чем собирался когда-либо показывать Элу. Ему могло быть за сорок, он мог говорить себе, что он старше, мудрее и хорошо владеет собой, но Россу Мэлаки было всего девятнадцать, и у него были все необходимые гормоны для общения с девочкой-подростком поздним весенним вечером.

"Может быть, это то, что тебе нужно исправить", - сказал Эл. "Привести в порядок Лизу. Если это так, то тебе придется потрудиться."

"Не думаю, что дело в этом", - сказал Сэм, стряхивая с себя оцепенение от пристального взгляда. "Не думаю, что подростка можно исправить одним скачком. Для этого нужно нечто большее."

Эл подумал об этом и кивнул в знак согласия. "Да. Проходит по меньшей мере восемь лет, а ты всё ещё не можешь прийти к какому-

то выводу. Но это должно быть частью всего этого."

Сэм первым поднялся по ступенькам в квартиру. "Ты знал о проблемах, которые были у Уэйлса с дочерью?" - спросил он, придерживая дверь открытой для своего друга, как будто тот действительно был там.

Эл вздрогнул. "Нет. Слушай, просто не втягивай меня в это, ладно? Притворись, что на самом деле меня здесь нет. Я вообще ничего не изменю, верно? Так что не втягивай меня в это."

"Эй, ладно, ладно. Не расстраивайся так. Я всего лишь попросил кое-какую информацию". Сэм, нахмутив брови, наблюдал, как он проходит сквозь шкаф. В целом Эл старался соблюдать "реальность", которую он разделял с Сэмом, обходя объекты, которые во времени Сэма были настоящими, хотя для Эла они были всего лишь голограммами, точно так же, как Эл был всего лишь голограммой для Сэма. Эл, как правило, забывал соблюдать приличия, когда был расстроен, обеспокоен или отвлечён.

"Да, конечно". Эл потянул за ободок своей фетровой шляпы и демонстративно сделал вид, что осматривает ручной пульт. Сэм решил, что в этот раз было три признака сразу. Расстроен, очевидно, скачком Сэма в реальность, которая включала в себя версию его самого; обеспокоен возможностями, заложенными в ситуации; и отвлечён всей этой темой.

"Я просто подумал, что ты, возможно, вспомнишь что-то, чего не было у Зигги в базе данных", - осторожно сказал он. "Ты знаешь. Доступные ресурсы."

Эл перестал расхаживать. "Эй, для меня это было много лет назад. С тех пор много воды утекло, если ты понимаешь, что я имею в виду. Я не собираюсь вспоминать пустяки о какой-то девчонке и о том, в какие неприятности она попала со своим тупым бойфрендом". Он покачал головой, продолжил расхаживать по комнате и бросил через плечо: "И что ты подразумеваешь под "доступными ресурсами"?"

Сэм рассмеялся, пытаясь разрядить напряжение, повисшее в маленькой квартирке. " "Имеет смысл использовать все доступные ресурсы". Это было одно из твоих любимых

высказываний. Боже, ты говорил это так много раз. Помнишь? Тогда, когда я разрабатывал Зигги?"

От взгляда, которым одарил его Эл, у Сэма мурашки побежали по спине. Он был растерянным, с широко раскрытыми глазами и совершенно пустым. После долгой паузы он сказал: "Э-э, конечно. Да. Конечно, я это помню!"

"Это и натолкнуло меня на идею комбинированной технологии нейроэлементов", - продолжил Сэм, чувствуя, как в животе нарастает тошнота. "Я помню это. В тот день ты

согласился присоединиться ко мне. Это был самый важный день во всем Проекте, мы оба так считали. Я не хотел этого делать, брать образец клетки, но ты повторял это снова, около сотни раз. Ты уговорил меня на это. "Ты должен использовать все имеющиеся у тебя ресурсы", - сказал ты." Эл пристально смотрел на него, становясь всё бледнее.

"Ты ведь помнишь, Эл?" Сэм явственно слышал мольбу в своём голосе.

"Конечно, я помню", - прошептала голограмма. "Как я мог забыть что-то настолько важное?" Он судорожно сглотнул. "Хм. Эй. Мне кажется, я слышу, как Тина зовёт меня". Ткнув указательным пальцем в ручной пульт, он вызвал дверь в Голографическую Камеру и, бросив последний испуганный взгляд, исчез за ней. Сэм наблюдал, как дверь закрылась, оставляя его в одиночестве.

Он чувствовал себя одиноким, пожалуй, больше чем когда-либо ещё за время квантовых скачков. Он почти привык к мысли, что его память была ненадёжной, и что по причинам, которые он не совсем понимал, Эл никогда не расскажет ему о Проекте всего, что он хотел знать. Но это был первый раз, когда он так ясно помнил разговор, только чтобы обнаружить, что Эл понятия не имеет, о чем он говорит. Как будто разговора, который он помнил, вообще никогда не было.

[ГЛАВА 10]

На глубине двухсот футов под землёй, под домами из шлакоблоков, которые были внешним видом Проекта, под Ускорителем, Голографической Камерой, Залом Ожидания и Диспетчерской, внизу, в холодильных камерах, находились конструкторские бюро, в котором были расположены внутренности компьютера, непочтительно названного Зигги. Вдоль одного коридора тянулись кабинки со столами, чертёжными досками и маленькими компьютерами, некоторые из которых были подключены, а некоторые нет. Когда-то эти кабинки занимали члены команды дизайнеров Зигги, каждый из которых решал отдельный набор задач при создании нового и уникального компьютера. Проектные работы были выполнены. В результате большинство небольших офисов были заброшены на несколько лет. В конце коридора находились два кабинета побольше, один принадлежал Тине, другой Сэму. Эл повернул ручку на двери — Руководитель Проекта заслуживал кабинета с дверью — и вошёл.

Эл как-то спросил Сэма, зачем ему нужны два кабинета, один здесь внизу, а другой наверху, на одном этаже с Диспетчерской, а Сэм пожал плечами и непонимающе развёл руками. Для него это имело смысл, и этого было достаточно. В верхнем кабинете он занимался административными делами. Здесь, внизу, он работал над самим Зигги. Больше, чем работал: он создал компьютер. Как только всё было запущено, он иногда возвращался сюда для дальнейшего изучения, для консультации со своим творением или для действительно сложной игры в пасьянс, насколько знал Эл.

В этот поздний час на этом этаже вообще никого не было, кроме Эла и компьютера, который всегда был рядом. Он слышал свои шаги и старался ступать тише. Он заглядывал в каждую из кабинок, проходя мимо. Воздух был отфильтрованным и прохладным; на столах или экранах не было пыли, которая указывала бы на то, как давно они были заброшены. Если бы не отсутствие разбросанной бумаги на столах, все могли бы уйти на обед, планируя вернуться через час с шумом, жизнью и движением. Но это было неправдой, уже давно не было правдой.

В кабинете Сэма не было книг. Сканеры, да, были, много сканеров. Огромный видеоэкран и голограммный стол перед ним для воспроизведения трёхмерных изображений. У одной стены лабораторный стол со старомодным микроскопом; камеры биологической изоляции и инструменты, в которых Эл никогда не разбирался. Там был даже перчаточный ящик с чашкой Петри, наполненной чем-то, похожим на жёлтый воск.

В этой комнате, во время обряда, до смешного похожего на клятву кровного братства, Сэм взял нервные клетки из руки Эла. Он сказал, что они были ему нужны, потому что он не мог создать нейроэлементы для Зигги, используя только свою собственную субстанцию. Зигги был бы продуктом их двоих. Эл предположил, что Сэм тоже использовал нервные клетки из своей руки, но он никогда не был уверен, когда впервые заметил прядь седых волос на левом виске Сэма. Он уже давно решил, что ему незачем это знать.

Это была концепция, которую Эл очень старался забыть. Никто не знал, откуда взялись клетки, кроме Сэма и его самого — и компьютера. Компьютеру было легко связать их обоих, чтобы Эл мог быть Наблюдателем; человек, машина и человек - всё это было неразрывной цепью. Как только Зигги смог определить, где Сэм, это всегда могло привести Эла к нему. Никто другой не мог быть Наблюдателем. Это совершенно свело с ума Тину, которая отвечала за физическую конструкцию всего, кроме нейроэлементов. Она отказалась разрабатывать дизайн с использованием новых клеток. Всё это сделал Сэм.

Пока Эл стоял, оглядывая кабинет и пытаясь одновременно вспоминать и не вспоминать, гигантский экран ожил. "Адмирал". Голос был женским. Иногда Эл скучал по тому более глубокому голосу, который когда-то был у Зигги. Они с Сэмом по-прежнему называли компьютер местоимением мужского рода, хотя с тех пор, как Тина внесла свои коррективы, он звучал скорее как альт. Приветствие было признанием его присутствия и было значительно более вежливым, чем привык быть компьютер. Экран из пустого превратился в постоянно меняющийся фрактальный узор, время от времени прерываемый мультяшным персонажем, устало бредущим по полю зрения. "Привет, Зигги". Эл устроился в кресле Сэма, и покрутился в поисках места, куда можно было бы положить ноги. Кроме самого стола, другого места не было и стул угрожающе закачался, когда он попытался это сделать. "Если вы выдвинете нижний правый ящик, то сможете опереться на его край". Экран вспыхнул синим и зелёным. "Я думал, Сэм держит эти ящики запертыми." "Только не в этом кабинете", - подсказал ему компьютер. "О." Эл открыл ящик и с любопытством порылся в нём. "Есть что-нибудь интересное?" - сухо спросил компьютер. Эл отшатнулся; он бы покраснел, если бы вспомнил, как это делается. "Нет. Ничего". Он откинулся на спинку стула, закинул ноги на стол и покатал незажжённую сигару между указательным и большим пальцами. "Была ли какая-то особая причина, по которой вы решили посетить этот кабинет, Адмирал?" Эл некоторое время не отвечал. "Адмирал?" "Я слышал тебя." - он сунул сигару в зубы и сплёл пальцы на животе. "Ну?" "Ты ужасно нетерпелив для компьютера", - сказал Эл. Многолетняя практика позволила ему говорить с сигарой во рту, не чувствуя дискомфорт. "Мы измеряем время по-разному, Адмирал". Изображения на экране начали мигать, меняясь по одному в секунду, ровно, как часы. "Хорошо, хорошо. Что у нас есть?" "Я не могу понять, почему вы намеренно откладываете сбор необходимых данных, чтобы..." "Прекрати, Зигги. Я готов это услышать. Сейчас." "Да, сэр". Экран погас. "Последние данные ещё не были отсканированы в моих банках данных, но Живчик раздобыл местные газеты, охватывающие соответствующий период, с 1990 года по настоящее время". "И что?"

"Данные, относящиеся к семье Уэйлс, на удивление скудны. Однако мы установили, что доктор Уэйлс продолжает вести занятия в своей группе поддержки в течение нескольких лет".

"Хорошо. И что?"

"Миссис Уэйлс умирает примерно через восемнадцать месяцев после перемещения доктора Беккета, от рака яичников".

"Ой. Это может быть..."

"А Лиза Уэйлс в настоящее время находится в тюрьме, отбывая наказание от десяти до пожизненного за убийство второй степени". Эл одновременно уронил ноги и сигару. "Убийство второй степени? Его совершила эта маленькая девочка?"

"Преступление, за которое она была осуждена, произошло в 1997 году". Экран на несколько секунд погас, затем снова загорелся кроваво-красным.

"Что произошло?"

"Лиза Уэйлс была судима и осуждена в 1990 году за убийство владельца магазина в ходе попытки ограбления. Однако она была несовершеннолетней, и её записи были засекречены..."

"Так как же они оказались у тебя?" спросил Эл, на мгновение отвлекаясь.

"У меня есть свои методы", - с достоинством ответил компьютер. "Её записи были опечатаны. Когда её выпустили, у неё не было никаких признаков реабилитации, и фактически вскоре у неё развились серьёзные проблемы с наркотиками. Арест за убийство в 1997 году был её третьим — не считая преступлений, совершённых в несовершеннолетнем возрасте". Пока компьютер говорил, на голограммной панели появилось изображение, показывающее видеозапись Лизы Уэйлс, которая выглядела на тридцать лет старше пятнадцатилетней девочки, которую запомнил Эл. Её волосы были длинными и спутанными, под глазами залегли тёмные круги, а лицо было измождённым и бледным. Её руки были скованы и прикованы к талии. В ролике было видно, как она спотыкается и выкрикивает непристойности помощнику шерифа, сопровождающему её по безлюдному коридору.

Ролик закончился и запустился снова. Эл покачал головой. "Тогда, должно быть, так оно и есть. Сэм должен помешать ей сделать то, что она сделала в первый раз. Что ещё ты знаешь об этом подростковом преступлении Лизы? Она убила кого-то во время ограбления магазина?"

"Я всё ещё пытаюсь получить доступ к деталям", - признался Зигги. "Я не уверен. Существует восьмидесятипятипроцентная вероятность того, что Лиза не совершала фактического убийства в этом случае. Однако, как соучастница, она была бы признана такой же виновной."

"А доктор Уэйлс просто продолжает преподавать. Фух. По крайней мере, один член семьи остаётся нормальным".

"Как скажете". В голосе компьютера прозвучало сомнение. "Я продолжу расследование. Тем временем, я предлагаю вам сообщить доктору Беккету подробности как можно скорее. Чрезвычайно высока вероятность того, что причина этого скачка заключается в том, чтобы помешать Лизе участвовать в ограблении."

"Когда именно это произойдёт?"

"Я не смог этого определить. Я предполагаю, что это произойдёт где-то в течение следующих семидесяти двух часов".

"Хорошо". Эл встал, отодвигая стул, а затем приостановился. "О. Я хотел спросить тебя ещё кое о чём".

"Да?" - в голосе Зигги звучало нетерпение. Сэм запрограммировал в своём творении ряд человеческих характеристик, среди которых более чем здоровое эго. Эл считал, что это была одна из самых больших ошибок, которые когда-либо совершал гениальный учёный, начиная с того момента, когда он впервые вошёл в Квантовый Ускоритель.

"Ты когда-нибудь слышал, чтобы я употреблял фразу "Вы должны использовать все имеющиеся у вас ресурсы"?"

"Нет", - быстро ответил компьютер.

"Ты уверен, что я никогда не употреблял эту фразу?"

"Не в прошлом, ведущем к текущему моменту", - уточнил Зигги. "Возможно, вы использовали это в каком-то другом прошлом".

Эл откинулся на спинку стула. "Раньше мы всегда знали, когда менялось прошлое. Когда поменялся сенатор, например, я знал оба варианта прошлого. Чёрт возьми, я и должен был это знать — я сидел там и наблюдал!"

"Другие члены сенатского подкомитета, похоже, не осознавали, что произошли какие-либо изменения", - педантично отметил Зигги.

"Для них история с сенатором Дианой

Макбрайд была такой, какой она была всегда."

Эл махнул рукой, отмечая это замечание. "Они не были связаны с квантовыми скачками. Я хочу сказать, что когда Сэм что-то меняет, тот или иной из нас это знает. Но

теперь никто из нас не помнит, чтобы я это говорил, а Сэм утверждает, что раньше я говорил это постоянно."

Компьютер жужжал сам себе, графика на экране слегка подёргивалась.

"Похоже, " - медленно произнес Зигги, - "Что доктор Беккет вспоминает прошлое, которого никто из нас не может вспомнить."

"Я только что это сказал."

"Если это действительно так," - продолжал компьютер, игнорируя прерывание Эла, - "То, возможно, что ход доктора Беккета во времени настолько радикально отличается от

прошлого, которое привело к моему созданию, что...факт моего создания может оказаться под угрозой".

Эл сглотнул. "Если ты исчезнешь, Зигги, что случится с Сэмом? Неужели он никогда не прыгнет?"

"Я не знаю". Графическая программа замерла, мигнула и перестала существовать. "Мне придётся рассмотреть эту проблему."

"Ну, не думай, что это так уж сложно, что ты не можешь добраться до тех судебных протоколов Лизы..."

"Возможно, я не в состоянии контролировать количество ресурсов, которые я выделяю на это", - сказал компьютер. Женский голос звучал почти шёпотом. "Я никогда раньше не задумывался..."

Голос умолк, и Эл ждал, когда он продолжит. Наконец он нарушил молчание. "Что? О чём ты ещё не задумывался? Я думал, ты думаешь обо всём."

"Но я никогда раньше не думал о смерти", - сказал компьютер. "Смерть - это для вас, смертных. Но если доктор Беккет не создаст меня, действительно ли я нахожусь здесь?"

[ГЛАВА 11]

Было субботнее утро. Сэм проснулся от трелей птиц в тополях, и был напряжённый и настороженный.

Потребовалось несколько минут, чтобы вспомнить, где, когда и кем он был на этот раз. Придя в себя, он лежал и слушал, закрыв глаза. Нечасто ему удавалось просто отдохнуть.

Вдалеке он слышал шум уличного движения, вероятно, на Центральной улице — даже ранним летним субботним утром там должно было быть движение. Но Центральная Авеню,

часть старой трассы 66, о которой слагали песни и рассказы, проходила почти в миле к югу от дома Уэйлса, и район был строго жилым. В отличие от более новых частей

города Альбукерке, в этом районе местами встречались старые тополя, растущие по обе стороны дороги. Они затеняли асфальт от жары и изолировали дома в этом районе

от суматохи и неприятностей. В маленькой квартирке над гаражом было мирно и тихо.

Скоро ему придётся вставать и что-то делать. Когда-то давным-давно он вскакивал, как только просыпался, готовый встретиться лицом к лицу с миром и тысячью тигров, но

в последнее время когда появлялась возможность просто лежать неподвижно, закрыв глаза, и чувствовать ритм сердца и лёгких без стресса, без ужаса, без необходимости

вскакивать и спасать других от самих себя или от монстра недели было...просто...замечательно.

Но ни один фермерский мальчик не мог слишком долго оставаться в постели, не испытывая чувства вины. Может, здесь и не было коров, которых нужно было доить, но

где-то были драконы, которых нужно было убивать. Сэм неохотно поднялся, принял душ и оделся.

К сожалению, фермерские мальчики тоже привыкли к плотным завтракам. Многогранный гений мог бы умерить свою тягу к

холестерину во всех его многочисленных проявлениях, но у Росса Мэлаки всё ещё был растущий организм. И в квартире было абсолютно нечего есть. Порывшись в холодильнике, он извлёк упаковку из шести банок газировки. Больше там ничего не было. С отвращением он проверил свой бумажник. Там было не так уж много денег, но, если он правильно помнил, в ресторане "Фронтир", расположенном в кампусе через дорогу от университета, на завтрак подавали потрясающие буррито и булочки с корицей. При этой мысли у него потекли слюнки.

"Росс! Мама спрашивает, ты собираешься пойти позавтракать или как?"

Конечно, это была Лиза, чья идея позвать его начиналась и заканчивалась тем, что она стояла у входной двери и орала во всю глотку. Сэм вздохнул и открыл дверь.

"Иду!"

Завтрак был совсем не похож на ужин накануне вечером. Доктор Уэйлс уже закончил с "уэвос ранчерос" и спортивным разделом, оставив на загнутых страницах заголовки, которые гласили: "Денвер не может переманить Томпсона" и "Чилис надеется оправиться от недавнего отсутствия удара". Сэм, заметив последний заголовок краем глаза, задержал на ней внимание; в конце концов, это была не неуместная статья в разделе о еде, а просто колонка о местной футбольной команде.

Дженнивер Уэйлс суетилась, улыбаясь, как Джун Кливер в джинсах, готовя ещё одну сковороду с яйцами и чили; тортильи уже стояли наготове. Лиза ела сухие тосты с апельсиновым соком и старалась не высовываться. Сэм с облегчением увидел, что Уэйлс, похоже, не склонен официально принимать к сведению вчерашнюю ссору. С благодарной улыбкой он отправил в рот первую порцию, прожевал и потянулся за стаканом молока.

"Она хорошо справляется с чили, не так ли?" - спросил Эл у него за спиной. Молоко попало Сэму в нос, и он схватил бумажную салфетку. Он забыл, каким может быть домашний уэвос. У него слезились глаза, из носа текло молоко, и он мужественно пытался проглотить этот кусок, не опозорив себя окончательно.

"Тебе нужно сделать манёвр Геймлиха?" - безжалостно осведомился Эл. "Ты всегда был слабаком, когда дело касалось хорошего чили".

"Да, это действительно хорошее чили," - выдохнул Сэм, одновременно прочищая носовые пазухи и рот. Эл обошёл вокруг стола. На этот раз на нём был один из его любимых костюмов - красный костюм с фиолетово-красной рубашкой и галстуком-боло. Он заглянул через плечо Уэйлса, который читал спортивные результаты, и кивнул. "Паршивая команда", - пробормотал он.

Сэм не стал утруждать себя вопросом, какая команда была паршивой. Эл ставил на них на всех, и одна из них обязательно должна была проиграть.

Дженнивер, тем временем, кивнула в ответ на комплимент. "Это компенсирует все эти мозоли осенью", - сказала она. "Хочешь ещё?" "Мозоли?"

"Жареное чили". Эл тыкал в чили сигарой и рисовал круги в воздухе, подчёркивая это. "При обжаривании чили всегда образуются волдыри, это обычное дело. Затем ты замораживаешь его, и у тебя есть витамин С круглый год". Лиза прошла сквозь него, направляясь к двери.

"О, я просто пошутила". Дженнивер вопросительно подняла ложку. Сэм кивнул и продолжил есть немного осторожнее, делая частые глотки молока, чтобы оно попадало в рот, пищевод и желудок. Это было вкусно, но у его матери случился бы приступ при мысли о том, чтобы приправлять яйца таким образом.

"Что ж," - сказал профессор, откладывая газету в сторону, - "Я собираюсь немного поработать над этой статьей. Помнишь, что я говорил тебе вчера вечером о подготовке нашей группы, Росс? Это разрушительно - не иметь всего на месте, когда вам это нужно".

"О. Конечно". Сэм проглотил последний кусок. "Я позабочусь об этом".

Он сложил салфетку, взял тарелку и столовое серебро, отнёс их в раковину и заслужил благодарную улыбку от Дженнивер. "Что ж, спасибо, Росс, это очень заботливо с твоей стороны".

Он слегка пожал плечами и оглянулся через плечо. Стивена Уэйлса уже не было. Он глубоко вздохнул.

"Эм, миссис Уэйлс, я не мог не заметить, что вчера вечером вы, казалось, испытываете некоторую боль..."
Её улыбка исчезла. "Не говори глупостей, Росс".

"Я видел", - настаивал он. Женщина явно не хотела обсуждать этот вопрос, но Сэм отличался упрямством.

"Зигги говорит, что она умрёт через несколько месяцев", - сказал Эл. "Но это не самое главное..."

"Это важно", - сказал Сэм, прерывая голограмму и поражая Дженнивер своей настойчивостью. "Вам было больно", - продолжил он, обращаясь теперь к женщине. "Это может быть действительно серьёзно. Вы обращались к врачу?"

Дженнивер Уэйлс, стоявшая у кухонной стойки, напряглась и отстранилась, откинувшись назад, чтобы увеличить дистанцию между собой и "Россом Мэлаки". Сэм отступил назад, чтобы уменьшить давление на неё. Это было ошибкой.

"Росс, я должна сказать тебе, что тебя это не касается", - твёрдо сказала она. Её лицо было бледным, а правая рука поднялась, чтобы откинуть назад волосы, которые всё ещё оставались на месте. "Я ценю твою заботу, но буду признательна, если ты не будешь лезть не в своё дело."

У "Росса" отвисла челюсть. "Что?" - пробормотал он.

"Не лезь не в своё дело, Росс". С этими словами она повернулась и открыла кран, решительно звякнув посудой. Смысл был ясен: разговор подошёл к концу.

"Сэм, ты можешь выслушать меня для разнообразия?" - посетовал Эл. "Тут происходит нечто большее, чем это".

"Но она же умрёт, - пробормотал Сэм.

Дженнивер на мгновение застыла. Затем она ссутулила плечи и захлопнула крышку кастрюли, разбрызгав мыльную воду по столешнице.

"Сэм, не мог бы ты, пожалуйста, отойти куда-нибудь, где я мог бы с тобой поговорить?" - прорычал Эл, и в каждом его слове слышалось раздражение и отчаяние.

"Ладно. Ладно, хорошо". Сэм удалился в пустую гостиную, Эл последовал следом, вцепившись в ручной пульт, как в спасательный круг. Что, в некотором смысле, конечно, так и было.

Убедившись, что они остались одни, Сэм повернулся к Элу. "Что ты имеешь ввиду, говоря, что она умрёт, но это не важно? Как это может быть не важно? Если она вовремя обратится к врачу, это может спасти ей жизнь!"

"По словам Зигги, уже слишком поздно".

"Зигги не всегда бывает прав!"

"Происходит нечто большее, чем это", - настаивал Эл.

"Как ты можешь говорить, что жизнь женщины не важна!"

"Ладно, ладно" - Эл поднял руки в знак капитуляции. "Может быть, "не важно" - не лучший способ сказать это..."

"Ещё бы!"

"Ладно, ты прав!" Эл и сам покраснел. "Мне очень жаль. Ты это хотел услышать?"

"Слова ничего не стоят," - пробормотал Сэм, всё ещё злясь.

Эл предпочел проигнорировать это замечание. "Ты ничего не можешь поделаться с Дженнивер, но ты, возможно, сможешь что-нибудь сделать с Лизой." - Эл, который был пониже ростом, стоял на своём голограммном месте, пока Сэм расхаживал взад-вперёд, в конце концов уставившись в камин, одной рукой поддерживая его, когда он прислонился к каминной полке.

"А что насчёт Лизы?"

Эл изложил историю, которую обнаружил компьютер. К тому времени, как он закончил, Сэм снова стоял к нему лицом, уделяя ему всё своё внимание.

"В каком магазине? Когда? И где во всём этом её отец?"

"Мы пока не знаем", - признался Эл. "Записи были засекречены, поэтому мы знаем больше о более позднем убийстве. За которое она находится в тюрьме сейчас".

"Это мне не поможет. Если я смогу помешать ей участвовать в первом..."

"Зигги говорит, что шансы почти стопроцентные, что она не окажется — не окажется? — да, не окажется сегодня в тюрьме. Она на скользком пути, и она слишком близка к краю пропасти, что само по себе не прибавляет спокойствия".

"Но ведь девочка также потеряет свою мать".

"Зигги говорит, что ты никак не сможешь этого предотвратить."

Сэм бросил на него мучительный взгляд. "Я в это не верю. Я просто не могу в это поверить. Я переместился сюда, чтобы выяснить это, и ничего не могу с этим поделать".

"Ты не можешь изменить всё", - заметил Эл.

"Я никогда не говорил, что смогу. Но что бы ни заставляло меня прыгать, я всегда оказываюсь в ситуации, которую нужно исправить, и которую я могу исправить!"

"Это правда", - сказал Эл. "Но я говорю тебе, Сэм, Дженнивер Уэйлс - это не та ситуация. Ты здесь, чтобы не дать Лизе испортить свою жизнь".

"Разве я не могу сделать и то, и другое?" прошептал Сэм.

"Я так не думаю, Сэм". - Элу было больно видеть, как его друг разрывается на части, но ничего нельзя было поделать. У Дженнивер Уэйлс был рак яичников, и в самом

лучшем случае её шансы на выживание были бы невелики. В данном случае рак был слишком запущен. Дженнивер Уэйлс предстояли восемнадцать месяцев хирургического

вмешательства, химиотерапии и лучевой терапии, осложнённых тем, что её единственную дочь арестовали, осудили и отправили в тюрьму за убийство. С точки зрения Эла,

её смерть была бы не чем иным, как милосердным избавлением.

Однако он мог понять чувства Сэма. Один из степеней его друга была степень доктора медицины, и хотя память Сэма, была похожа на швейцарский сыр, и не позволяла ему

вспомнить свои медицинские навыки - или даже то, что у него вообще была докторская степень, — ничто не могло изменить его потребности помочь, и попытаться облегчить

боль. Это была тонкая пытка - стоять в стороне и ничего не делать, либо потому, что человек, чьё тело он занимал, никак не мог обладать такими знаниями, какие были у

Сэма Беккета, либо потому, что Сэм Беккет не мог вспомнить, что знал он сам.

"Росс? Ты здесь что-то ищешь?". Это был Стивен Уэйлс. "Я думал, ты собирались спуститься в отель, чтобы проводить подготовку".

Профессор многозначительно посмотрел на свои часы. "Сейчас, знаешь ли, три часа дня".

"Время для тамтамов," - пробормотал Эл.

"Тебе виднее", - пробормотал Сэм в ответ уголком рта. Стивен Уэйлс выглядел удивлённым.

"Я немедленно позабочусь об этом", - поспешно сказал Сэм. Он начал пятиться к выходу из комнаты, затем остановился. "А, доктор Уэйлс..."

"Да?"

"Я понимаю, что это не моё дело, но я заметил, что..."

"Росс, ты всё ещё здесь? Хорошо. Мне нужно ещё немного жидкости для мытья посуды. Пожалуйста,хвати что-нибудь для меня, когда будешь уходить". Дженнивер Уэйлс

вышла вперёд, протягивая пятидолларовую купюру. Когда Сэм протянул руку, чтобы взять её, она добавила: "Мне это нужно немедленно. Пожалуйста, уходи". Гораздо тише,

неслышно для мужа, она добавила: "Я сказала тебе, что моё здоровье - не твоё дело. Если ты хочешь сохранить эту работу, то должен помнить об этом". В её взгляде не было ничего блеклого или неуверенного.

Эл резко кивнул в знак согласия.

Сэм вздохнул.

"Да, мэм".

"Что мы знаем о Россе Мэлаки?" - внезапно спросил Сэм. Эл, который каким-то образом устроился так, чтобы сидеть точно так, как если бы он был в грузовике, положив локоть на выступ окна, удивлённо оглянулся.

"О Россе? Я не знаю. Я забыл узнать о нём."

"Ты забыл узнать?". Сэм был недоверчив. "У тебя парень сидит в Зале Ожидания, а ты забыл узнать его будущее? Что, если человек, которого Лиза убьёт во время ограбления магазина, - это я? Ты когда-нибудь рассматривал такую возможность?"

Эл выглядел испуганным. "По правде говоря, нет. У нас были другие заботы и мы думали о другом".

"Например?"

Эл откашлялся и, вытянув руку, принялся возиться с ручным пультом.

"Знаешь, я бы хотел, чтобы ты прекратил это. В половине случаев я думаю, что ты делаешь это просто для того, чтобы чем-то занять свои руки". Краем глаза Сэм заметил,

как Росс Мэлаки раздражённо нахмурился, отражаясь в боковом зеркале. Он покачал головой и забарабанил пальцами по рулю, понимая, что барабанная дробь была такой же

нервной привычкой, как и возня с ручным пультом, в которой он только что обвинил Эла, и остановил себя, обхватив руль пальцами в десять и два часа, точно так, как

рекомендовало руководство по вождению.

Эл бросил на него виноватый взгляд, продолжая тайком ковыряться в ручном пульте.

"Так что же было такого важного?" - спросил Сэм.

Эл снова откашлялся. "Ну, ты знаешь. Проблемы с компьютерными чипами, загрузкой данных и прочим. Всё как обычно."

"Наверное, я не очень удачно спроектировал этот компьютер." - кисло пробормотал Сэм.

Ручной пульт возмущённо запищал.

"О нет, нет, ты проделал отличную работу. Фантастическую работу. Но, знаешь, это проблема технического обслуживания".

"Да, техническое обслуживание. Как же." - не поверил ему Сэм.

Эл прикусил губу. "Итак," - сказал он, явно пытаюсь вернуть разговор в нужное русло, - "Что ты собираешься делать с Лизой?"

Сэм, наблюдая за движением, пожал плечами. "Пока не знаю. Я должен как-то остановить её".

"Зигги сказал, что ограбление произойдет в течение следующих семидесяти двух часов. Нет — уже, в ближайшие сорок восемь часов. Сейчас Зигги перепроверяет

данные." - Эл украдкой ткнул в ручной пульт, украдкой поглядывая на Сэма, как будто ожидал, что его за этим застанут.

"С учётом всех газет в этом городе, можно подумать, что он уже давно во всём разобрался". У Росса Мэлаки были пальцы музыканта, длинные и узкие, и Сэм поймал себя на том, что снова барабанит ими.

"Знаешь, ты иногда бываешь чертовски раздражительным!"

Сэм молчал, меняя полосы движения, и выезжая на шоссе I-40, вливаясь в восточный поток машин и направляясь к синеволетовому массиву гор Сандия. Эл ждал его ответа, будучи таким же упрямым, как и его друг.

"Ладно. Ладно, извини," - наконец сказал Сэм. "Я просто иногда устаю жить в соответствии с процентами Зигги. Зигги говорит, что, по его мнению, у Лизы будут

неприятности, но у него пока нет никаких подробностей; но я точно знаю, что её мать больна, а ты говоришь мне, что я ничего не могу изменить. Я хочу что-то

изменить, Эл. Я здесь, чтобы что-то изменить. Иначе, во всём этом нет никакого смысла, не так ли?"

Стенно Бачек знал, что лучше не расхаживать по торговому центру в чёрной кожаной куртке и тёмных очках, расправив плечи, чтобы

они казались больше, и выставив локти, чтобы задевать покупателей возле витрин, когда он расхаживал с важным видом. Для всего было своё время и место, и, возможно, это было подходящее место, но точно не подходящее время.

Когда ты прогуливался по торговому центру, демонстрировал цвета или просто хорошо проводил время, пугать обычных людей было в порядке вещей. Было забавно играть в цыплёнка с охранниками, не переходя черту, за которой им пришлось бы приставать к тебе, и в то же время давая понять, что ты лучше, чем они, чувак, ты был таким свободным, а они — они носили униформу.

Но когда ты планировал работать в каком-то месте, тебе хотелось затеряться, пока ты проверяешь места. Просто веди себя как обычный парень. Посмотри на вещи, купи что-нибудь, посмотри, как они обращались с товаром, как они обращались с наличными. Посмотри, как они реагировали на подростков. Посмотри, кто был уязвим.

Кроме того, сегодня было чертовски жарко, чтобы носить чёрную кожу. В утреннем прогнозе погоды по радио говорилось, что в городе ожидается рекордно высокая температура, которая сегодня достигнет 101 градуса. Итак, ты надел футболку и шорты и вёл себя как остальная толпа. Это было не так уж сложно.

Ты даже мог бы купить несколько мягких крендельков и лимонад, присесть на одну из скамеек, так удобно расставленных вокруг, и наблюдать за потоком людей, аккуратно снимая кристаллики соли и растирая их между зубами, наслаждаясь горьковатым вкусом. Кренделёк был бы тёплым, жевательным и успокаивающим; а лимонад - острым, холодным и сладким.

Некоторые магазины изначально были неправильными. Например, музыкальные магазины. В музыкальных магазинах было слишком много людей. Ты никогда не мог войти и выйти вовремя, ни в музыкальном магазине, ни в торговом центре. Они всегда были забиты до отказа.

Ювелирные магазины тоже были плохи. В то время как он тосковал по изящным золотым цепочкам в витрине, по прозрачным камням, которые ловили свет и отбрасывали его назад, подобно смеху, ювелирные магазины были слишком хорошо защищены. У них была сигнализация, а в торговом центре всегда кто-нибудь находился поблизости.

Только дурак пошёл бы на такое, а Стенно никогда не считал себя дураком.

То же самое и с аптеками. В прошлом году его друг пытался ограбить аптеку. Рик не знал, что фармацевт в свободное время вёл курс по безопасному обращению с оружием; он собрал свою добычу и уже направлялся к двери, когда какая-то пожилая дама встала у него на пути, и следующее, что

он помнил, - это то, что он лежал на полу, кашляя собственной кровью. Стенно тоже не представлял себя таким. Но оставался ещё тот галантерейный магазин. Стенно спрятал усмешку за очередным глотком лимонада. Покупателями были в основном женщины; они не доставили бы ему никаких хлопот. В магазине никогда не было большого скопления покупателей одновременно, но бизнес шёл на удивление успешно, расплачивались в основном наличными. Он наблюдал, как хозяйка магазина, стройная азиатка, суетилась вокруг, поправляя витрину с пуговицами. Сейчас там вообще не было покупателей, хотя торговый центр был в самом разгаре утренней суеты. И он уже давно присматривался к этому месту. Прошлой ночью она даже опустила проволочный барьер почти до упора, пока в магазине ещё были покупатели, торопясь закрыться. Ей пришлось поднять его снова, чтобы, наконец, выставить их. Конечно, если бы он зашёл в такой магазин, всем этим женщинам хватило бы одного взгляда на него, чтобы понять, что он пришёл сюда не за нитками и всякой всячиной. Но это было нормально. У него была бы девушка, которая тащила бы его за собой. А когда они окажутся внутри, что ж, он мог выглядеть неловко и застенчиво до тех пор, пока не придёт время опустошать кассу. Тогда он мог бы закрыть барьер за ними обоими, когда они будут уходить, и никто бы даже ничего не узнал. Он мог бы даже повесить табличку с надписью "Закрыто в связи с болезнью владельца" на шлагбаум, чтобы они ничего не заметили, когда она не откроется на следующее утро. Он усмехнулся про себя, заработав быстрый взгляд старушки, сидящей на скамейке напротив него и покачивающей ногой коляску. Он покачал ей головой. Просто забавная мысль, старушка. Ха-ха. На его лице было доверчивое выражение, и она отвернулась, воркуя над спящим ребенком. Стенно подумал о том, что бы он сделал, если бы она тоже была в магазине. Нет, с сожалением решил он. Она была одной из тех бабушек и дедушек, которые сидят с детьми. Вероятно, её будет не хватать. Тем не менее, он мог представить её распростёртой на полу и, вероятно, плачущей. Эта мысль снова заставила его усмехнуться, и он поднялся со скамейки и прошел мимо неё, на ходу бросив взгляд на ребенка. Она не сводила с него глаз, когда он остановился, чтобы изучить ребёнка. "Милый ребёнок", - сказал он. "Спасибо", - сказала она с опаской. Стенно усмехнулся, бросил бумажный стаканчик и салфетку в мусорную корзину и ушёл.

[ГЛАВА 12]

В штате Нью-Мексико на душу населения приходится больше докторов наук, чем в любом другом штате Соединённых Штатов. В Нью-Мексико также один из самых низких уровней дохода на душу населения в Соединённых Штатах.

Стивен Уэйлс, доктор философии, сидел за своим рабочим столом и печально размышлял об этом.

Докторская степень Уэйлса не была связана со статистикой.

Тем не менее, это были удручающие факты. Уэйлс, безусловно, принадлежал к первой группе; но он подозревал, что, в каком-то смысле, принадлежит и ко второй. Если бы не запоздалое добавление пары человек к последней группе, ему пришлось бы расторгнуть контракт с отелем. А так он просто проскочил мимо.

Он вытер рот и снова посмотрел на цифры. Может, в конце концов, это того не стоило. Может, ему стоит подумать о том, чтобы устроиться на работу в какой-нибудь отдел кадров, проводить личностные тесты на проверку личности нерадивых сотрудников. Он так устал быть благодарным Дженнивер за её зарплату раз в две недели. Вести один курс в семестр в университете в качестве адъюнкт-профессора было недостаточно, и это всегда были те проклятые вводные занятия, с тремя сотнями скучающих первокурсников и одними и теми же старыми устаревшими учебниками. А этим летом ему едва удалось закрепиться в почтовом ящике на кафедре психологии, не говоря уже о кабинете.

Но он хотел помочь, чёрт возьми. Он хотел помочь другим мужчинам найти то, что нашёл он, что возможно быть мужчиной и эмоционально здоровым, общаться с другими людьми как с чем-то отличным от образа, стереотипа.

Каждый раз, когда звучали барабаны, он становился ближе к основной истине о том, что значит быть цельным человеком.

Сильным, защищённым. Счастливым. В мире со своим предназначением в мире.

Стивену Уэйлсу нужны были барабаны.

"Стив, милый, нам нужно поговорить о Лизе". Это была Дженнивер, с усталым, но решительным выражением лица.

Он поднял глаза, впервые за это утро по-настоящему увидев свою жену, и был потрясён морщинками вокруг её глаз и рта. Она стояла в дверном проёме, держась одной рукой

за притолоку. На её одежде спереди было пятно от воды после мытья посуды. Она взглянула на пачку банкнот, а затем снова на него.

Она выжидающе смотрела на него, ожидая, что он переключится на другую тему и расскажет о том, что они собираются делать с

Лизой.

Но он понятия не имел.

Хватаясь за соломинку, он ответил: "Разве ты не видишь, что я занят, Джен? Кроме того, она была на завтраке. Никаких проблем нет".

Дженнивер обмотала кухонное полотенце вокруг рук, скручивая его. "Проблема есть, Стивен. Нам нужно поговорить об этом".

"Вот тут-то ты и ошибаешься, Дженнивер. Я говорил тебе и не раз повторял, что нельзя вменять свои потребности в обязанность другим людям. Возможно, тебе очень нужно

поговорить об этом, дорогая, но мне - нет". Он встал, взял её за плечи и вывел за дверь.

Настоящим мужчинам не нужно было испытывать чувство вины за принятые решения.

Адвокат Эла Калавичи по бракоразводным процессам к настоящему времени стал старым другом семьи, даже если Эл так и не пробыл в браке достаточно долго, чтобы завести

семью. Эл повесил трубку, чувствуя себя так, словно с ним разговаривал пресловутый голландский дядюшка.

Он никогда не уходил из брака с большим достатком. Он никогда не хотел быть скупым, и, кроме того, ему многого не требовалось.

Он давным-давно понял, как мало ему на

самом деле нужно. Дайте ему хорошую сигару и возможность сходить на бейсбольный матч, и он будет счастлив. Похоже, ему не удалось убедить в этом своего адвоката

Дирка; слово "ободранный" часто всплывало в разговорах, но он мог, насвистывая, уйти от чего угодно. За углом всегда было что-то новое.

Например, вот было хорошее предложение, лежащее на столе. Присоединиться к аналитическому центру. В один из "Бандитов на кольцевой дороге" (термин для частных

компаний, расположенных в Вашингтоне, - прим пер). Конечно, он не мог консультировать ни по чему из того, над чем работал, но это не было проблемой; он был настолько

вовлечен в Проект "Звёздный Свет", что никогда не участвовал в других программах. Но эти ребята хотели порассуждать о будущем советского Военно-Морского флота, и он мог рассуждать вместе с лучшими из них.

Ладно, возможно, всё, чего они хотели, - это добавить Адмирала ВМС США (в отставке) на свой фирменный бланк. Но им придётся когда-нибудь позволить ему поиграть в их

игрушки. И это было лучше, чем всё остальное на горизонте.

И поскольку надвигалась очередная выплата алиментов, ему что-то было нужно делать. Старина Дирк знал это. Он намекал на то,

каковы планы Эла на будущее, но, конечно, он не собирался прямо спрашивать об этом.

Было здорово иметь возможность сказать ему, что да, работа есть. Эл знал слишком много отставных военных, которых вышвырнули в реальный мир с превосходными навыками в военной жизни, но которые понятия не имели, как жить на гражданке; которые были слишком старые, чтобы их взяли на работу, а даже если бы и взяли, то они слишком отставали от своих "сверстников", чтобы конкурировать с ними в продвижении по корпоративной лестнице.

Дела определённо шли на лад.

Так почему же он не чувствовал себя счастливее из-за этого?

Он посмотрел на часы. Через несколько часов он мог спуститься в банкетный зал отеля и узнать о собрании группы. Дирк сказал, что ему нужно идти, чтобы Дирк мог сказать судье, что Эл всё ещё пытается решить свои проблемы с коммуникацией. Эл фыркнул. Проблемы с коммуникацией? У него никогда не было проблем с коммуникацией. Нельзя сказать, что человеку, который был женат пять раз, было трудно донести свою точку зрения. У других людей были проблемы с пониманием, вот в чём была правда.

Дженнивер Уэйлс остановилась у телефона и её рука слегка легла на трубку. Она могла снять её.

Она могла бы вызвать врача.

Она могла бы записаться на приём.

Она могла бы взять машину и приехать на приём.

Она могла бы рассказать врачу о боли. Он мог бы назначить анализы.

Но тогда придется оплатить счёт. Ещё один счёт, который добавится к куче счетов на столе Стива.

Они не могли заплатить за него.

Может быть, в конце концов, боль была пустяковой. В конце концов, сейчас было не больно.

И ещё нужно было вытереть пыль.

Её рука оторвалась от телефона.

Сэм ненавидел иметь дело с конференц-персоналом отеля. Ситуация требовала вежливости и бесконечного терпения, улыбчивых ссылок на контракты, которых он никогда не видел, косвенных ссылок на невыполнение обязательств и пункты о неустойках за ущерб. Это было не то, в чём он был хорош. Отец воспитал его в вере, что слово мужчины - это его залог, что рукопожатие так же обязывает, как и любой контракт, и он впитал эти принципы в себя до мозга костей. Таким образом, бойкой маленькой индианки было достаточно, чтобы заставить заплакать даже святого. Не было ничего унижительного в том, чтобы называть ее "маленькой". Она была пяти футов ростом, если вытягивалась во весь рост. И "бойкая" было точным словом. Едва он вошел в её кабинет, как она вышла из-за своего стола, протянула руку и сказала "Привет!" самым жизнерадостным голосом, какой только можно вообразить.

Но обеспечит ли она кофе после встречи? О, ей было так жаль! - сказала она, размахивая цветками кабачка. Она выглядела как ходячая реклама целого племени ювелиров, специализирующихся на кричащих украшениях. На каждой руке у неё были браслеты из серебра, медвежьего когтя и огромных кусков синего камня. Она носила ожерелья из хейши и серебра с красным коралловым нага, подвеской в форме подковы, которая свисала почти до пояса. На пальцах у неё было множество колец. Самое простое, песочное с малахитовой серединкой, она носила на своём большом пальце левой руки. Больше для него нигде не было места. Сэм никогда в жизни не видел столько украшений Юго-Запада на одном человеке, даже в Санта-Фе.

Но кофе после собрания группы встреч не будет. Отель также не отвечал за сохранность оборудования доктора Уэйлса. Сэм уловил, что в её голосе мелькнула какая-то нотка.

"Наверное, вы считаете, что всё это довольно глупо," - сказал он.

"Боже мой, нет, конечно, нет, мистер Мэлаки! Доктор Уэйлс - ценный клиент!" Её волосы были чёрными, и в них играли рыжие блики в отражении солнечного света от бассейна отеля за окном её кабинета от пола до потолка. Из её кабинета открывался чудесный вид. Глядя вверх крыш комнат по другую сторону сверкающих вод бассейна, он мог даже различить крошечные чёрные палочки, которые были передающими башнями на Сандия Крест, вершине горы высотой в десять тысяч футов, возвышающейся на восточной границе города.

Разумеется, все, кто находился в бассейне, тоже имели прекрасный вид на неё. Конечно, у всех, кто был в бассейне, тоже был прекрасный вид на нее.

Сэм подумал, что это свело бы его с ума, если бы у него не было возможности работать в уединении. Но, возможно, эта женщина привыкла к этому. Она определенно казалась

такой, потому что она ни разу не взглянула на людей, глазеющих на неё из бассейна.

"Ну, если его так ценят, мне кажется, вы могли бы сделать для него немного больше. По крайней мере, убедитесь, что то, что ему нужно, есть там, где ему это нужно. Я не думаю, что прошу слишком многого".

Она разочарованно надула губки. "О, я правда, правда хотела бы, чтобы мы могли, мистер Мэлаки! Но так уж устроены контракты, видите ли. Я уверена, что когда вы сами их подпишете, то сами всё поймёте".

Она считала, что разговаривает с Россом Мэлаки, которому было девятнадцать лет, и поэтому позволяла себе общаться с Россом Мэлаки свысока. Но на самом деле она

разговаривала с Сэмом Беккетом. "Я уверен, что когда доктор Уэйлс подписывал контракт, он ожидал, что отель предпримет разумные усилия для обеспечения безопасности с

того момента, как мы привезём вещи, и до фактического начала встречи. По крайней мере, запирайте номер! Мы же не говорим о целом дне, мисс Клируотер."

"Чтобы никто не украл ваши "церемониальные барабаны"?" - спросила она. "Они, должно быть, очень дороги доктору".

И снова была эта нотка в голоске, какой-то проблеск чего-то. Но на этот раз это было слишком очевидно. Наконец-то пришло просветление.

"Вас беспокоят барабаны, не так ли?" - спросил Сэм. "Вам не нравится группа, и вам не нравится, что они используют барабаны".

"Остальным гостям немного мешает, когда они становятся такими громкими," - сказала она с гримасой неприязни.

"Вы думаешь, они имитируют пау-вау, не так ли? Высмеивают индийские танцы?"

Температура в комнате заметно понизилась. "Мистер Мэлаки, это очень похоже на расистское замечание."

"Вы думаете, что доктор Уэйлс высмеивает что-то, что должно быть важным."

Внезапно у неё исчезла самоуверенность, и она наклонилась через стол, сверкнув тёмными глазами. "Не говорите мне, что я думаю, мистер Мэлаки. Не думайте, что вы

знаете обо мне всё по моей внешности, и не относитесь ко мне снисходительно. Я пятнадцать лет проработала в конференц-бизнесе, а последние три - в этом отеле, и у

меня никогда раньше не было такой группы, как у вас. Сидите без рубашек и говорите о том, как наладить контакт со своими эмоциями..."

"Но то, чем кучка глупцов предпочитает заниматься в свободное время, не имеет ко мне никакого отношения." - продолжила она " У доктора Уэйлса есть контракт на

использование этой комнаты. Это всё, на что у него есть контракт."

"Вы абсолютно правы", - согласился Сэм. "Это не имеет значения, пока то, что происходит, законно. А это законно."

Её кольца звякнули друг о друга, когда она забарабанила длинными ногтями по столу. "К чему вы клоните?" - наконец спросила она.

"Я хочу сказать, что нам нужна услуга от этого отеля, с которой любой разумный человек согласится, что она более чем справедлива.

Вам нисколько не повредит, если вы её окажете, и это будет хорошее обслуживание клиентов."

"При одном условии", - сказала она.

"Каком?"

"Доктор Уэйлс должен повесить табличку на дверях этой комнаты, в которой будет написано, что там происходит. Я не могу вам передать, мистер Мэлаки, как я устала от людей, которые приходят ко мне и спрашивают, когда начнутся танцы, можно ли их сфотографировать, и какие племена у нас там были. А потом они начинают задавать мне вопросы, как будто я была ходячей рекламой Собрания наций!". Она посмотрела на свои руки, на кольца на пальцах, крепко сжатых вместе, и криво улыбнулась. "Ну, может быть, я и могу это понять. Но мне было бы гораздо легче жить, если бы он просто повесил табличку."

"Конечно, мы можем повесить табличку". Сэм откинулся на спинку стула, слегка сбитый с толку. "И это всё? Мы могли бы сделать это давным-давно. Всё, что вам нужно было сделать, это сказать об этом раньше."

"Этого не было в контракте", - отметила она.

"Как и кофе", - ответил он. "Кроме того, вы всегда можете подсказать людям, которые задают вопросы о танцах, как добраться до Межплеменного Культурного Центра. Таким образом, вы сделаете всех своих клиентов счастливыми."

Она усмехнулась.

Он покинул отель, довольный собой. Это был глупый, пустяковый спор, который стал ещё хуже из-за поспешных необоснованных выводов.

Скачок. Сэм усмехнулся про себя. Он был виновен в этом несколько раз. На самом деле, можно даже сказать, что поспешные выводы были тем, чем была его жизнь в эти дни.

Что напомнило ему о выводах из этой ситуации. Смешок резко оборвался. Уэйлсов ожидали такие невероятные страдания, если он не найдет способ изменить ситуацию — но, похоже, он не мог найти ключ.

Эл был убеждён, что дело было в Лизе, и Сэму пришлось неохотно признать, что что-то действительно нужно было сделать. Он просто не был уверен, что именно. Было бы

неплохо, если бы Зигги смог узнать какие-нибудь более конкретные сведения об ограблении и о том, как оно произошло.

"Произошло?". Он слишком много смотрел телевизор. Или слишком долго слушал Эла. Иногда это было одно и то же. Въезжая на подъездную дорожку к дому Уэйлсов, он увидел, как Лиза заворачивает за угол, направляясь на задний двор.

Он посмотрел на часы. Был уже почти полдень.

Он вышел из машины и последовал за ней.

Задний двор густо зарос лилиями и бермудской травой. Один гигантский тополь затенял участок земли, превращая его в пустую бледно-коричневую грязь. Лиза сидела на краю

террасы, рядом с грилем для барбекю, обхватив руками подтянутые колени.

Она искоса взглянула на него, когда он встал рядом с ней. "Это место занято?"

Она молча покачала головой. Он наклонился, чтобы сесть рядом с ней, вырвал прядь бермудской травы и начал отрывать зелёные листочки, один за другим.

"Дела идут неважно, да?" - сказал он, не глядя на неё. На другом конце двора у стены из шлакоблоков начала распускаться розовая вьющаяся роза. Под розовым кустом

бродячая малиновка проводила разведку, выискивая червей в бледно-коричневой почве. "Этому розовому кусту понадобится песок и подкормка", - рассеянно подумал он.

Розы плохо приживались в земле, которая представляла собой практически чистое каличе.

"С делами всё в порядке", - пробормотала Лиза. Пальцы её босых ног, уже загорелые от пребывания на солнце, запутались во вьющихся растениях. Её щека была прижата к

колену. Она свернулась в тугий клубок, и только пальцы её ног никак не страдали от летней жары.

"Знаешь, я тоже иногда ссорился со своими родителями". Да, тоже ссорился, но ничего подобного вчерашней ссоре никогда не было.

Он не мог представить, чтобы его сестра

Кэти кричала на его мать так, как Лиза кричала на свою, или чтобы его отец выгнал его из фермерского дома, где он вырос. Он на мгновение задумался, ссорился ли

Росс Мэлаки когда-нибудь подобным образом со своими родителями.

Божья коровка проползла по большому пальцу ноги Лизы, остановилась, подняла свои чёрные пятнистые крылышки и улетела. Она потёрла место, где только что было

насекомое, пальцами другой ноги. "Щекотно", - объяснила она.

"Да. Послушай, Лиза, твои родители действительно любят тебя. Посмотри, что твоя мама сделала прошлой ночью. И твой папа не мог этого не учитывать — он даже ничего не сказал этим утром."

Она покачала головой, отворачиваясь от него, но не раньше, чем он заметил предательские полоски слёз, скользнувшие мимо её носа.

"Они беспокоятся о тебе. Они не хотят, чтобы ты связалась не с теми людьми, и совершила какую-нибудь ужасную ошибку."

"Я не связываюсь не с теми людьми!" - вызывающе фыркнула она. В её волосах блеснуло солнце, и божья коровка, оставшись

незамеченной, приземлилась ей на голову, как крошечное украшение. Он поднял руку, чтобы смахнуть её, а затем снова опустил, оставив похожее на драгоценный камень насекомое в покое.

"Но у них нет никакого способа узнать это наверняка", - резонно заметил он. "Они смотрят на такого парня, как Стенно, и, конечно, они волнуются. Если ты будешь

уходить с ним и не будешь рассказывать им о том, чем ты занимаешься, то они вообразят всякие ужасные вещи."

"Мне всего пятнадцать. Что такого ужасного я могу натворить?". Ее голос был юным, наполненным жизнью и полным презрения.

"Ох, перестань."

Она подняла голову, заметив внезапное отсутствие сочувствия в его тоне. "Что ты имеешь ввиду?"

"Мне всего пятнадцать. Что такого ужасного я могу натворить?" - передразнил Лизу Сэм. "Тебе лучше знать. Дети твоего возраста могут забеременеть, подсесть на

наркотики, заболеть СПИДом, или попасть в банду. Дети твоего возраста могут сесть за руль в нетрезвом виде и погибнуть."

"Папа не разрешает мне получить права", - обиженно сказала Лиза.

"О Боже, Лиза, ты меня вообще слушаешь? Ювенальная юстиция переполнена детьми даже младше пятнадцати лет. Есть о чём беспокоиться! И твои родители это знают. Они в ответе за тебя. Они любят тебя."

"Да, но если они меня так сильно любят, почему мой отец выставил меня на улицу? Он знал, что я там. Но спокойно выключил свет и лёг спать."

Сэм глубоко вздохнул. "Он не идеален. Он тоже совершает ошибки."

"Так почему же ему можно делать ошибки, а мне нельзя?"

"Он пытается научить тебя, что за ошибки нужно платить. Он сказал тебе что-то сделать, а ты ослушалась. Он сказал тебе, какими будут последствия, и он должен был

довести дело до конца". Сэм давно заметил в этом логическую ошибку, но он только надеялся, что её не заметила девушка.

К сожалению, она была умной девушкой. "Это довольно глупо. Я могла бы уйти. А могла бы остаться с тобой. Чему бы это меня научило?" Теперь она сидела, потирая

колени. На правом колене был старый шрам, бледный на фоне загара. "Итак, папа выгоняет меня, а мама впускает. Подумаешь."

"Ладно, это было глупо. Он должен был сделать что-то другое, что-то, что могло бы помочь. Я думаю, он знал это. Может быть, именно поэтому он ничего не сказал об этом

сегодня утром. Может быть, он боялся начать новую ссору. Знаешь, ты не самый простой человек в мире, с которым можно поладить."

Эти слова заставили её прищуриться сквозь бахрому каштановой чёлки.

"Но это не отменяет того факта, что они твои родители, - продолжал он. "И они по-прежнему имеют право знать о Стенно, о том куда ты с ним ходишь и чем ты

занимаешься."

"Это всё равно что сказать, что у меня нет никаких прав! Я могу ходить куда хочу и иметь своих друзей. Они не могут указывать мне, что делать."

Сэм начинал чувствовать себя сбитым с толку, разочарованным и безмерно сочувствующим Стивену Уэйлсу. Чувство триумфа от его встречи с мисс Клируотер в отеле полностью

исчезло. "Они твои родители, Лиза. Они любят тебя."

"Нет, не любят", - решительно заявила она. "Они просто хотят мной командовать. Я знаю, кто на самом деле заботится обо мне."

"Кто? Стенно?"

Но в его голосе было слишком много сарказма, и она одним гибким движением поднялась на ноги, встав над ним и заслонив солнце.

"Да, Стенно заботится обо мне. Больше, чем они. Он бы не стал запирается от меня посреди ночи". Она хлопнула себя ладонями по шортам и ушла.

И когда она ушла, улетела и божья коровка.

[ГЛАВА 13]

Первый мужчина просунул голову в дверь, оглядел пустую комнату с выражением лица, на котором было написано "я не уверен, что нахожусь там, где должен быть". Не увидев никого вокруг, но заметив знакомый большой барабан на подиуме, он бочком пробрался вдоль стены и неуверенно остановился со спортивной сумкой в руке.

Через пять минут вошли ещё двое мужчин, и первый мужчина, увидев, что дверь открыта, чтобы впустить их, немедленно расстегнул молнию на сумке и сунул внутрь руку, как будто он сам только что пришёл.

К тому времени, когда Сэм прибыл со Стивеном Уэйлсом, вся группа уже была в сборе. В том числе, к удивлению Сэма, и Эл Калавичи, который стоял в центре круга мужчин,

игравших в игру "один на один" по поводу горячих свиданий. Калавичи заметил улыбку в его глазах и помахал ему рукой.

"Да, парень, ты когда-нибудь встречался с рыжеволосой?" - спросил кто-то. "Знаешь, что говорят о рыжеволосых..."

"Моя сестра рыжая", - сказал Сэм с серьёзным лицом.

"Упс," - пробормотал Эл, слегка покраснев около ушей.

Сэм подавил смешок. Он понятия не имел, были ли сёстры Росса рыжими, блондинками, брюнетками или лысыми. Но он, кажется, помнил, что однажды летом Кэти Беккет

экспериментировала с хной. Это было лето вегетарианцев, как он его помнил.

Уэйлс стоял перед трибуной и призывал группу к порядку. Эл держался позади Сэма, а остальные мужчины шли следом.

"Эй, - сказал он, - извини, я не хотел..."

"Всё в порядке, - весело сказал Сэм, - "Ты никогда не умел извиняться. Но однажды ты научишься". Он ушёл, оставив невысокого мужчину смотреть ему вслед в полном замешательстве.

Уэйлс расставил мужчин неровным кругом. Постепенно бормотание стихло, и они стояли, внимательно глядя на него. Эл проскользнул между ними, встав рядом с Сэмом. Стивен Уэйлс стоял чуть выше.

"Мы - мужчины", - провозгласил он.

Мужчины, стоявшие вокруг него, избегали смотреть друг на друга.

"Мы мужчины", - повторил он. "Мы мужчины, которых покинул мир, который мы построили. Мир шутит над нами, мир говорит, что мы ему больше не нужны, мир издаёт законы против нас. Но мы собрались здесь сегодня, чтобы напомнить себе, что мы всё ещё мужчины."

"Бедняга," - подумал Сэм.

"Мы мудры. Мы важны. Мы особенные."

Круг мужчин беспокойно зашевелился.

"Мы особенные", - повторил Уэйлс. "Лайл Уокер, скажи мне, кто ты."

Мужчина, стоявший в трёх шагах справа от Эла, вздрогнул. Но он уже слышал этот вопрос раньше и знал ожидаемый ответ.

"Я мужчина", - сказал он. "Меня зовут Лайл, сын Джона. Я мужчина."

"Расскажи мне, что ты сделал."

"Я ... Я ходил в школу. Я работал на трёх хороших работах. Я отец четверых детей."

"Что ты при этом чувствуешь?"

"Гордость. Счастье". Лайл внезапно улыбнулся, как будто только что понял, что он действительно горд и счастлив.

Уэйлс улыбнулся ему в ответ и продолжил. "Майк Диас, скажи мне, кто ты такой."

"Я мужчина", - сказал грузный латиноамериканец слева от Сэма. Он тоже был знаком с этой литанией. "Меня зовут Майкл, сын Роберта. Я мужчина."

"Расскажи мне, что ты сделал."

"Я построил летний домик своими руками. У меня двое собственных детей и еще четверо усыновленных, и все они учатся в школе."

"Скажи мне, что ты чувствуешь по этому поводу."

"Я хорошо работаю. Мои дети - хорошие дети."

"Как ты себя чувствуешь?" - мягко настаивал Уэйлс.

"Я горжусь..." - но Диас выглядел неуверенно.

"И?" - спросил Уэйлс.

"Иногда мне страшно. В наши дни столько всего может случиться. Я начинаю злиться."

"Хорошо!" одобрил Уэйлс. "У тебя важные чувства! Это очень хорошо!"

"Джесс Пичовски скажи мне, кто ты."

"Я мужчина", - сказал стройный блондин, сидевший по другую сторону круга от Сэма и Эла. Он казался неуверенным. "Эм, меня зовут Джесс, а моего отца зовут Винсент, ах, Пичовски..."

"Ты сын Винсента," - мягко напомнил Стивен Уэйлс.

"Сын Винсента", - поправил себя Джесс, оглядываясь по сторонам, чтобы посмотреть, не смеётся ли кто-нибудь. Никто не смеялся.

"Расскажи мне, что ты сделал."

"Я... я не знаю". У мужчины была светлая кожа, и он стал краснеть.

Из круга донесся приглушённый, тягучий стон.

"Эй, яааа" - сказал Майк Диас.

"Эй, яааа", - ответил Лайл Уокер.

"Эй, яааа", - подхватили другие мужчины.

"Ты - сумма всего, что ты сделал", - сказал Стивен Уэйлс покрасневшей жертве. Пение смягчилось, став контрапунктом к его словам.

"Сколько тебе лет, Джесс?"

"Ах, двадцать семь", - пробормотал он, запинаясь. Мужчины рядом с ним положили руки ему на плечи, и весь круг начал сдержанно и едва уловимо покачиваться, в такт песнопению.

Сэм обнаружил, что раскачивается вместе с ними, почти разделяя их пение; рядом с ним Эл тоже раскачивался. Невозможно было стоять в таком кругу, как этот, и не раскачиваться вместе с ними. Это было странное поддерживающее действие. Джесс, похоже, тоже так думал; по крайней мере, его ответы становились всё более уверенными.

"Ты женат, Джесс?"

Блондин откашлялся. "Нет".

"У тебя есть дети?"

"Нет"

"Разве это необходимо для того, чтобы быть мужчиной?"

"Нет!" - хором сказали в кругу.

"Мужчины думают, что быть мужчиной - это значит заниматься сексом, отличаться от женщин. Это и правда, и неправда. Это часть того, чтобы быть мужчиной, но быть мужчиной - это нечто большее. Быть мужчиной - значит быть сыном, братом, отцом, дядей, другом. Если у мужчины нет семьи, он всё

равно может быть другом. Но все эти вещи касаются того, кем мы являемся по отношению к другим людям, а то, о чем мы здесь говорим, - это то, кем мы являемся по отношению к самим себе."

"Быть мужчиной - это проявлять мужество в трудную минуту. Быть мужчиной - это честность. Быть мужчиной - это доверие. Быть мужчиной - это смотреть в лицо тому, чего мы боимся, тому, что доставляет нам дискомфорт, и в любом случае быть надёжным."

"Быть мужчиной - значит знать свою боль, принимать её как друга, который говорит тебе, что ты жив. Плакать - это правильно, нужно знать, когда плакать. Гордиться тем, что ты сделал - это правильно. Смеяться - это правильно."

"Быть мужчиной - значит признавать свою душу."

Мужчины переглянулись. Теперь им было не так неудобно. Теперь они все были одинаковыми. У них был общий опыт. Если они занимались этим какое-то время, подумал Сэм, у них было много общего опыта, закрытого в этой комнате. Они могли бы не узнать друг друга, если бы встретились в "Сирс Аутомотив", но здесь, в этой комнате, происходило нечто иное. То, что происходило здесь было не ради того, чтобы оплатить счета и отчитаться перед боссом в понедельник утром; речь шла о том, чтобы почувствовать свою значимость, почувствовать себя частью таинственной традиции, длинной череды отцов и сыновей, тянущейся назад в историю и в будущее, занимая важное место.

"Эл Калавичи, скажи мне, кто ты такой."

Сэм бросил быстрый взгляд на Эла, который раскачивался и напевал вместе с остальными. Эл был старше остальных присутствующих мужчин, не сильно намного, но, по крайней мере, на несколько лет. И при всей своей возбудимости и страстности, он был не из тех мужчин, которые легко делятся своими чувствами с незнакомцами.

Но он тоже был захвачен звуком барабанов. "Я мужчина", - пробормотал он. "Меня зовут Эл. Моего отца зовут — вернее звали — Гвидо."

Его пронизательные тёмные глаза распахнулись, чтобы встретиться взглядом с Уэйлсом, как раз в тот момент, когда Уэйлс собирался исправить свою формулировку, как он сделал это для Джесса. Что-то во взгляде Эла заставило его замолчать, и Уэйлс продолжил задавать ритуальные вопросы. Эл пробормотал что-то в ответ, вызвав вялое одобрительное "эй, яааа" от мужчин рядом с ним. Сэм, затаив дыхание, пропустил это мимо ушей. Он не мог представить, чтобы Эл говорил о своих отношениях с отцом, или о том, что он Адмирал, или о том, что он военнопленный. Только не в такой группе, как эта. Реальная жизнь Эла была слишком

суровой для этой группы. Он давным-давно на собственном горьком опыте узнал, что значит быть мужчиной.

К большому облегчению Сэма, вопросы продолжались, не касаясь его. Возможно, доктор Уэйлс не хотел ставить его в неловкое положение из-за отсутствия жизненного опыта, подумал он с мрачной иронией.

Встреча продолжалась в том же духе ещё час, и каждый из остальных участников назвал имя своего отца и то, что он сделал. Когда они закончили, они вытащили стулья с каталок и расставили их по кругу. Уэйлс рассказал им историю о доисторическом мальчике, отправившемся на свою первую охоту, и предположил, что у каждого из них был эквивалент первой охоты. Он попросил добровольцев рассказать свои собственные истории. Только трое смогли это сделать: один мужчина рассказал о том, как он впервые самостоятельно починил свою машину, другой проехал на велосипеде по территории Северо-Запада Канады, а третий записался в армию. Сэм, к этому времени сидевший, скрестив ноги, на полу рядом с Элом, почувствовал, как Эл подавляет смехок. Сэм решил, что ему также приятно, что Эл предпочёл оставить свои собственные истории о своих личных обрядах посвящения при себе. Он слышал их время от времени; они никогда не были полностью одинаковыми от одного рассказа к другому, но в них всегда были определённые общие элементы. В основном, сила духа и доблесть.

Уэйлс подвёл собрание группы встреч к концу, они встали, с разной степенью скованности, и подошли поговорить друг с другом и Уэйлсом, готовые снова одеться для выхода в реальный мир. Сэм решил вернуть трибуну и стулья на прежнее место в знак благодарности мисс Клируотер, независимо от того, узнает она когда-нибудь об этом или нет.

"Эй, малыш."

Сэм удивлённо поднял глаза, переставляя стулья на каталку. Это был Эл, физический Эл, который находился здесь и сейчас, в более мрачном варианте. Сэм чуть было не назвал его по имени, но сдержался. Росс Мэлаки не знал Эла Калавичи по имени, и не обращался бы к нему так, если бы знал. Но он пожал бы протянутую правую руку, как только неизменная сигара была переложена в левую.

Он издал какой-то неопределённый ответный звук, и Эл представился.

"Росс Мэлаки", - ответил Сэм. "Приятно познакомиться".

"Ты работаешь на Уэйлса, да?"

"Это помогает с оплатой обучения и прочим". - ответил Сэм продолжая складывать стулья.

Зажав сигару в зубах и разговаривая с ним с непринуждённостью, выработанной долгой практикой, Эл заметил: "Я думал, все вы, студенты, обходитесь за счёт грантов и стипендий". Он тоже начал складывать стулья и передавать их Сэму, чтобы тот погрузил их в транспорт. Через несколько мгновений они вошли в рабочий ритм.

Сэм рассмеялся, вспомнив свои студенческие годы. "Даже стипендии не всегда бывает достаточно. Просто жить обычной жизнью может стоить дорого".

"Мне можешь не рассказывать", - с чувством согласился Эл. "У тебя есть семья?"

"Нет, только я". Последние несколько стульев были сложены и готовы к отправке. "Эй, спасибо за помощь".

"Без проблем". Эл пристально смотрел на него, словно пытаясь увидеть сквозь него.

Внезапный холодок пробежал по телу Сэма. Если Эл из будущего мог видеть Сэма, независимо от того, чьё тело он временно занимал, почему Эл из этого времени не мог сделать то же самое? Ему было интересно, кого или что видел этот Эл, когда он изучал его. Был ли это молодой, темноволосый, голубоглазый Росс Мэлаки, чьи чернокожие ирландские предки отметили его как своего, чтобы любой, у кого есть глаза, мог это увидеть? Или это был Сэм Беккет, более высокий, более взрослый, с каштановыми волосами и глазами, идентичный человеку, с которым этот Эл Калавичи работал меньше года назад над Проектом "Звёздный Свет"? Или он видел обоих сразу?

Сколько узнавания было в глазах Эла?

"Что-то не так?"

"А? О, нет, просто ты действительно мне кого-то напоминаешь, и я не могу понять, кого. Что-то в том, как ты говоришь, или двигаешься, или что-то в этом роде. С тобой когда-нибудь такое случалось? Когда кто-то напоминает тебе кого-то другого?"

"Нет, не совсем". Сэм придвинул каталку со стульями к стене. Он огляделся и увидел, что Уэйлс увлечен дискуссией с тремя другими членами группы.

"Ты просто недостаточно долго прожил, малыш. Рано или поздно каждый начинает напоминать тебе кого-то другого."

Сэм спрятал кривую улыбку.

Эл к этому времени отвернулся. "Интересно, какого чёрта эти парни думают, что они от всего этого выиграют", - пробормотал он, в основном самому себе, но достаточно громко, чтобы Сэм услышал. У Сэма возникло ощущение, что он должен был это услышать.

"Я думаю, каждый приходит сюда по своим причинам". Он мужественно пытался удержаться от продолжения, но у него ничего не вышло. "Зачем сюда приходишь ты?"

"Потому что мой адвокат по бракоразводным процессам и мой посредник говорят, что я должен это делать," - прорычал Эл.

"Почему?"

"Потому что иначе моя жена спустит с меня шкуру живьём."

"Что, опять?" - чуть было не вырвалось у Сэма. Он не должен был знать, что этот человек был женат раньше. Ему также не следовало поддерживать этот разговор, но он также не хотел уходить и оставлять Эла стоять там в одиночестве.

"Почему?" - повторил он.

"Они думают, что я могу чему-то научиться у этого парня Уэйлса. Мой посредник по бракоразводным процессам прочитал какую-то статью, которую написал Уэйлс, и сказал, что я должен прийти сюда. Я совершил ошибку, сказав, что думаю, что всё это чушь собачья, и, конечно, моя жена была только за это."

"Значит, ты не считаешь, что тебе это что-то даст?"

"Конечно, нет". Сигара снова была в руке Эла, описывая в воздухе кривые и касательные. "Все эти штучки о том, как "быть мужчиной" - я знал, как быть мужчиной, когда мне было всего..."

"Я не думаю, что доктор Уэйлс имеет именно это ввиду", - перебил Сэм. Некоторые вещи в Эле никогда не изменятся, и его односторонний склад ума был одной из них.

Эл бросил на него пристальный взгляд. "Боже, ты мне кого-то напоминаешь. Я просто не могу понять, кого именно...В любом случае, всё это чушь собачья."

"Я так не думаю. Я думаю, он говорит о признании того, чего ты достиг. Учит отдавать себе должное. Многие люди так и не научились это делать". Он пожал

плечами. "Хорошее отношение к себе означает, что тебе нужно иметь то, что ты сделал, чтобы чувствовать себя хорошо. Многие из этих парней не осознают, как много они сделали в своей жизни".

"Это не моя проблема", - проворчал Эл. "Я знаю всё о своей жизни, спасибо."

"Тебе повезло больше, чем многим." "Больше, чем мне, это точно", - мысленно добавил Сэм. "Кто твой посредник при разводе?" - небрежно продолжил он.

"О, ты её не знаешь. Она в Вашингтоне, округ Колумбия, там же, где и моя жена."

"Тогда почему ты в Альбукерке?" - изобразил недоумение Сэм.

"Дела с лабораториями". Эл, похоже, не был расположен вдаваться в подробности. Сэм, который имел представление о том, какого рода делами занимается национальная лаборатория, базирующаяся в центре Нью-Мехико, не стал его расспрашивать. Большая часть бюджета Сандийских Лабораторий была направлена на разработку оружия для Министерства энергетики, а Эл был военным. Сделать выводы было несложно.

"В общем, моя жена сказала ей, что я приеду сюда, и они вдвоем придумали, что я должен посетить это мероприятие Уэйлса, пока я

буду здесь. Сделали это частью пакета посреднических услуг."

"Значит, твоя жена проводит сессию женской группы встреч в Вашингтоне?"

"О, конечно. Каждый день. Она называет это "ланч"."

Сэм ничего не мог с собой поделать и рассмеялся. Через мгновение Эл засмеялся вместе с ним. Сэм отошёл, чтобы положить барабан в грузовик, а Эл пошёл своей дорогой.

[ГЛАВА 14]

Сэм только что закончил запереть заднюю часть "Блейзера" и разворачивался обратно к тротуару, когда Стенно нанёс ему сильный удар под рёбра, от которого он согнулся

пополам. Только бампер автомобиля удержал его от того, чтобы соскользнуть на асфальт в грязную лужу от изумления.

"Лиза говорит, что ты к ней пристаёшь, - сказал Стенно. Его голос был непринуждённым, как будто он отмечал удивительно жаркую погоду.

Сэм был слишком занят, подавляя тошноту, чтобы обратить внимание на это замечание.

"Держись от неё подальше, или тебе станет ещё хуже. Ты понял?". Теперь в голосе Стенно звучала явная угроза, а также нотка предвкушаемого удовольствия.

Сэм мог видеть, как кончик ботинка отклоняется назад, за пределы его поля зрения, предположительно, чтобы вернуться с гораздо большей скоростью. Он покачал головой, положил одну руку на бампер и попытался подняться на ноги.

"Эй, в чём проблема?". Он узнал голос Эла, но казалось, что он звучал в стереозвуке, сзади и спереди него одновременно.

Выпрямившись, он огляделся.

Да. Перед ним был Эл, столкнувшийся нос к носу со Стенно, как терьер с немецкой овчаркой. Парень смотрел на старшего мужчину сверху вниз со смесью презрения и недоверия. Они стояли так близко друг к другу, что чувствовали запах пота друг друга.

И там же был Эл, который стоял слева от него, с таким же сосредоточенным выражением лица. Сэм осторожно выпрямился, переводя взгляд с одного Эла на

другого. Голограммный Эл был на десять лет старше, немного поседел, а его одежда была намного более яркой; на нём была красная рубашка с длинными рукавами и

расстёгнутый чёрно-красно-золотой жилет. Его брюки подходили к рубашке. Он хмурился, жестикулировал сигарой, сжимая кулаки

так, словно был готов ударить Стенно, если парень сделает ещё одно движение.

В то время как "настоящий" Эл, невзрачный по сравнению с самим собой из будущего, в тёмно-синей хлопчатобумажной рубашке поло с короткими рукавами и брюках цвета хаки, таких же, как те, что он носил накануне, просто стоял на месте, балансируя на носках. Его руки были свободно свисающими, а не сжатыми в кулаки и это почему-то выглядело более угрожающе. Какой-то фрагмент памяти всплыл перед Сэмом: сэнсэй, демонстрирующий позу готовности, способность двигаться в любом направлении, встретить любую угрозу, не представляя никакой собственной угрозы. У Эла это было. Но, насколько он знал, Эл никогда не занимался боевыми искусствами...

У Стенно не было такого мгновенного воспоминания, на которое можно было бы сослаться, но он знал, что находился слишком близко к своему противнику, чтобы эффективно использовать свои более длинные руки и больший рост. Он отступил назад. Оба Эла последовали за ним. Стенно снова отступил назад и чуть не потерял равновесие, ударившись о бетонный бампер парковки. "Настоящий" Эл вытянул одну руку, поймал размахивающую руку, прежде чем парень упал навзничь, и снова поднял его. Как только он это сделал, то немедленно отступил.

"С такими вещами нужно быть осторожным", - сказал он.

Стенно открыл рот и снова закрыл. Сэм, теперь уже поднявшийся на ноги и уныло потирающий живот, мог сказать, что ему хотелось продолжить с того места, на котором он остановился. Но было трудно поддерживать угрозу, когда ты выглядишь глупо. Он всё равно бросил предупреждающий взгляд на Сэма, когда повернулся, чтобы уйти.

"Ты в порядке?" - спросил Эл.

"Да, конечно, я в порядке". Он видел голограмму Эла, имитирующую его ответ, с выражением "о, конечно, он в порядке" на лице. "Я в порядке, правда", - повторил он.

Настоящий Эл выглядел таким же скептическим, как и голографический. "Ну, если ты так говоришь... Но я бы на твоём месте приглядывал за этим парнем. Похоже, у него личные проблемы."

"И не только", - согласился Сэм.

"Ты уверен, что с тобой всё в порядке?"

"О да. Конечно, я уверен. Правда!" - огрызнулся он, когда голографический Эл усмехнулся. "Но спасибо за помощь", - запоздало добавил он реальному Элу. "Он в некотором роде застал меня врасплох."

"Да уж, это точно. Будь осторожен."

"Да, он может вернуться за добавкой", - добавил голографический Эл, и тут же поморщился, как будто сказал больше, чем хотел сказать.

"Я могу о себе позаботиться", - сказал Сэм.

Настоящий Эл поднял руки, сдаваясь. "Ладно, ладно. Это просто мудрый совет, вот и всё. Ненавижу видеть, как вы, дети, ссоритесь". Он сел в белый седан через несколько машин от грузовика и тронулся с места, помахав рукой с сигарой, проезжая мимо, но не оглядываясь.

"Спасибо", - добавил Сэм оставшемуся Элу. "Правда, спасибо".

"Не за что", - ответил Эл, глядя себе вслед. "Боже, как же это странно."

"Можешь повторить это ещё раз". Пара посетителей отеля пристально смотрели на Сэма, пока он разговаривал, по-видимому, сам с собой, а он достал свои ключи и сел в грузовик.

"Как дела у доктора?" - спросил Эл, перебираясь на заднее сиденье, где ему не пришлось бы пытаться повторить условия сидения в грузовике ради визуального равновесия Сэма.

"Он ужинает здесь с парой парней из группы". - сказал Сэм. - "Я должен заехать за ним позже, если он первый не позвонит и не скажет, что его нужно отвезти домой."

"Хммм..." - Эл добавил данные в ручной пульт и изучил мигающие огоньки.

"Что ты имел в виду, когда говорил?" - спросил Сэм, вливаясь в поток машин.

"Что говорил?" - у Эла было подозрительно невинное выражение лица.

"Когда ты сказал, что он может вернуться. Ты был там. Он вернулся? Я имею в виду, Стенно?"

"Эй, не смотри на меня так, для меня это было десять лет назад!". Когда Сэм ничего не сказал, Эл тяжело вздохнул. ""Послушай, Сэм, я не знаю. Зигги не знает. Всё

пошло наперекосяк. Чёрт, ты мог бы превратить этого парня в крендель, если бы захотел. Я был тебе там не нужен. Но откуда мне было знать десять лет назад, что парень,

которого я спас от того, чтобы его не затоптали на парковке, на самом деле был моим лучшим другом, который в то же самое время находился в паре сотен миль отсюда, создавая Проект, в котором я не принимал никакого участия?"

"Я не знаю насчёт кренделя", - сказал Сэм. "Я точно не видел, как он подошёл, и он бьет довольно сильно для пацана". Его рука рефлекторно скользнула по животу. "Ты хочешь сказать, что не помнишь?"

"Я не знаю, было ли то, что я помню, тем, что произошло на самом деле" - против воли вырвалось у Эла.

"Я думал, что ты всё помнишь. Я думал, у Зигги всё хранится в памяти."

Эл покачал головой. "Не в этот раз, Сэм. Ты слишком близок к самому себе."

"Это не имеет смысла", - возразил Сэм. "Вся теория гласит, что я могу вернуться назад только в пределах своей собственной жизни."

Почему 1990 год должен быть хуже, чем 1957 или 1973? Тогда я тоже был жив."

"Но в 1957 и в 1973 годах ты не был в процессе создания Зигги."

"А что, если я прыгну, скажем, в 1998 год?"

Эл задумался. "Ты начал прыгать в 1991 году...Так что у тебя был бы двойной скачок. Не было бы...Нет, это неправильно...". Он

поднял возмущённый взгляд. "Эй, это ты

должен быть гением, а не я. Мне кажется, что если бы ты прыгнул в кого—то в 1998 году, когда ты в то же время прыгал в кого—то другого, твоя душа, или что бы это ни

было, оказалась бы в двух местах одновременно."

"Ну, а разве сейчас не так?" - Сэм не смотрел на Эла, когда задавал вопрос.

"Нет, конечно, нет — что это, я пытаюсь объяснить тебе твою собственную теорию?"

"Кто-то же должен это сделать." - в голосе Сэма слышалась сдерживаемая горечь.

Эл предпочёл это проигнорировать. "Когда ты прыгаешь сейчас, это тот же самый ты, понимаешь? Один кусок верёвки. "Ты",

который роет туннели для Проекта, - это ты,

ясно? Он - это ты до того, как ты начал прыгать. Это всё равно что сворачивать этот кусок верёвки взад-вперёд туда-сюда."

"Но если ты прыгнешь во время после того, как ты начал прыгать, то ты можешь оказаться в двух местах одновременно. И это всё испортит."

Сэм покачал головой, проскочил на жёлтый свет, увернувшись от велосипедиста посреди улицы. "Я не знаю. Звучит как-то неправильно."

"Ну, единственный способ, которым ты сможешь разобраться в этом, - это если к тебе вернётся память, а я не могу тебе в этом помочь."

"Из-за тех правил, которые, как ты говоришь, придумал я."

"Да."

"А что, если я их просто не буду соблюдать?"

Эл выглядел обеспокоенным. "Мы можем не говорить об этом?"

Сэм ударился головой о руль.

"Я узнал о Россе Мэлаки," - поспешно сказал Эл.

"Да, и что же?"

"Он работает научным сотрудником в компании по производству мультимедийных энциклопедий. Женат, двое детей."

"И что?"

"А то, что в его жизни нечего менять. У Росса Мэлаки совершенно обычная скучная жизнь, и никогда не было никаких признаков

того, что он когда-либо был создан для чего-то захватывающего. Зигги говорит, что ты переместился в него, потому что он самый обычный парень. Он - единственная стабильная вещь во всей этой истории. Он не тот, кого должны убить. В оригинальной истории его даже не было рядом, когда произошло ограбление."

"И когда произошло ограбление?" - процедил Сэм сквозь стиснутые зубы, въезжая на подъездную дорожку к дому Уэйлсов.

"В воскресенье - завтра вечером - в торговом центре. В галантерейном магазине."

"У Зигги есть какие-нибудь предложения о том, как я должен это остановить?"

Эл покачал головой.

[ГЛАВА 15]

Лиза стояла перед оружейным шкафом, возясь с замком и хмурясь. Стенно был нужен один из пистолетов её отца. Он не сказал зачем. Она хотела спросить, но он смерил её взглядом, запустил руку в её волосы и откинул её голову назад, не дёргая за волосы, нет, он никогда не дергал за волосы, но потянул достаточно сильно, чтобы она всё поняла.

Он велел ей открыть шкаф, но так и не сказал, что делать, если шкаф будет заперт.

Она не думала, что он примет это оправдание.

Ему нужен был пистолет сегодня вечером.

Пистолет в субботу вечером?

Она потрогала маленький висячий замок, висевший на засове шкафа, и сосредоточилась на замке, думая только о нём. Она уже пыталась повернуть его, но он не сломался. Где-то должен был быть ключ, маленький ключик. Её отец, вероятно, всё время носил его с собой.

Но если бы он этого не делал, то где бы он находился тогда?

Оглядев комнату, она остановилась при виде письменного стола из орехового дерева. Если ключ от шкафа где-то и был, то в письменном столе, где он проводил всё своё время за письмами и прочим. Она оставила замок и подошла посмотреть.

Ящики письменного стола иногда заедали, и ей приходилось залезать под них, чтобы открыть замок. Когда она снова вылезала, то чуть не ударила носом о ноги Росса Мэлаки, обтянутые голубыми джинсами.

"Что-то потеряла?" - вежливо спросил он.

"Не твоё дело", - сказала она, поднимаясь на ноги без какой-либо помощи с его стороны. "Что ты вообще здесь делаешь? Мой папа разозлится, если увидит, что ты заглядываешь в его бумаги". Прислонившись спиной к столу, она потянулась кончиками пальцев за спину и потянула за ящик посередине. Он легко выдвинулся. Она не думала, что Росс заметил это так как он смотрел на другую сторону стола. Она рискнула бросить быстрый взгляд через плечо: ничего хорошего не выйдет если в комнату войдет её мать. Но там никого не было. Они были одни.

"Забавный у вас стол", - заметил он, преграждая ей путь, чтобы она не смогла пройти мимо него. "У него есть один из тех длинных стержней, которые проходят через заднюю стенку ящиков."

"Ну и что?". Пока средний ящик был приоткрыт, защёлка не могла защёлкнуться снова. Она могла вернуться позже и поискать ключ от шкафа.

"Иногда рычаг, удерживающий стержень, застревает и запирает все ящики, и из-за этого приходится залезать под стол и отпустить рычаг, чтобы можно было его открыть."

"Не мог бы ты отойти?"

Но прямой подход не сработал. Он всё ещё смотрел на неё сверху вниз. У Росса были самые голубые глаза, которые она когда-либо видела, и она была втайне влюблена в него долгое время, вплоть до того, как встретила Стенно. Он был высоким — ну, во всяком случае, он был выше её — и долговязым, и у него были эти великолепные мягкие вьющиеся чёрные волосы. Раньше она мечтала, что он встанет вот так близко к ней, заглянет ей в глаза и скажет что-нибудь по-настоящему романтическое.

А не это: "Что ты пытаешься достать из стола своего отца, Лиза?"

"Ничего!"

Росс снова посмотрел вверх, мимо неё. Это было жутко, он как будто прислушивался к чему-то или к кому-то, кого она не могла видеть. Он резко покачал головой, начал

что-то говорить, но посмотрел на неё и передумал. Это было жутко. "Не лги мне", - сказал он.

"Если ты не сдвинешься с места, то я закричу" - сказала она с внезапным вдохновением.

На лице Росса промелькнуло выражение неподдельного отвращения. Он собирался что-то сказать, когда их прервал короткий, резкий вскрик. Росс обернулся, пытаясь определить, откуда донёсся звук. "Эл?" - спросил он.

"Эл? Кто такой Эл?"

Но Росс выбежал из комнаты, когда раздался ещё один всхлипывающий крик, на этот раз явно из кухни.

Лиза колебалась всего мгновение. Затем она повернулась и выдвинула ящик. В углу был спрятан крошечный ключ. Схватив его, она

сунула его в карман, прежде чем последовать за Россом, чтобы выяснить, что произошло.

Она вбежала на кухню и обнаружила свою мать, скорчившуюся на полу, а Росс склонился над ней. Похоже, он пытался пощупать её пульс, или пытался помочь ей подняться, или что-то в этом роде. Она не могла сказать.

Она не могла даже пошевелиться. Вид её матери, сжимающейся в комок всё туже и туже, как будто кто-то ударил её ножом в живот, и издающей звуки, как пострадавший котёнок, парализовал её. Юбка её матери задралась вдоль бедра, и Лиза, не видя, что происходит, увидела, как Росс разгладил её до приличной длины, а затем был вынужден сделать это снова, поскольку Дженнивер извивалась под его руками.

Она сбросила одну туфлю, и она отлетела в ножку кухонного стола. Шнурки на ней всё ещё были завязаны, это были простые тёмно-серые мокасины. Одна из тех пар, которую она всегда считала "практичной обувью" своей матери. Шнурки на другой туфле, как ни странно, развязались и хлестали по полу там, когда она поднимала и опускала ноги. В воздухе стоял ужасный запах.

Росс поднял голову, что-то крикнул ей, и она отступила назад, подальше от отчаяния в его глазах. Он закричал снова, и наконец, до неё дошёл смысл его слов. "Вызови скорую! Позови на помощь!"

Помощь. Да. Это разрушило её паралич, и позволило ей повернуться спиной к ним двоим, чтобы не видеть их. Однако она не могла заглушить звук и, прижав одну руку к свободному уху, набрала 911 и попыталась сообщить об этом. Хныканье становилось всё тише и тише, и если бы не ровное, успокаивающее бормотание Росса, которое никогда не прекращалось, и не умолкало ни на мгновение, она бы обернулась, чтобы посмотреть, не умирает ли её мать.

Но Росс продолжал говорить, успокаивая и её, и её мать, и ей не нужно было оборачиваться. Она держала телефон у уха даже после того, как линия отключилась, чтобы ей не пришлось оборачиваться и смотреть. Её сильно вспотевшие пальцы скользили по пластику.

В конце концов ей пришлось повесить трубку, когда сигнал разъединения начал отдаваться у неё в ухе. К тому времени её мать почти затихла, если не считать её хриплого дыхания, и Лиза рискнула снова повернуться.

"Принеси мне мокрое полотенце для рук", - сказал Росс. Лизе потребовалось мгновение, чтобы осознать, что, хотя слова были произнесены всё тем же ровным, тихим голосом, теперь он обращался к ней, а не к её матери. "Намочи его в холодной воде, самой холодной, какую сможешь достать, и отожми. Давай, Лиза,

шевелься. Сейчас же!"

Рука её матери цеплялась за его руку, оставляя белые вмятины, которые должны были причинять боль, но он не пытался высвободиться. Он остался там, где был, опустившись на колени рядом с ней, держа её за руку, и обхватив её так, что она больше не лежала на полу, а лежала у него на коленях. Её глаза были плотно закрыты, а губы приоткрыты, когда она тяжело дышала.

"Лиза!" - позвал Росс. И снова его голос вывел её из оцепенения, и она побежала к шкафу с бельём.

К тому времени, когда она включила воду, намочила и отжала полотенце и вернула его ему, она услышала приближающийся вой сирен. Росс прижимал полотенце к лицу матери, поглаживая её по лбу и щекам и прижимая к глазам, когда в дверь позвонили парамедики. Затем не было ничего, кроме неразберихи, суеты с каталкой и толпящимися на кухне людьми. Наконец Россу пришлось помочь им поднять её мать, взяв на себя большую часть её веса, и опустить её на койку. Дженнивер снова закричала, когда её переносили, и Росс был рядом, чтобы поговорить с ней и поддержать её за руку. Лиза никогда бы не подумала, что у Росса, каким бы жилистым и крепким он ни был, хватило бы сил удерживать её мать неподвижно до тех пор, пока она не легла прямо и ремни не пристегнули её, надёжно удерживая её на месте.

В самый разгар событий зазвонил телефон, она пошла отвечать и когда каталку уже погрузили в машину скорой помощи, она выбежала во двор.

"Росс! Это папа! Он хочет, чтобы ты заехал за ним в отель!"

Росс повернулся, чтобы что-то сказать, и Дженнивер снова потянулась к нему. Росс высвободил свою руку и снова опустил её, поговорил с ней и подошёл к Лизе. Лиза видела, как её мать смотрела вслед Россу с выражением растерянности и ужаса в глазах. Красные и синие огни отбрасывали цветные полосы на её бледное лицо. Соседи собрались на тротуаре и болтали друг с другом, не делая ни малейшего движения, чтобы подойти ближе и выяснить, что происходит. "Твой папа всё ещё на линии?" - спросил он, положив руки ей на плечи. Она кивнула, благодарная за поддержку. "Ты хочешь поехать в больницу?"

Она снова кивнула. "Что с ней?". Её голос удивил её. Она думала, что он будет сильнее.

"Они ещё не знают", - сказал он. Однако он не сказал, что он этого не знает, и выглядел так, будто заплакал бы, если бы мужчины делали такие вещи. Он сглотнул. "Они должны провести кучу тестов."

"С ней все будет в порядке?" - она чуть не вскрикнула, почувствовав, как рефлекторно сжались его руки.

"Они ещё не знают", - повторил он. "Я должен поговорить с твоим отцом". Затем он ушел обратно в дом, а она осталась стоять в

косой тени тополиного дерева, держась одной рукой за его кору, чтобы вернуться к реальности, наблюдая, как закрываются двери машины скорой помощи, как водители садятся внутрь и отъезжают от тротуара, как машина едет по улице и поворачивает за угол, и исчезает из виду, мигая огнями. Соседи к ней не подходили. Они с беспокойством смотрели на неё, потом на опустевшую улицу, и один за другим уходили, возвращаясь в свои дома и машины, пока она не осталась одна в косых лучах заходящего солнца. Кора дерева крошилась под её пальцами, и она удивлялась, почему ей больше не хочется плакать. Ей больше вообще ничего не хотелось. Она не могла избавиться от ощущения, что кто-то всё ещё сочувственно наблюдает за ней, и она огляделась, но там никого не было. Вздрыгнув, она засунула кулаки в карманы и вернулась в дом, нащупывая крошечный ключик от отцовского стола.

"Я не понимаю, почему ты не могла сказать мне", - сказал её отец недовольным тоном. "Я не должен был узнавать об этом от Росса. Разве ты не могла сказать мне, что твоя мать больна?"

Лиза смотрела в окно и ничего не говорила. Росс, потягивавший кофе из бумажного стаканчика в другом конце комнаты, казалось, не обращал на это никакого внимания; его голова была наклонена так, как будто он слушал кого-то другого.

Росс в эти дни вёл себя ужасно странно. Но, наверное, это было к лучшему, потому что прежний Росс не стал бы так вести себя с её мамой.

"Чёрт возьми, послушай меня!"

На этот раз вспышка раздражения её отца привлекла внимание Росса так же, как и её собственное. Росс подошёл и встал рядом с ней.

"Доктор Уэйлс..."

"Заткнись, Росс. Я разговариваю со своей дочерью."

Лиза пожала плечами и отвела взгляд.

"Я задал тебе вопрос!"

"Не знаю", - сказала она.

Они втроём были одни в комнате ожидания, маленькой нише в конце коридора. Из больших окон открывался вид на город, и огни казались россыпью драгоценных камней на фоне темноты. Автострада север-юг представляла собой реку света, субботним вечером движение в центр города и Санта-Фе становилось всё более интенсивным с приближением позднего часа. Оранжевая полоса шириной в четыре фута образовала горизонтальную полосу вокруг стен комнаты, отделяя шиферно-синий цвет снизу от приглушённого жёлтого сверху. Потолок был выложен простой белой акустической плиткой, линолеум на полу был цвета морской волны. Диваны были в оранжевых, ржавых, коричневых и кремовых тонах. Кофеварка была старой и помятой. На маленьком столике лежал наполовину собранный пазл. Комната выглядела так, словно у больницы на полпути закончились деньги на декоратора.

"Ты не обращаешь на меня внимания, да?" - спросил Стивен Уэйлс.

Лиза уставилась в пол.

"Я не должен был узнавать о болезни твоей матери от постороннего человека!" Теперь он кричал, и Лиза искоса взглянула на Росса, надеясь, что он что-нибудь скажет. Но то, что его называли посторонним человеком, заставило его замолчать, по крайней мере, на данный момент. Он пристально смотрел на её отца, но не произносил ни слова.

"Ты мог бы увидеть, что она больна, если бы хоть раз обратил на это внимание", - сказала она наконец.

Уэйлс поднял руку. Росс наконец пошевелился, немного, но каким-то образом его плечо оказалось между рукой её отца и ею самой. Её отец посмотрел на него и его лицо покраснело от гнева. "Уйди с дороги."

"Успокойся." - голос Росса звучал старше. В его голосе было больше властности, чем у её отца, каким бы злым он ни был.

"Не указывай мне, как обращаться с моей дочерью". Он протянул руку, чтобы оттолкнуть Росса в сторону. Росс не пошевелился.

"Так ни с кем нельзя обращаться. Успокойся," - повторил Росс.

"Это семейное дело. Тебя это не касается". Но он опустил руку, и Росс отступил. Не сильно, но чуть-чуть. "Я обращал внимание, юная леди. Она никогда не говорила мне о том, что больна. Ты хочешь сказать, что она рассказала об этом тебе?"

"Ей и не нужно было этого делать. Я могла это понять, просто взглянув на неё. А ты даже не смотрел на неё."

"Что..."

Но Лиза устала молчать. "Ты поужинал, встал, пошёл в свой кабинет, закрыл дверь и даже не взглянул на неё. Ты ходил на все собрания своей группы и никогда не спрашивал, как она себя чувствует. Она чувствовала себя плохо уже много недель, а ты даже не замечал!"

"Лиза!"

Она увернулась от медсестры, которая свирепо посмотрела на её отца и зашикала на него, и выбежала в коридор, направляясь к сестринскому посту. Она прошла только половину пути, прежде чем Росс догнал её.

"Лиза, подожди..."

"Зачем? Чтобы он мог кричать на меня? Он может стоять там с таким самодовольным видом, что она никогда ничего не говорила, и поэтому он ни в чём не виноват!"

"Лиза, никто не виноват в том, что твоя мама больна. Ни он, ни ты тут не при чём. Это просто случилось. Но ты нужна сейчас своему отцу..."

"Да, конечно", - фыркнула она. "Вот почему он кричит на меня. Я ему не нужна. Ему никто не нужен."

Им пришлось понизить голос, когда один из пациентов встал с кровати и с силой закрыл за собой дверь.

"Ты действительно нужна ему", - настаивал Росс. "Он напуган. Он не знает, как это сказать. Послушай, твоя мать там со всеми этими врачами, а у него ещё даже не было возможности её увидеть. По крайней мере, ты смогла увидеть её. Дай ему передышку, ладно?"

"С чего бы это? Он никогда мне её не даёт."

"Ты ведёшь себя чертовски по-детски," - огрызнулся он.

"Может быть, потому, что я и есть ребёнок!" - огрызнулась она в ответ.

Он воздержался от ответа и глубоко вздохнул. "Ладно. Я заслужил это". Он посмотрел на коридор, ведущий в комнату ожидания. Её отца не было видно. "Послушай, я собираюсь поговорить с врачом. Они всё равно не пустят тебя к ней, если она попадет в отделение интенсивной терапии, тебе ещё нет шестнадцати..."

"Будет в следующем месяце!" - запротестовала она.

"Я знаю..."

"Мы могли бы просто сказать им об этом!"

Он сделал ещё один глубокий вдох, его взгляд скользнул в сторону, и с минуту он молчал. "Я не могу лгать", - сказал он, как будто обращаясь к кому-то другому.

"Это не ложь. Мне практически шестнадцать, и в любом случае это дурацкое правило."

Он выглядел раздражённым, но не на неё. Он покачал головой. "Я знаю, что это произвольно..."

"Что ты сказал?"

Он моргнул и посмотрел на неё. "Произвольно. То есть, определяется прихотью или капризом. Основываясь на индивидуальном суждении или осмотристельности."

"А? Ты говоришь как какой-то словарь. Что это значит?"

"Это значит," - сказал он, бросив на неё убийственный взгляд через плечо, - "Что они просто решили, что шестнадцать лет - подходящий возраст без всякой на"

то причины."

"Ну что ж," - сказала она, - "Разве мы не можем просто решить, что пятнадцать лет - тоже хороший возраст?"

"Это их больница," - слабо проговорил он.

"Это моя мать."

Его лицо исказилось, как будто она или кто-то другой сказал "Попался".

"Послушай, я посмотрю, что я могу сделать. Я узнаю, как она, поговорю с врачом. Но я ничего не могу обещать."

"Я не хочу ждать."

"Часть взросления - это научиться ждать", - сказал он. Затем, без всякой видимой причины, он добавил: "Да, вот почему ты так и не повзрослела."

"Что?" - спросила она. Но к тому времени она уже разговаривала с его спиной, потому что он направлялся к сестринскому посту. Она сделала глубокий вдох и неосознанно задержала дыхание, но каким-то образом, глядя ему в спину, она внезапно почувствовала утешение, как будто кто-то, кого на самом деле там не было, обнял её.

[ГЛАВА 16]

Эл без особой причины просматривал часть загрузок за 1968 год. Бегущий текст в верхней части экрана дополнил изображение на микроэкрane телевизионного новостного ролика: Роберт Кеннеди в отеле "Амбассадор", расчёсывает волосы, поднимает руку в знак победы, провозглашая: "Вперёд, в Чикаго!"

"Замри", - скомандовал Эл. Зигги послушно остановил изображение знаменитой улыбки. Эл продолжал смотреть на неё. Он был там, в этой аудитории. Он видел эту улыбку. Здесь, более тридцати лет спустя, он мог заморозить этот момент, и мог помешать кандидату покинуть сцену и пройти по коридору, который вёл на кухню отеля, под пули наёмного убийцы.

"Подведи итоги голосования на праймериз в Калифорнии."

Стоп-кадр сменился изображением. Эл покачал головой, покручивая незажжённую сигару.

"Подведи итоги общенациональных выборов."

"Зачем?" - спросил Зигги, когда график исчез и сформировался заново, отражая результаты ноября 1968 года. "Вы проявляете смещающую активность, Адмирал Калавичи."

"Что ты имеешь в виду, говоря о "смещающей активности"? Так случилось, что меня интересует этот период."

"Но общенациональные выборы 1968 года не связаны с нынешним скачком доктора Беккета. Вы должны были исследовать семью Уэйлс."

"Хорошо, у тебя есть ещё какая-нибудь информация о текущем скачке доктора Беккета?" - бросил вызов Эл.

"Нет", - признал компьютер, просканировав свои базы данных.

"Мне нравится этот угрюмый тон голоса. Это была идея Сэма или Тины?". Когда компьютер не ответил, он продолжил: "Держу пари, это идея Тины. Сэм не умеет дуться. В подобных случаях, он выходит и что-то делает."

"Как и вы, летом 1968 года, перед тем, как отправиться во Вьетнам. На этом моя информационная дуга завершена. Теперь я понимаю. Вы пытаетесь воссоздать чувство

выполненного долга, которого вам не хватало десять лет назад, в тот момент, который сейчас переживает доктор Беккет."

"Мы что теперь будем называть тебя "доктор Зигги"?" - прорычал Эл. "Тебя запрограммировали на получение степени по психологии, пока меня не было?". Он спустил ноги со стола. "Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что мне не хватало чувства выполненного долга? Я многого добился. Чертовски много."

"Вы многого добились к тому времени, когда вышли в отставку в 1990 году", - согласился компьютер. "Но в тот конкретный момент вы были на пороге, подобно точкам принятия решений, к которым подошёл доктор Беккет, прыгнув в прошлое."

"Но мы не хотим, чтобы он что-то менял ради меня!" - запротестовал Эл. "Я хочу в конечном итоге остаться там, где я есть сейчас. Я не хочу, чтобы он что-то менял."

"Возможно, для того, чтобы вы оказались именно там, где вы есть сейчас, доктор Беккет должен изменить то, где вы были тогда." Эл нахмурил брови, размышляя об этом. "Это означало бы, что прошлое, в котором доктор Бек... в котором Сэм находится сейчас", - сигара ткнула в воздух, - "Это другое прошлое, чем настоящее," - сигара переместилась на фут вправо и снова прочертила воздух, "В котором мы находимся. Сейчас."

"Это верно", - признал Зигги.

"Тогда где же наше прошлое?". Сигара описала кривую в виде вопросительного знака.

"Если наши предположения верны, доктор Беккет ещё не создал его."

"Это глупо. Это всё равно что строить верхний этаж здания, прежде чем заложить фундамент."

"Это тоже верно."

"Так почему же мы до сих пор не упали?"

Если бы компьютер мог пожимать плечами, Зигги бы так и сделал. "Возможно, по той же причине, по которой доктор Беккет вообще начал прыгать, Адмирал. Мы предположили, что прыжок доктора Беккета, в ходе которого он изменяет прошлое, необходим для того, чтобы создать будущее - его будущее, - которое позволяет существовать нашему

настоящему."

"О-о-о, да ладно". Эл уже разговаривал об этом с компьютером раньше, и это неизбежно вызывало у него головную боль. "Послушай, мы уже говорили, что это не имеет значения, ясно? Сэм прыгает. Неважно почему, но он прыгает. Когда-нибудь он вернётся туда, где ему самое место, и останется там навсегда, и со всей этой неразберихой будет покончено. Так что давай не будем говорить о том, что он изменил меня, хорошо? Я всё тот же привлекательный парень, которым всегда был и всегда буду. Никаких изменений. Никаких."

Эл поднялся наверх, чтобы поужинать в маленьком кафетерии, предоставленном для сотрудников Проекта, оставив мигающий радужными огнями компьютер позади. "Но перемены необходимы," - заметил Зигги, ни к кому не обращаясь.

Ответа не последовало.

Изображение на экране снова превратилось в стоп-кадр Роберта Кеннеди, улыбающегося и машущего рукой своим ликующим сторонникам. Кадр разморозился, и камера последовала за обречённым кандидатом, когда он повернулся и вышел через дверь за сценой, затем по коридору и в историю.

Дженнивер Уэйлс выглядела почти такой же бледной, как простыни, на которых она лежала. Стивен Уэйлс стоял в изножье кровати, положив одну руку на её ногу, другую на плинтус, и широко улыбался. Слишком широко, подумал Сэм. Это больше походило на гримасу, чем на выражение счастья. Они подошли к стойке регистрации в поисках указаний, но обнаружили, что Дженнивер была в отделении неотложной помощи, что врачи проводили тесты, пытаясь стабилизировать её состояние, чтобы определить, что с ней случилось. Молодой стажёр серьезного вида, ужасно уставший, выслушал их разговор и отвёл Стивена Уэйлса в сторону для консультации. Сэм каким-то образом отвлек Лизу. Когда Уэйлс вернулся, он был бледен. Сэм сам подкараулил врача, когда отец и дочь шли по коридору, и бесстыдно представился родственником, чтобы узнать, какие анализы проводятся. Некоторое время спустя когда непосредственный кризис миновал, Дженнивер поселили в палату на верхнем этаже.

Лиза, в свою очередь, находилась так близко к матери, как только могла, не садясь на кровать. Она пыталась, но Сэм, преследуемый

воспоминаниями о старших медсёстрах, умеющих запугивать даже гениальных интернов, не дал ей это сделать. Теперь она держала пальцы матери так, словно это были хрупкие палочки, которые могли сломаться, если она надавит слишком сильно.

Лента, удерживающая иглу капельницы на верхней части руки Дженнивер. не совсем скрывала синяки от постоянных уколов. Сэм стиснул зубы и напомнил себе, что, даже если бы он был врачом, он, вероятно, не смог бы тут сделать ничего лучше. Дженнивер, похоже, не возражала, и металлический шест, на котором висела капельница, был задвинут обратно в угол, подальше с дороги. На заднем плане тихо запищал кардиомонитор в ритме мигающей лампочки.

"Ты нас здорово напугала", - говорил Уэйлс. "Но они сказали...они сказали, что с тобой всё в порядке, правда, и ты вернёшься домой. Может быть...может быть, даже завтра". Он показал зубы. "Знаешь, в раковине столько грязной посуды". Он пытался пошутить.

Дженнивер посмотрела на него и ничего не сказала.

Сэм, стоявший в дверях, и стараясь не мешать семье, знал этот взгляд. Он видел его раньше.

У его собственного отца был такой взгляд. У дюжины, сотни пациентов был такой взгляд. Это было терпение. Выносливость. Фатализм.

Это может продлиться недолго; есть стадии, через которые люди должны пройти: гнев, отрицание, торг, депрессия, принятие.

Доктор отчеканил ему несколько слов, не ожидая, что девятнадцатилетний студент колледжа поймет. Росс Мэлаки, вероятно, не понял бы, и, скорее всего, кивнул бы и сделал бы вид, как будто вся эта медицинская белиберда имела смысл.

Но Сэм Беккет среди всего прочего имел докторскую степень и действительно понимал, насколько всё сказанное врачом имело смысл. Возможно, он был не в состоянии вспомнить большую часть своего медицинского образования, но он знал, какие тесты проводятся, когда подозреваемый диагноз - рак яичников второй стадии, Эл был прав, как бы ему ни было неприятно это признавать; Дженнивер уже ничем нельзя было помочь. Даже если бы он отвез её в больницу в первую же секунду, как только увидел, это ничего бы не изменило.

Разница, должно быть, заключалась в поведении её мужа и дочери. Стивен Уэйлс демонстрировал классические симптомы отрицания.

"Думаю, тебе придётся взять пару выходных", - сказал он. "Набраться сил..."

Дженнивер закрыла глаза.

"Почему бы тебе просто не заткнуться, папа?" - сказала Лиза.

Дженнивер вздрогнула. Мужчина дёрнулся, словно эти слова ударили его. "Не смей говорить со мной в таком тоне!"

Лиза не ответила. Вместо этого она наклонилась вперёд и поцеловала мать в лоб, прошептав что-то, что могла услышать только она. Она положила забинтованную руку матери на простыню и пошла прочь, мимо Сэма, к двери, ни разу не оглянувшись.

Сэм повернулся, чтобы пойти за ней, но Уэйлс, спотыкаясь, вышел, словно сам собирался последовать за ней. Сэм бросил последний взгляд на Дженнивер, чьи глаза снова были открыты. Её губы изогнулись, и она кивнула, разрешая ему идти.

Они втроём в молчании возвращались домой. Уэйлс прошёл на кухню и оглядел раковину, теперь наполовину заполненную холодной серой водой, тонкий ободок мыльных пузырей всё ещё цеплялся за внутренний край тарелок. Дженнивер приготовила бутерброды на ужин для себя, Росса и Лизы; горчица всё ещё стояла открытой на кухонном столе. Сэм машинально закрыл банку и убрал её.

"Не надо", - сказал Уэйлс. "Это работа Лизы. Лиза, иди сюда!"

"Я сделаю это". Сэм продолжал наводить порядок.

"Ты не должен этого делать", - настаивал Уэйлс. "Она должна усвоить, что у неё есть обязанности по дому."

"Уже поздно, её мать в больнице, и она ещё не знает наверняка, насколько всё плохо. Она обеспокоена, расстроена и напугана". Сэм вылил воду из грязной посуды и начал наполнять раковину горячей. "Я думаю, что на этот раз она может не заниматься кухней. Я сделаю это, хорошо?"

"Нет, не хорошо! Самодисциплина означает делать что-то, даже когда это трудно сделать. Лиза, иди сюда!"

Но Сэм заметил, что он не стал упоминать Дженнивер. Для человека, столь озабоченного способностью мужчин соприкоснуться со своей идентичностью и эмоциями, ему, казалось, не хватало чего-то существенного в другой половине человеческой расы - например, того факта, что их эмоции тоже были законными.

Из задней части дома доносились звуки музыки "Ганз энд Роузес" на полной громкости.

"Я собираюсь взять этот чёртов проигрыватель компакт-дисков и выбросить его в мусорное ведро..."

Сэм, которому больше нравились эстрадные мелодии, в глубине души был согласен с этим, но вслух ничего не сказал и вытер руки кухонным полотенцем. "Я пойду поговорю с ней."

"Я мог бы сам поговорить со своей собственной дочерью", - проворчал Уэйлс, но не сделал ни малейшего движения, чтобы остановить Сэма.

По крайней мере, она закрыла свою дверь. Сэм остановился, собираясь с духом; дверная панель довольно сильно вибрировала от басов.

Был только один способ справиться с этим. Он открыл дверь, заметил пульт и подошёл, чтобы нажать кнопку выключения.

Тишина была почти такой же оглушительной, как и шум.

Лиза лежала на кровати лицом вниз, её уши были защищены подушками, которые она обхватила руками.

Сэм сел рядом с ней, высвободив одну руку. "Лиза?"

Она вернула подушку на место.

Он не собирался спускать ей это с рук. На этот раз он отдернул обе руки и раскидал подушки по комнате. "Лиза".

Она повернулась, её футболка задралась почти до линии лифчика, обнажая загорелые рёбра. "Ты выключил мой проигрыватель".

"Да. Твой отец хотел его выбросить."

"Он постоянно говорит об этом, но никогда не делает."

"На этот раз, я думаю, он говорил серьёзно". Он оглядел комнату, понял, что сидит на кровати, очень близко к ней, и поспешно встал.

Раздвижные дверцы шкафа украшали плакаты с рок-звездами. Угол зеркала украшала гирлянда из пыльных бумажных цветов. В

раму зеркала были в беспорядке воткнуты

фотографии. Покрывалом на кровати служило лоскутное одеяло ручной работы; пол был покрыт тряпичным ковриком. Мебель

Лизы была потрёпанной, поцарапанной и любовно

отполированной.

"Моя мама умрёт, не так ли?" - спросила Лиза, садясь и поправляя рубашку. Сэм издал небольшой неосознанный вздох облегчения, а

затем её вопрос поразил его. Он

сглотнул.

"Да, она умрёт."

Её глаза были широко раскрытыми и сухими, а пальцы сжимали розовую атласную ткань на одеяле. "Нет!"

"Да, Лиза. Это случится не сегодня, я не имею ввиду, что она умрёт сегодня ночью". Он отдал бы всё на свете, чтобы убрать это

выражение с её лица, всё, что угодно, но

он не мог лгать. "Но она умрёт. Мы знаем недостаточно, чтобы спасти её."

"Но она же в больнице. Они же врачи. Они же должны знать."

"Они, конечно, врачи, но они не Боги. Они люди. Это рак яичников, и мы просто недостаточно знаем."

Она снова замолчала, её пальцы двигались взад-вперёд. "Сколько...сколько ей осталось жить?"

Её голос срывался, и Сэм хотел отвернуться, чтобы придать слезам, выступившим у неё на глазах, возможность уединения, но не

смог. Может быть, подумал он, потому что

его желание отвернуться имело мало общего с её достоинством и слишком много с его собственным.

"Я не знаю наверняка. Это зависит от того, насколько хорошо она реагирует на лучевую терапию. Насколько сильно она хочет жить.

Ты нужна ей, Лиза."

"Она нужна мне", - сказала она. "Это нечестно."

"Нет. Это несправедливо". Он не сказал, что жизнь несправедлива. Она знала это так же хорошо, как и он.

"Я не хочу, чтобы она умирала!" - вырвалось у неё.

Гнев. Отрицание. Торг. Депрессия. Принятие. Он прокрутил в уме этапы, не уверенный, что правильно их понял, и не уверенный, что они были расположены в правильном порядке. Но вот они, признанные этапы преодоления горя, психологически подходящие реакции. И его собственное дистанцирование, попытка превратить её боль в главы из учебника, это тоже было отрицанием, и ей бы ничуть не помогло объяснить, что то, что она чувствовала, было изложено в общих чертах и объяснено, и все лучшие специалисты в этой области согласились, что она демонстрирует классические симптомы эмоционального шока.

"Ты нужна своему отцу тоже, Лиза."

"Нет, не нужна", - сказала она. "Ему нужен кто-то, чтобы убирать на кухне."

"Твой отец тоже не знает, как с этим справиться. Он думает, что если всё выглядит нормально, то, значит, всё и будет нормально."

"Ему наплевать."

"Ему не наплевать. Совершенно не наплевать. Он просто не знает, как это показать". Сэм хотел, чтобы Уэйлс мог пригласить свою дочь и свою жену на одну из встреч, которые он проводил, просто чтобы его собственная семья могла увидеть его в другом свете. Это было безумие, как этот человек мог быть таким заботливым с незнакомцами и никогда не осознавать, насколько холодно он вёл себя со своей собственной семьей. Возможно, разница заключалась в том, что в группе встреч он чувствовал, что контролирует ситуацию.

"Я думала, в этом вся его фишка - показывать свои чувства. Разве не этим вы занимаетесь на своих встречах? Как ты можешь говорить, что он не знает как? Он просто ничего не чувствует, вот и всё."

Дверь Голографической Камеры открылась, Эл вошёл в середину кровати, посмотрел на девушку и, сказав "Прошу прощения", отошёл в сторону, таким образом, что оказался "стоящим" на ковре.

Сэм посмотрел на него. Эл покачал головой.

"Твоей матери не поможет, если ты создашь проблемы своему отцу. Это будут тяжёлые времена для всей вашей семьи. Лучшее, что ты можешь сделать, - это помочь своему отцу". Это прозвучало очень похоже на банальность, даже для него. Эл стоял рядом и был необычайно мрачный.

"Чушь собачья". Но её сердце говорило ей другое. Она покачала головой. "Ты действительно думаешь..."

И в этот момент дверь с грохотом распахнулась, и в проёме появился Стивен Уэйлс с красным лицом. "Сколько раз я говорил тебе держать эту дверь открытой?" - закричал он. "Я звал тебя!"

"Эй..." - начал было Сэм.

Уэйлс повернулся к нему. "И какого чёрта ты делал здесь с моей дочерью? Ты должен был сказать ей выключить этот чёртов проигрыватель, а не оставаться здесь, в её спальне!"

"Не спорь с ним, Сэм," - сказал Эл.

Сэм не собирался с ним спорить. Он поднял руки и прошёл мимо разъяренного отца к двери, стараясь не слышать громких голосов позади себя.

"Ну, кто бы мог подумать. Я не думал, что у тебя хватит здравого смысла убраться оттуда," - заметил Эл, идя рядом с ним.

"А что мне оставалось делать? Я мог сделать только хуже". Он вышел через кухонную дверь и поднялся по наружной лестнице в квартиру над гаражом. "Эл, я не знаю, что я должен здесь делать."

Он опустился на диван, обхватив голову руками. "Я действительно не знаю. Если бы я думал, что он собирается ударить её, я мог бы остановить его. Но что я должен был делать? Я не могу спасти Дженнивер. Я думал, что, может быть, смогу, но если рак уже дал метастазы, то это невозможно. Она умрёт, и я ничего не смогу сделать, чтобы это остановить. Что касается Лизы..."

Он покачал головой. "Эл, что я должен делать?"

"Сделать всё правильно", - сказал Эл. "Исправить это и прыгнуть."

"Я не думаю, что это можно исправить", - сказал Сэм, глядя вниз на бледные руки Росса Мэлаки с длинными пальцами, переплетённые перед ним. "Я не думаю, что смогу всё исправить. Я не знаю, что делать."

"Ну, единственное, что ты можешь сделать, это спросить её, что она планирует делать со Стенно и пистолетом завтра вечером", - сообщил ему Эл. "Поднимай свою задницу, мистер. Ты ещё не закончил. У тебя есть работа."

[ГЛАВА 17]

Стенно лежал в темноте, свернувшись калачиком, держа телефон подальше от уха, пока Лиза всхлипывала. Время от времени он издавал успокаивающие звуки в перерывах между глотками пива из бутылки. Большая часть его внимания была сосредоточена на музыкальном клипе в стиле "хэви-металл", который показывали по телевизору перед ним. Он

понял, что мать Лизы в больнице и что она вот-вот умрёт. Какая жалость...У него на уме были вещи поважнее.

"Ты достала пистолет?" - спросил он, когда ему показалось, что девушка на другом конце провода успокоилась.

"Нет", - всхлипнула она. "У меня есть ключ от шкафа, но..."

"Эй, я же сказал тебе достать пистолет!" Голос на другом конце снова наполнился рыданиями, и он мгновенно сменил тактику. "Ну же, детка, я знаю, что тебе

тяжело. Чёрт, с тобой сегодня много чего случилось! И твой отец ведёт себя как настоящий засранец, не так ли?"

Утвердительное сопение.

"Я всё время тебе говорю, детка, что ты не обязана терпеть это дерьмо. Всё, что тебе нужно сделать, это достать пистолет из шкафа и спрятать его, и это его

напугает. Положи его в тот куст сирени. Ты знаешь в какой. Он никогда не найдёт его там. Давай, детка, ты сможешь это сделать. Ты ведь моя женщина, верно?". Видео

сменилось мелодией в стиле "кантри энд вестерн", которая ему нравилась. Он немного прибавил громкость.

Снова неуверенное сопение.

"Конечно верно, детка. И моя женщина должна быть сильной. Она не будет сидеть и не плакать, как какой-нибудь младенец. Она будет действовать."

"И ты докажешь, что твоему отцу не принадлежит вся вселенная. Он придёт и обнаружит, что эта штука исчезла, и, блин, он будет срать кирпичами. И ты будешь

единственной, кто будет знать, куда она делась! Верно? Подумай об этом". Он наливал себе ещё, не отрывая взгляда от экрана. Он хотел поскорее закончить этот разговор,

чтобы хотя бы услышать конец песни.

"Ты продолжаешь переживать из-за этого ублюдка, который стоит там, как будто в мире ничего не происходит, в то время как твоя мама в больнице. Говорит тебе мыть

посуду, как будто ты его слуга или что-то в этом роде. Он не может указывать тебе, что делать."

"Он вызовет полицию", - возразила она.

"Нет, он этого не сделает. Эй, ему понадобится пара дней, чтобы заметить, верно? И он не будет знать, как давно его не было на месте. Может быть, он даже подумает,

что его взяла ты!"

Теперь в её голосе звучала тревога. "Он разозлится!"

"Но он ничего не сможет сделать! Он не будет знать наверняка! Видишь ли, всё, что тебе нужно сделать, это сказать, что ты ничего об этом не знаешь. И, может быть, он

подумает," — теперь Стенно хихикал, — "Что он по-прежнему у тебя и ты собираешься его шлёпнуть. Полагаю, это заставит его уважать тебя, а?"

Молчание на другом конце провода показало, что Лиза обдумывала это, представляя себе всю эту сцену, и думая о том, что её отец

смотрит на нее как на личность, сильную личность, человека с оружием. Она не могла представить себя человеком с оружием. Как и Стенно тоже, но это было неважно. У неё был доступ к оружию, и это было главное.

"Ты моя сильная женщина", - напевал он. "Моя крутая женщина. Твой папочка думает, что он разбирается в играх разума? Он ни хрена не знает о тех играх разума, в которые ты собираешься с ним играть. Он подумает, что сходит с ума. И он этого заслуживает. Не так ли? Из-за того, как он себя ведёт. Тебе не пришлось бы так поступать с ним, если бы он вёл себя правильно, не так ли?"

"Нет", - нерешительно ответила она.

"Это его вина", - прошептал Стенно. "Его вина. Ты должна проучить его. Ты возьмёшь это и спрячешь. И ты возьмёшь другие вещи и тоже их спрячешь" — нельзя позволять девушке думать, что целью всего этого был пистолет — "И он подумает, что сошёл с ума. У тебя есть ключ. Зачем ждать? Сделай это сегодня вечером. Достань это сегодня вечером и спрячь в кусте сирени. Ты будешь знать, где это, а он - нет. Моя сильная женщина."

"Да", - сказала Лиза. Слёзы уже почти высохли. "Да! Я могу пойти после того, как он ляжет спать. Я сделаю это."

"Хорошая девочка. Вот что я тебе скажу, я приду и подожду снаружи, так что, если он доставит тебе какие-нибудь неприятности, я буду рядом, хорошо?"

"Правда?". Мысль о том, что у неё будет хоть какая-то поддержка, пусть и невидимая, принесла огромное облегчение. "Это было бы круто. Я сделаю это."

Стенно ухмыльнулся. "Я знал, что ты это сделаешь. Ладно, а сейчас успокойся, хорошо? Не позволяй ему ничего заподозрить. Сохраняй хладнокровие."

"Хорошо". Последовала пауза, как будто она оглядывалась по сторонам. "Я люблю тебя, Стенно."

По его лицу, словно тень, пробежала гримаса. "Я тоже", - ответил он. Она не заметила отсутствия энтузиазма в его голосе.

Послышался звук быстрого поцелуя, и связь прервалась.

Видео закончилось в тот же момент. Выругавшись, Стенно встал и сделал последний глоток пива. Лиза была такой же испорченной, как и её отец. Он ни хрена не мог на неё положиться. О, она достанет пистолет, если будет думать, что он находится рядом. Но у Стенно не было намерения ждать около дома Уэйлсов в темноте, когда она найдёт в себе мужество достать эту чертову штуку. Он всегда мог забрать его утром.

Может, ему лучше вернуться ещё раз и проверить, как обстоят дела в торговом центре. Просто посмотреть, что происходит. Сколько вокруг копов. Ну и всё такое. И, может

быть, найти кого-нибудь, у кого есть что-нибудь стоящее, что поможет ему уснуть сегодня ночью. Он хотел бы быть отдохнувшим и готовым к завтрашнему дню.

Подготовиться никогда не помешает.

Будущий отставной Адмирал Калавичи бежал ровным, спокойным шагом, избегая тёмных теней от выбоин и развороченного асфальта, как будто их там и не было. На нём был

тёмно-сине-белый тренировочный костюм, и в кои-то веки в его руке не было сигары.

Было время, когда он убил бы свой вечер в баре, выпивая в одиночестве, если бы рядом не оказалось приятелей, флиртуя как сумасшедший с барменшами, и как-то находя

компанию. Но он уже давно не пил. Ему это почему-то было не нужно, так, как раньше.

Он был одним из счастливчиков и знал это. Он не был алкоголиком. Он мог, если бы захотел, выпить и остановиться на ночь, на неделю, на месяц. Раньше он напивался,

когда дела шли совсем плохо, но у него был друг, который помог ему понять, насколько это глупо, и он больше не напивался.

Теперь, когда он был одинок и находился в чужом городе, приходилось заниматься пробежками.

На парковке торгового центра было довольно много бегунов. Она была хорошо освещена — ну, по крайней мере, большая ее часть, хотя южная сторона оставляла желать

лучшего — и в довольно хорошем состоянии. Этим занималось достаточное количество людей, чтобы городские власти провели замеры окружности. Две мили по самому внешнему периметру, по двум оживлённым улицам, а затем за ресторанами и многозальным кинотеатром, и снова рядом с другой, менее оживлённой дорогой.

Он ненавидел бег. Он ненавидел хрипы и отдышку, а сам процесс разминки и упражнения на растяжку казались чертовски глупыми для человека его возраста. Но бег позволял

ему питаться так, как он хотел, и он должен был признать, что его выносливость к другим, более приятным занятиям поразительно возросла. Одно это того стоило. И это

также несколько не вредило его собственной привлекательности.

Поэтому он хрипел, задыхался и заставлял себя бежать, используя железную дисциплину, которая долгие годы сохраняла ему жизнь в качестве военнопленного. На бегу он

считал машины на парковке торгового центра, сравнивая итоговые показатели, когда совершал круг. Когда он начал сегодняшнюю пробежку, торговый центр был ещё открыт, и

на стоянке было полно народу. Теперь задержалась только толпа в ресторане субботним вечером после кино. Обычная коллекция грузовиков, минивэнов и седанов, пара высококлассных "БМВ" и один очень симпатичный серебристый "Ягуар" были расположены возле входов в ресторан. На его последнем круге большинство машин исчезло. Он поискал взглядом "Ягуар"; его владелец тоже либо решил, что на сегодня всё, либо отправился в бары и танцевальные клубы в поисках того, что может предложить Альбукерке в это время суток. На его месте стоял старый ржаво-красный с кремовым оттенком фургон "Фольксваген". Эл заметил это и удивился, зачем кому-то понадобилось приезжать в закрытый торговый центр. У него было ощущение, что он видел этот конкретный фургон где-то ещё, причем недавно. Он думал об этом, пока бежал. Крем и ржавчина - да, точно. Тот парень, который сегодня днём доставил неприятности этому, как его там, Мэлаки, был за рулём кремово-ржавого фургона "Фольксваген". Однако не было никакого закона, запрещающего шпане парковаться на парковках торговых центров поздно вечером. Он забыл об этом, пытаясь преодолеть последние полмили до гостиничного номера и горячего душа.

Сэму было трудно заснуть. Эл сообщил ему всю последнюю информацию, посмотрел на ручной пульт и ушёл, не сказав больше ни слова. Для такого поведения должно было быть какое-то другое слово, кроме "безумие". Он знал, что завтра Лиза будет участвовать в ограблении торгового центра, но когда именно и где, не могло ему сказать даже расхаживание взад-вперёд. Он продолжал возвращаться к окну и смотреть вниз, на входную дверь, где стояла Лиза, умоляя впустить её в запертую дверь. Сейчас там, конечно, никого не было; Лиза и её отец давно легли спать, в доме было тихо. Даже движение на Центральной остановилось. Конечно, были сверчки. Цикады. Ветер в тополях. Он поймал себя на том, что снова жаждет послушать очень громких "Ганз энд Роузес". Всё, что угодно, лишь бы нарушить обманчивую умиротворенность летней ночи. "Эл, где ты, когда ты мне нужен?" - пробормотал он. "Прямо здесь" - вышел из стены Эл. Сэм подскочил от неожиданности. "Где Дверь?"

"На ступеньках. Ну, там, где я вошёл были ступеньки". Он ткнул в кнопку на ручном пульте, и дверь за его спиной скользнула вверх, обнажая сплошное

сияние. "Видишь? Дверь."

Сэм прищурился. "Ладно, ладно. Дверь. Теперь ты собираешься объяснить эту историю с пистолетом? Что это за пистолет?"

Эл вздохнул. "Пистолет, принадлежащий Стивену Уэйлсу, который был использован при завтрашнем ограблении торгового центра.

Был использован? Будет использован?"

Скачки - это ад во временах."

"А почему ты вдруг так резко сорвался и ушёл отсюда?"

"Зигги нашёл способ проникнуть в закрытые файлы. Ограбление происходит — вернее, произошло — примерно за десять минут до закрытия."

"Где именно в торговом центре?" - процедил Сэм сквозь стиснутые зубы.

Эл приподнял кустистые брови и продолжил с подчеркнутым терпением. "В магазине под названием "Галантерейный магазин Норы".

Лиза и её парень..."

"Стенно."

"Да, Стенно". Эл, терпение которого было на исходе, выглядел раздражённым из-за того, что его прервали, но он всегда выглядел раздражённым, когда Сэм уже знал

ответ. Он нажал на кнопку на ручном пульте, просто из общих соображений. "Лиза и Стенно вошли в магазин. У Стенно был пистолет.

Случайный прохожий, который пришёл за

рикрэком...а что, чёрт возьми, такое рикрэк?"

"Это определение". Гениальный Сэм Беккет не собирался признаваться, что он тоже не знает. "Продолжай."

"Ладно, это определение. А что за определение?"

"Эл!"

"Ладно. Владелица магазина, миссис Лили Санчес, встала на пути. Схватила пулю. Умерла от этого. Стенно судили как взрослого.

Лиза попала в колонию для

несовершеннолетних. Остальное ты знаешь."

Сэм глубоко вздохнул. "Итак, мне нужно помешать Лизе участвовать в этом ограблении."

"Было бы неплохо, если бы миссис Санчес тоже выжила", - заметил Эл.

Сэм впился в него взглядом. "Когда Зигги начнёт функционировать так, как ему положено? Когда я смогу куда-нибудь прыгнуть и получить всю необходимую мне информацию,

правильную информацию, с первый раза? Неужели никто из участников этого Проекта никогда не слышал об инициативе по обеспечению качества?"

Эл поморщился. "Эй, Зигги является твоим детищем. Твоим творением."

"О, великолепно. Значит, это я во всём виноват."

"Ну, может, и нет. Но ты должен помнить, что выбрать нужные данные очень сложно. Я имею в виду, что мы уже говорили об этом раньше."

Сэм закрыл глаза и набрался терпения. "Давай вернёмся к делу. Пистолет, Эл. Как пистолет Стивена Уэйлса попал к Стенно?" Эл недоверчиво посмотрел на него. "Даже ты не можешь быть настолько наивен, Сэм. Ему его дала Лиза. Это же очевидно."

"Очевидно". Сэму было трудно говорить сквозь стиснутые зубы. "Когда она ему его дала?"

"Ох." Эл проверил данные на ручном пульте. "Э... Похоже, у нас нет этой информации."

"Похоже. Что. У. Тебя. Нет. Этой. Информации."

"Если ты мне поможешь, то я сделаю обратный скачок, просто для того, чтобы пнуть этот компьютер..."

Ручной пульт запищал, и Эл с тревогой похлопал по нему. "Не задевай его чувства, Сэм."

"Это же компьютер, чёрт возьми..."

"Да, но ты дал ему чувства."

"Да, точно". Он отвернулся от голограммы, чтобы снова посмотреть в окно. "Ладно. По крайней мере, мы знаем, что, где и когда случится. Я думаю, каким образом она передала ему пистолет - не так уж и важно. Хотел бы я знать, зачем. Я пытался сказать ей, что её родители действительно нуждаются в ней сейчас больше всего, и я думал, что она меня услышала."

"Во время психиатрических слушаний она сказала, что сделала это, чтобы причинить боль своему отцу."

"Чтобы причинить боль своему отцу..." - Сэм обернулся. "Как можно причинить ему боль большую, чем он уже испытывает?"

"Она этого не видит. Он занят своим маскулинизмом и держит свои чувства при себе, а она этого не видит."

"Но дело не в этом! Предполагалось, что всё это мужское движение должно было заключаться в том, чтобы понимать, когда ты злишься, или радуешься, или страдаешь, или что бы ты там ни чувствовал. И распознавать, когда другие люди чувствуют то же самое. Только не это идиотское "держать свои чувства при себе"... - Сэм в раздражении отвернулся от голограммы и снова уставился в окно.

Эл не мог заставить себя поднять взгляд, даже чтобы посмотреть на затылок Сэма. "Не все так осведомлены в этих вещах, как как ты, Сэм".

"Осведомлены?"

"Я бы хотел, чтобы ты перестал повторять за мной," - пробормотал Эл.

"Хотел бы я знать, что там сейчас происходит", - пробормотал Сэм.

"Где?" - Эл приподнялся рядом с ним и, невольно взявшись за руки, выглянул в окно. "Ты имеешь в виду...Ой-ой."

"Ой-ой", - согласился Сэм. Они оба наблюдали, как зажёгся, а затем погас свет в гостиной, ведущей в столовую. А затем более слабый свет, отражённый в конце коридора и свет в одной из задних комнат включился и оставался включённым в течение нескольких минут. Затем свет погас, и в

определённом порядке включился, выключился и снова включился и снова выключился.

И порядок мигания менялся на противоположный, когда кто-то двинулся обратно по дому, обратно в спальное крыло, потому что всё, что нужно было сделать, было сделано. Сэму не нужно было объяснять, что мигающий свет был сигналом. Единственным человеком в этом доме, который мог бы подать сигнал, была Лиза, отправляющая какое-то сообщение своему парню, который, вероятно, был где-то там, в темноте, и наблюдал за происходящим. Но о чём она сигнализировала? Что сделала Лиза?

[ГЛАВА 18]

"Сегодня днём у нас будет еще одно групповое собрание", - объявил Уэйлс на следующее утро. Он был одет в костюм-тройку и галстук и неуверенно переводил взгляд с тостера на буханку не нарезанного хлеба. "Я поговорил с персоналом отеля, и мы можем снять номер. Некоторые из мужчин решили, что им нужно рассказать ещё одну историю."

"Рассказать ещё одну историю?". Сэм чувствовал себя на редкость глупо, но, по крайней мере, он мог справиться с тостами и желе. Он взял буханку и порылся в ящике в поисках ножа для хлеба. "Когда именно это произойдёт, и разве вы не собираетесь возвращаться в больницу?" Уэйлс откашлялся, снял очки и принялся полировать их, всматриваться в линзы и снова полировать. "В больнице я ничего не могу сделать. Они собираются проводить дополнительные анализы и всё такое. Я назначил это на четыре часа дня. Тебе, конечно, придётся отвезти меня в отель."

"В четыре часа?" Он действительно ещё раз повторил за Уэйлсом. Эл был прав. Он превращался в обычную эхо-камеру. "Во сколько закрывается торговый центр?"

"По воскресеньям в пять часов," - ответила Лиза. На ней была старая, безразмерная тёмно-синяя рабочая рубашка, обтягивающие синие джинсы и новые сандалии, она села на табурет и развернулась, выхватив из рук Сэма непрожаренный ломтик хлеба и откусывая корочку, постепенно набивая рот, не проглатывая. "Как же так вышло?" - пробормотала она.

"Я собирался купить пару вещей", - симпровизировал Сэм. Он поймал тост, когда тот выскочил, намазал на него минимум масла и намазал сверху виноградным желе. Стивен

Уэйлс протянул тарелку. Сэм положил на неё тост и сделал себе ещё один. "Я планировал зайти до закрытия."

"Что ж, тебе просто придется уйти пораньше", - сказал Уэйлс. "Ты мне понадобишься на собрании группы. Я уже обзвонил всех членов группы встреч этим утром. Они ждут меня."

Сэм кивнул, не сводя глаз с Лизы. Она доела корочку, превратила середину ломтика в шарик теста и откусила от него кусочек.

"Вообще-то, я планировал вернуться в больницу и навестить миссис Уэйлс. Как насчёт этого, Лиза? Ты пойдёшь со мной? Ты могла бы принести ей кое-что из её вещей."

Она проглотила и откусила ещё кусочек, подойдя к холодильнику, чтобы налить большой стакан апельсинового сока. "Они не позволили бы мне увидеться с ней, если бы ты не

был там и не уговорил их это сделать", - сказала она. "Так что я не понимаю, почему я должна идти."

"Я уверен, что когда она в обычной палате, то они тебя впустят. На самом деле, я мог бы отвезти вас обоих туда сегодня утром", - предложил он. "Я уверен, что она

хотела бы вас увидеть."

"Я уже принял решение", - объявил Уэйлс. "Я собираюсь провести утро, работая над рассказом. Я буду в своём кабинете."

"Ты принял решение?" - сверкнули глаза Лизы.

"Да, я принял решение. А что не так?"

"Ничего". Лиза снова откусила кусочек теста, безуспешно пряча улыбку.

Сэм достал ещё пару ломтиков тоста, но только для того, чтобы отдать их Лизе. Он отрезал от батона ещё несколько ломтиков.

"Нужно больше масла", - сказал Уэйлс.

"Масло для вас вредно", - машинально сказал Сэм. "Я уверен, что Джен...что миссис Уэйлс хотела бы получить сегодня моральную поддержку. Она была бы благодарна за визит."

"Она также была бы признательна за оплату больничного счёта", - язвительно заметил Уэйлс.

"Так вот почему вы устраиваете это...рассказывание историй?" - спросил Сэм, тоже наливая себе стакан апельсинового сока и наблюдая, как Уэйлс сидит за кухонным

столом, аккуратно расстелив перед собой льняную салфетку, и жадно поглощает тост. "Потому что вам нужно оплатить больничный счёт?"

"Это недостойное замечание. Я возьму ещё тост, а ты, передай масло, пожалуйста". Он использовал нож для масла, как дирижёрскую палочку, чтобы намазать толстый слой

животного жира и посыпать его фиолетовым сахаром. Сэм, который сам положил глаз на виноградное желе, передумал и вернулся к нарезке батона.

"А что это вообще за рассказывание историй?" - спросил Сэм. Видя, что ни Лиза, ни её отец не доели свою последнюю порцию, он разломил последние ломтики пополам. Он

поймал себя на том, что едва не повторил трюк Лизы с превращением хлеба обратно в тесто, и откусил большой кусок. Это был хороший хлеб.

"Я предполагаю, что ты задаёшь этот вопрос в попытке просветить ребёнка", - сказал Уэйлс. "Поскольку ты делал это по меньшей мере дюжину раз. Ради всего святого, у нас только вчера был такой случай."

Сэм и Лиза оба закатили глаза, Лиза - при упоминании о себе как о "ребёнке", а Сэм - при упоминании о том, что в жизни Росса Мэлаки все ещё было много такого, чего он не знал. Значит, то дело по достижению совершеннолетия было "рассказыванием историй"? "Именно так," - сказал он, слегка преувеличивая свою любезность. "Чтобы просветить ребёнка."

Лиза фыркнула.

"Возможно, это неуместно - посвящать женщину в секреты нашей группы."

На этот раз Сэму пришлось сдержаться от ответа. Хлеб застрял у него в горле. "Секреты?" - спросил он наконец.

"Да, папочка, расскажи мне о своих дурацких секретах", - прошептала Лиза. "Чем ты занимаешься, приводишь стриптизёрш?" "Этого будет достаточно, юная леди". Уэйлс положил нож точно поперёк тарелки. "Я уже говорил тебе раньше, что тебе нужно проявлять уважение."

"Да?" - Лиза окунула указательный палец правой руки в банку с желе и слизнула фиолетовый комочек. Сэм поморщился. "Что ты собираешься сделать, снова запереть меня?"

Взгляд её отца по-прежнему был прикован к ножу на его тарелке. "Я хотел бы напомнить тебе, что твоя мать больше не может противоречить моим действиям."

На мгновение Лиза выглядела испуганной, потом рассерженной, потом мстительной. "Знаешь что? Я думаю, что вы сумасшедшие. Я думаю, что, вы, ребята, собираетесь вместе и разговариваете друг с другом, потому что не можете найти никого, кто захотел бы вас слушать. Я думаю, что вы все сумасшедшие, и в один прекрасный день за вами придут и отправят в психушку". Она соскользнула со стула и встала лицом к отцу, уперев руки в бока. "Я думаю, что ты сходишь с ума. Ты стареешь, сходишь с ума, и просто боишься, что кто-нибудь узнает."

"Лиза", - мягко сказал Сэм. "Хватит. Давай поедem в больницу, хорошо? Давай навестим твою маму."

"Она не заслуживает того, чтобы видеть свою мать", - сказал Уэйлс.

"Это просто смешно". Терпение Сэма, наконец, подошло к концу. "Какой бы соплячкой, она не была — а ты и есть соплячка," - резко сказал он Лизе, - "ни одному ребёнку нельзя говорить, что он "не заслуживает" встречи со своей матерью. Лиза, тебе нужно привести себя в порядок. Сходи за своей сумочкой или что тебе ещё там нужно. Мы

едем в больницу."

Лиза прижалась к пассажирской дверце "Блейзера", глядя в окно, чтобы не разговаривать с Сэмом по дороге. Сэму не нужно было смотреть на неё, пока он говорил; он осознавал, что она отвергает его, поездку, вообще всё, как будто она была источником жара, пытающимся вырваться через борт грузовика.

"Лиза, я знаю, что ты задумала", - начал он. "Это неправильно. Это ничему не поможет."

"О чём ты говоришь?"

В ее голосе звучало такое неподдельное изумление, что он воспользовался остановкой на красный свет светофора, чтобы взглянуть на неё. "Ты знаешь, что я имею в виду."

"Нет, не знаю". Её брови были сдвинуты в недоумении. Затем выражение её лица изменилось, и она стала выглядеть виноватой.

"Нет, знаешь. Лиза, как то, что ты делаешь, поможет твоим маме и папе?"

"Мне плевать на моего отца. И для моей мамы это не будет иметь никакого значения. Они не имеют ничего общего друг с другом."

"Конечно, имеют. Они твои родители, они живут вместе, они любят друг друга."

Лиза рассмеялась резким, неприятным смехом. "Любят друг друга? Ты с ума сошёл? Мой папа видит мою маму только за обеденным столом, и большую часть времени он даже не смотрит на неё. Он ест, а потом идёт в свой кабинет и пишет статьи, или раскладывает пасьянс, или делает что угодно, лишь бы не разговаривать с ней. Он ничего не хочет знать о ней. Она давно болеет, а он даже не замечал. Однажды она упала, и вся её нога была в синяках — она была чёрно-синей от пальцев ног до бедра, - а он даже не заметил этого."

"И ей он тоже не нужен. Она занята своей работой, своим садом, готовкой и уборкой, и ей всегда не до него. Она даже не сказала ему, что ей плохо. Я думаю, они

остаются женатыми друг на друге только потому, что она считает развод грехом."

"Так что не говори мне, что всё, что я делаю, имеет для них какое-то значение."

Сэм задумался об этом и понял, как много правды было в её горьких словах. "Итак, поскольку они, похоже, не любят друг друга, ты думаешь, что они не любят и

тебя?". Грузовик въехал на стоянку, и он проехал пару рядов, прежде чем заметил подходящее место. Даже в воскресенье в больнице всё шло как обычно, и стоянка была

забита.

"Я не знаю, что такое любовь", - категорично заявила Лиза.

Сэм переключил коробку передач на паркинг. "Ты никого не любишь?"

"Нет", - сказала она. Её голос был почти уверенным. Она сглотнула. "Нет."

"Ты не любишь свою мать? Тебе всё равно, что с ней будет?"

Она открыла рот, чтобы ответить, и снова закрыла его. Затем она сказала: "Я не люблю своего отца. Он не заботится обо мне, и я тоже не забочусь о нём."

Он проводил её в больницу, по коридорам в оранжевую полосу и поднялся на лифте в крыло, где её ждала мать, и не сказал ни слова. Он не мог придумать, что сказать. Он

лучше знал, он был уверен, что лучше знает, но он не мог придумать ни одного способа убедить Лизу в том, что её мнение об отце было ошибочным.

Дженнивер не спала этим утром, и кто-то одолжил ей косметику. Румяна для неё были слишком яркими, а помада не того цвета, но она поприветствовала Сэма и Лизу сияющей

улыбкой и похлопала по кровати рядом с собой, приглашая дочь сесть. Сэм подавил свой рефлекс, и Лиза вскочила рядом с

матерью. Женщина на соседней кровати посмотрела

на них и неловко встала, чтобы задёрнуть занавеску между двумя кроватями. Они втроём послушали, как другая пациентка, кряхтя, возвращается в постель, и обменялись

кривыми улыбками.

Сэм пододвинул единственный стул и сел на край кровати, слушая, как Дженнивер и Лиза неловко болтают о косметике, и украдкой взглянул на таблицу, висевшую на поручне.

Пришли результаты анализов, которые были все положительные. Была назначена операция. Это его не удивило. Что его беспокоило, так это то, что Дженнивер ничего не

говорила об этом. Судя по поведению её мужа перед завтраком и вплоть до того момента, когда они с Лизой вышли из дома, он понятия не имел, что его жене предстоит

серьёзная операция в ближайшие несколько дней. Наверняка лечащий врач должен был позвонить и поговорить со Стивеном? Если так, то звонок, должно быть, поступил до

того, как Сэм появился на завтраке. Но если он знал, почему, во имя всего святого, Уэйлс не поехал с ними в больницу? Разве он не хотел быть со своей женой в такой

момент?

Неужели Лиза была права насчёт того, что её родители чувствовали друг к другу? Этого не могло быть, не так ли? Какая-то рыцарская часть души Сэма Беккета отказывалась

в это верить. У семьи Уэйлс были проблемы, да, но они не могли быть безнадёжными. Иначе какой был смысл ему совершать скачок в эту ситуацию?

Лиза спрашивала у Дженнивер, когда она выйдет из больницы.

"О, уже совсем скоро", - говорила Дженнивер. "Они просто хотят проверить пару вещей."

Например, печень и кишечник, подумал Сэм. Указанным лечением была полная гистерэктомия с удалением поражённых яичников и матки, а также тщательное обследование других основных органов, чтобы убедиться, что рак не распространился. По словам Эла, это уже произошло, и в ходе диагностической части операции должны были быть найдены все всевозможные проблемы.

Лиза, казалось, забыла или предпочла проигнорировать то, что он сказал ей прошлой ночью о смерти её матери. Возможно, это было скрытое благословение. Но врачи должны были рассказать Дженнивер о диагнозе и об операции. А она вела себя так, как будто на самом деле верила в то, что говорила своей дочери, — что её выпишут из больницы самое позднее к завтрашнему дню.

Казалось, что никто не занимается этой проблемой. Он не мог этого понять. Как можно решить проблему, игнорируя её? Он так и не научился прятать голову в песок и надеяться, что проблемы исчезнут, и так и не научился иметь дело с другими людьми, которые поступали подобным образом. Сэм встал, извинился и пошёл по коридору в поисках ужасного больничного кофе и хоть капли здравомыслия.

А тем временем потрёпанный фургон кремового цвета, покрытый ржавчиной, притормозил у обочины за углом вне поля зрения дома Уэйлсов, и Стенно Бачек выскользнул со стороны водителя и огляделся. На улицах было тихо; воскресный полдень, большинство людей были в церкви. Вокруг не было даже детей, катающихся на велосипедах. Он улыбнулся себе.

Задние дворы в этой части города были разделены стенами из шлакоблоков и обсажены пиракантой или другой зеленью, предназначенной для отпугивания незваных гостей. Ему не хотелось пачкать руки или, что ещё хуже, новую куртку. Поэтому он шёл так, как будто имел полное право находиться там, где сейчас был, и повернул за угол, как будто точно знал, куда идёт, и пошел по вымощенной камнем дорожке вдоль дома Уэйлсов, как будто он там жил. Он заметил, что "Блейзер", на котором ездил Мэлаки, исчез, а "Седан", принадлежащий миссис Уэйлс, всё ещё был припаркован на улице.

Боковые дворы были разделены только перегородками, иногда только брёвнами. В доме по соседству с домом Уэйлсов боковой двор был засажен травой, а у Уэйлсов - декоративным камнем, уложенном поверх хрупкого чёрного пластика. Оказавшись между домами и вне прямой видимости с улицы, он позволил себе расслабиться. Единственные люди, которые могли бы увидеть его сейчас, должны были бы высматривать его из окон, а единственными окнами в доме Уэйлсов, которые выходили на эту сторону, были ванная и спальня Лизы. Никто не должен был бы искать его с этих позиций и вряд ли кто-то стал бы прислушиваться к звуку камешков размером с кулак, хрустящих друг о друга под каблуками ботинок. Он был в безопасности. Окно в ванной, как он заметил, было приоткрыто. А сетку, порванную в одном углу, недавно заклеили скотчем, чтобы предотвратить проникновение насекомых. Он ухмыльнулся.

Цветы на кусте сирени давно побурели. Их нужно было подрезать, чтобы следующей весной зацвели новые, но единственный садовник в семье был занят другими делами. Основание сиреневого куста было завалено жухлой травой, жёлтой и высохшей, и зеленью четырёхчасовых растений, которая прорастала повсюду. За кустом сирени, там, где на фоне потрескавшейся штукатурки торчала сухая трава, была щель, в которую упиралось что-то тяжёлое. Он отодвинул ветки сирени в сторону.

Да. Там, прислонённый к стене, как будто кто-то положил его туда, а не выбросил из окна, лежал револьвер. Сюда на него не мог попасть солнечный свет, поэтому не было бы никакого предательского отражения от ствола и рамы из нержавеющей стали. Стенно взял его и постоял мгновение, любуясь его тяжестью в своей руке. Он нажал на спусковой крючок, и барабан выскочил наружу. Пистолет был заряжен.

Это был не тот автомат, на который он рассчитывал, но, с другой стороны, пули были бонусом, которого он никак не ожидал. Он нажал на выталкивающий стержень, и пули с жёлтыми, медными и синими наконечниками посыпались в его руки и мимо них, рассыпаясь среди камней и сорняков. Он услышал, как внутри дома открывается дверь ванной, и ругаясь, пригнулся, нащупывая пули и стараясь вести себя как можно тише. Звуки из ванной заглушили его действия, но затем окно над его головой начало скрипеть, и он прижался к стене под ним. Если бы человек, закрывающий окно, решил выглянуть наружу, его бы тут же обнаружили...

Окно закрылось, он засунул револьвер под куртку, придерживая его рукой, и побежал, не обращая внимания на камни под ногами и единственную пулю с синим наконечником, оставшуюся сверкать в солнечном свете позади него.

[ГЛАВА 19]

"Зигги, проиграй это ещё раз."

Единственные доступные данные об ограблении и убийстве были взяты из газетных и телевизионных репортажей о происшествии, а также из судебных протоколов. Это был не тот инцидент, который привлекал к себе много внимания, если только вам не "посчастливилось" быть в нём замешанным; хотя убийства в Альбукерке происходили не каждый день, они происходили достаточно часто, чтобы заставить большинство жадных до новостей граждан быстро просмотреть скудные абзацы и перейти к более важным событиям в СССР. Как ни странно, газетные репортажи, сохранённые благоговейными библиотекарями на микрофильмах, сохранялись дольше. Телевизионные станции, как правило, повторно использовали свои видеозаписи. Только благодаря чистой случайности и некоторой детективной работе Живчика на месте удалось найти единственный сохранившийся видеоклип, относящийся к тому периоду.

И, несмотря на всё своё хвастовство, компьютер не смог получить полный доступ к закрытым записям о несовершеннолетних. Поэтому Зигги разделил большой экран в кабинете Сэма, показывая газетные репортажи с одной стороны, а телевизионного диктора с другой, статичный репортаж против девяностосекундного просмотра галантерейного магазина, кадры жертв и комментарии светлоглазой брюнетки-репортёрши. Это было всё, с чем им приходилось работать.

Это, а также надежда на то, что этот отчёт был составлен в том прошлом, которое можно было изменить.

"Этого не может быть", - запротестовал Эл. "В первый раз ты сказал мне, что была только одна жертва. Я знаю, что это так! Что, чёрт возьми, происходит?"

Зигги невольно приостановил показ фотографий. Фотография Лили Санчес была сделана на семейной рождественской вечеринке, и она смеялась; она выглядела как женщина, которая много смеётся в своей повседневной жизни. Она держала на коленях дочь, трёхлетнюю девочку, в которой заметно сочетались азиатская и испаноязычная кровь. Это была маленькая девочка, которой предстояло вырасти красивой. И это была маленькая девочка, которой предстояло расти без матери.

Второй снимок выглядел, как будто сделанный на скорую руку, и был размытым и зернистым.

"В первый раз там этого не было", - в отчаянии сказал Эл. "Этого там не было."

Зигги хмыкнул, продолжая показывать фотографию второй жертвы без комментариев. Серьёзного вида парень с тёмными

волосами, смотрящий мимо камеры на что-то за спиной фотографа. Зритель не мог сказать, какого цвета были его глаза, но в выражении и чертах лица и в костях чувствовалась национальность чернокожего ирландца.

"Зигги, ты помнишь это с того момента, как впервые получил доступ к этой истории?"

"Когда я впервые представил данные, у нас не было этой информации". Компьютер быстро просмотрел весь спектр. "Я не могу определить, охватывает ли этот отчёт то же прошлое, что и то, которое мы рассматривали первоначально."

"Зигги, этого не может быть. Если это правда, то..."

"То Росс Мэлаки будет убит, пытаюсь предотвратить ограбление. И поскольку доктор Беккет в настоящее время находится в теле мистера Мэлаки, предположительно, доктор Беккет тоже умрёт."

"Это, однако, не повлияет на наше текущее существование, поскольку доктор Беккет остаётся на своей первоначальной жизненной "нити". Меня больше беспокоит другой отчёт."

"Другой отчёт?"

"Да". Огни снова замерцали. "Я не хочу представлять его, поскольку не уверен в реальности, в которой он существует. Однако я прошу вас приложить все усилия, чтобы пересмотреть свои воспоминания об этом конкретном периоде вашей жизни, чтобы мы могли...". Компьютер говорил несколько более неуверенно, чем обычно; теперь он даже заикался. Эл был недостаточно знаком с внутренним устройством Зигги, чтобы понять, что это значит. "Чтобы мы могли сопоставить как можно больше информации."

Элу не понравился ответ. Он яростно жевал кончик своей сигары. Зигги, однако, обладал терпением человека, для которого миллисекунды в любом случае были практически бесконечными возможностями для самопроверки, и Эл знал, что ему лучше не думать о том, что он сможет переждать компьютер.

"Что будет с телом Сэма?" - спросил он наконец.

Механический голос Зигги звучал удивлённо и недоволено. "Вы планируете бросить доктора Беккета?"

"Нет, не планирую!". Также был недоволен Эл. "Я составляю планы на случай непредвиденных обстоятельств. Кто-то должен подумать о Россе, который застрял там, в теле

Сэма. Нам нужно знать, что с ним случится, если Сэм умрёт. Я знаю, ты уже рассматривал такую возможность раньше. Выкладывай."

"Этот конкретный посетитель достаточно молод, чтобы он мог адаптироваться", - размышлял компьютер. "Наиболее вероятный сценарий заключается в том, что он сойдёт с ума. Но адаптация возможна. В его пользу говорит то, что он того же пола и приблизительно того же этнического происхождения,

что и доктор Беккет, поскольку это упрощает ряд потенциальных конфликтов."

"Конечно, будет чрезвычайно трудно убедить друзей и семью доктора Беккета, не говоря уже правительственных спонсорах Проекта, в том, что доктор Беккет не просто сошёл с ума. Так что даже если мистер Мэлаки сможет приспособиться к телу доктора Беккета, сомнительно, что наш мир сможет приспособиться к нему. Очень высока вероятность того, что он останется на лечении до конца своей жизни."

"И?" - безжалостно давил Эл.

"Этот сценарий, конечно, пересматривался и корректировался по мере накопления данных. Поэтому мы выделили место для доктора Беккета, чтобы его тело было сохранено, независимо от состояния того, кто будет его занимать, если он по какой-либо причине окажется не в состоянии вернуться на Проект."

"Чтобы избежать вопросов, необходимо будет сообщить, что он погиб в результате неизбежного несчастного случая. Конечно, за пределами комплекса, поскольку следует избегать проверки безопасности, вызванной несчастным случаем на месте. В настоящее время считается оптимальной авария с участием одного транспортного средства. Я смогу манипулировать отчётами, чтобы показать, что тело было идентифицировано как тело доктора Беккета."

"А что происходит с телом доктора Беккета?"

Последовало долгое молчание, сопровождаемое пульсацией огней. "Оно будет в специально отведённом месте."

"Надолго ли?" прошептал Эл. "Он же ещё молод."

"Тело доктора Беккета может прослужить долго", - согласился компьютер. "Это крепкое тело. У Росса Мэлаки, похоже, сильный разум. Прогнозируемая продолжительность жизни..."

"Нет". Эл встал и выбросил сигару в ближайшую мусорную корзину. "Нет, хватит." Он повернулся и вышел из кабинета, не сказав больше ни слова.

"Я действительно сочувствую, Адмирал", - пробормотал компьютер, мигая огоньками.

Когда Эл Калавичи был военным, посещение психиатра было отличным способом подорвать свои надежды на продвижение по службе. Военные придерживались принципа

"не вижу зла", которое рассматривало обращение за помощью в решении проблемы как признание того, что у кого-то изначально была проблема, а никто из тех, у кого были

проблемы, никогда не мог командовать другими людьми на Военно-Морском Флоте.

Это было глупая позиция. Эл знал, что это глупо; он знал, что это глупо, когда уклонялся от психологического обследования после репатриации из Вьетнама. Он даже

признавал, что это было глупо, когда уклонялся от консультации по поводу развода. Обращение за помощью в решении проблемы продемонстрировало здоровую готовность иметь дело с реальностью. Но ему всё равно не нравилась идея психиатрии. Вербина Бикс, однако, была самой успокаивающей женщиной, которую он когда-либо встречал. Она была элегантной, красивой и мудрой и любила носить яркие развевающиеся кафтаны, которые придавали ей вид королевской особы из стран Африки к югу от Сахары. Иногда их временно приглушал белый лабораторный халат, но по большей части Эл находил наряд Вербины очень подходящим. Теперь ему хотелось большего, чем просто роскошная одежда. Он хотел, чтобы был кто-то, перед кем можно было бы излить душу. Вербина, которая отвечала за посетителей в Зале Ожидания, была логичным выбором. Чтобы попасть к Вербине, ему пришлось пройти через Зал Ожидания. Через Зал Ожидания, где отдыхало тело Сэма Беккета, и время от времени просыпалось от того, что кто-то, кто не был Сэмом Беккетом, смотрел его глазами. Где люди, которые не были Сэмом Беккетом, вставали, смотрели вниз на тело, которое они занимали, и кричали. Каждый раз они кричали. Когда Сэм вернётся, у него будет ужасно болеть горло. "Зигги," - сказал он, шагая по коридору, его правая рука дёргалась из-за отсутствия сигары. "Попроси Вербину встретиться со мной в кафетерии, хорошо?"

Лиза стояла у сестринского поста, ожидая, когда вернётся Росс, и наблюдала за медсёстрами. Одна из них, постарше, улыбнулась ей, не задерживая взгляда, и стала перелистывать карты. Все остальные были слишком заняты, бегая туда-сюда, занимаясь делами медсестёр. Наверное, было бы интересно быть медсестрой, подумала Лиза. Они много чего делали. Им приходилось пользоваться иглами, вводить таблетки и прочее в организм пациентам, и они могли возиться с капельницами и делать пометки в картах. Но врачи говорили им, что делать. За исключением тех случаев, когда поблизости не было врачей, что, казалось, происходило большую часть времени. Тогда появлялись интерны, которые были почти как врачи, но не совсем. Как этот человек с картой, который подошёл к медсестре, которая иногда улыбалась, и спросил: "Кто делает эту операцию по

удалению яичников во вторник?"

Они говорили о пациентах именно так. Не "эта женщина", или "этот парень", или даже "этот человек". Всё это звучало как "эта печень", или "эти яичники", или

"тот рулет с желе в углу". Это был какой-то очень толстый парень. Лиза провела пальцем по узору на столешнице, образованному влажным кругом, оставленным

чьей-то банкой из-под кока-колы, и прислушалась.

Медсестра покачала головой. "Мы ещё не подписали разрешение."

"Вы разговаривали с её мужем?"

"Да, доктор". Она не скрывала своего нетерпения. Это ещё больше убеждало, что это интерн. "Муж говорит, что это решение его жены."

"Ну, чёрт возьми, как же мы её вычистим, если не сможем разрезать? Разве Захмор не был запланирован на это? Он будет очень зол..."

"Это решение пациентки, доктор."

"Пациентка не знает, что для неё хорошо."

Лиза тихо фыркнула. Они говорили совсем как родители.

"Взгляните на эти анализы". - листал медицинскую карту интерн. "Уровень СА-125 превышает 300. Тени на печени, пятна по всему лёгкому. Мы должны добраться туда и вычистить её, начать химиотерапию, облучение — я не уверен, что от операции вообще будет какой-то толк. Эта женщина смертельно больна."

Лиза осталась у стойки, уставившись на свой палец. Прошлой ночью, когда Росс пришёл к ней в комнату, он сказал, что её мать скоро умрёт. Он сказал, что у нее рак яичников.

Она на самом деле не поверила ему. Что мог знать Росс Мэлаки? Он вообще был странным. Её мать не собиралась умирать. Она пыталась отгородиться от голосов. Этот разговор не имел никакого отношения к ней, к ее семье. Росс был лжецом. Лжец. Лжец. Ее отец бы так не поступил. Он бы не оставил её мать здесь одну, чтобы она принимала такое решение. Он бы не стал так поступать. Не стал...

"Нам нужно вызвать сюда её мужа, чтобы он вразумил её. Ты должна..."

"Как я уже сказала, доктор, вы могли бы попробовать поговорить с пациентом напрямую". Медсестра говорила так, словно не хотела показаться рассерженной, но так оно и было на самом деле. "Муж придёт только поздно вечером. Он сказал, что у него были назначены встречи, и это решение было принято его женой. Я не понимаю, как преследование этого человека может это изменить."

"Хорошо." - не стал спорить интерн. "Тогда нам просто нужно поговорить с пациенткой. Чертовски плохая процедура, если хотите знать мое мнение." - Он захлопнул карту,

свирепо посмотрел на медсестру и пошёл по коридору, громко стуча обувью, выражая свое раздражение.

Лиза с пустыми глазами и пересохшим горлом смотрела ему вслед, отрицая для себя, куда он направляется. Но по мере того, как интерн продолжал идти, её отрицания рассыпались в прах; прежде чем он скрылся в палате её матери, она отошла от стойки и направилась в противоположном направлении, к лифтам.

Сэм вернулся из рентгенологии и огляделся.

"Вы не видели здесь поблизости молодую девушку?" - спросил он у старшей медсестры.

"Хммм? О, да, она была здесь минуту или две назад."

Должен же быть какой-то способ подать сигнал Элу, подумал Сэм. Какой-то способ, чтобы он мог сообщить Элу, что ему нужна способность Наблюдателя засечь кого-нибудь и сообщить о его местонахождении. Это сделало бы всё намного проще. Сначала он подумал, что она, возможно, вышла в коридор, чтобы воспользоваться туалетом, но когда она не появилась через десять минут, он начал беспокоиться. Он попросил врача, которая везла инвалидную коляску и всё равно направлялась в ту сторону, проверить это для него, и уже не удивился, когда через несколько минут она с сожалением сообщила ему, что никто больше не пользовался этим помещением, пока она там находилась.

Он подавил свой первый порыв сбегать в сувенирный магазин, проверить часовню, и заглянуть в кафетерий и сосредоточился.

Сделав это, он увидел, как интерн вышел из

палаты Дженнивер Уэйлс и направился к посту медсестёр, бросив на стойку медицинскую карту. От удара кем-то оставленная чашка с кофе покачнулась.

"Она говорит, что не хочет операции", - отрезал он. "Это безумие. Что нужно сделать, чтобы заставить этого идиота подписать заявление об отказе?"

Медсестры переглянулись и промолчали.

"Извините", - у Сэма начали закрадываться ужасные подозрения. "Вы были здесь всего несколько минут назад?"

"Нет", - сказал интерн, повернувшись к нему лицом. "Я использую телепорт, чтобы добраться из одного места в другое. Да, конечно, я был здесь."

Сэм обратил внимание на морщины на лице собеседника и тёмные круги у него под глазами. Он вспомнил фрагменты своей собственной работы интерном и всепроникающую усталость, характерную для дежурства семьдесят два часа подряд. Он воздержался от того, чтобы ответить на тон собеседника тем же. "Вы видели девочку-подростка, стоящую здесь, когда обсуждали эту пациентку?"

"Откуда, чёрт возьми, мне знать?"

"Да, она стояла прямо там." - заговорила старшая медсестра. "Вы ещё не нашли её?"

"Я беспокоюсь, о том, что она могла подслушать ваш разговор о пациентке в палате 2316."

"Я не знаю, слышала она это или нет. А что? Какое это имеет значение?"

"Я думаю, что она это всё слышала", - сказала медсестра. "Я не понимаю, как она могла этого не слышать."

"И что?" Стажер протирал глаза. "Пойдите обратитесь в розыск. У меня есть пациенты, о которых нужно беспокоиться."

"Это важно", - мягко сообщил ему Сэм. "Потому что эта девочка-подросток - дочь пациентки, о которой вы говорили. И если вы говорили о её матери таким тоном, каким я от вас услышал, она, вероятно, сейчас находится в состоянии шока. Так что у вас, вероятно, на одного пациента больше, чем вы думали". Он оставил доктора и медсестру в ужасе смотреть друг на друга.

Окно в комнате ожидания выходило на парковку; он направился к ней, надеясь, что найдет грузовик по-прежнему припаркованным в тени гигантского тополя.

Но грузовика на месте не было. Его заменил чей-то новый минивэн. Сэм закрыл глаза и очень тихо выругался. Ругательства он приберегал для особых случаев. Это был один из них.

Оставшись без колёс, по крайней мере, временно, он застрял. Ему показалось, что он помнил, что кажется, автобусы ходили довольно регулярно по всем основным городским артериям. Быстрая проверка у довольно сдержанной дежурной медсестры выявила соответствующее расписание; следующий автобус должен был прибыть только через полчаса.

Это дало ему время заглянуть к Дженнивер и посмотреть, сколько вреда нанёс раздражительный интерн. Он не удивился, обнаружив, что она вытирает следы слёз. Она была поражена, увидев его снова, натягивающего тонкую больничную простыню и одеяло поверх тёплой ночной рубашки, которую Лиза, в отличие от него, не забыла взять с собой, чтобы надеть на неё.

"Росс? Что-то случилось?"

Сэм мысленно поморщился. "Просто проверяю еще раз, как у вас дела. Лиза уже в машине. Я думал, что к вам заходил доктор, чтобы поговорить с вами."

Это чуть не заставило её снова расплакаться, но она подавила свои эмоции и стала очень царственной в своих попытках контролировать себя. "Да, он заходил."

"Миссис Уэйлс, я знаю, что вы сказали, что это не моё дело, и в некотором смысле вы правы". Но вы также и ошибаетесь, потому что какие-то неведомые силы сделали

такого рода вещи моим делом, хочу я этого или нет! - подумал Сэм. "Но я знаю, чего хочет доктор, и если у вас есть хоть какой-то

шанс, какой-то маленький шанс вообще, вы должны сделать операцию. Пожалуйста, миссис Уэйлс. Вы нужны Лизе больше, чем вы даже представляете."

"Вы должны сделать это для себя, и вы должны сделать это для своей семьи. Пожалуйста."

Она не смотрела на него; вместо этого она смотрела на маленький весёлый букетик бело-жёлтых маргариток, который они с Лизой зашли купить в сувенирном магазине. Он дал их Лизе, чтобы она несла их, пока он тащил чемодан с вещами. Лиза молча протянула их матери, как безмолвное подношение. Дженнивер не сводила с них глаз на протяжении всего визита.

"Мы не можем себе этого позволить", - сказала она так тихо, что ему пришлось напрячься, чтобы расслышать.

"Все эти анализы. Скорая помощь. Они берут с человека полтора доллара за каждую таблетку аспирина, ты знал об этом? Операция тоже дорогая. Приходится платить за хирурга, анестезиолога и операцию."

"Моя тетя Сильвия заболела, и её семья так и не смогла расплатиться. Тысячи и тысячи долларов. А теперь у них есть все новые методы лечения, новые "протоколы", о которых рассказывал мне доктор. Все разные вещи, которые они могут попробовать. И я всё равно умру, точно так же, как Сильвия." Затем она посмотрела на Сэма сухими глазами. "Моей дочери нужны деньги на колледж, а мы и так едва можем оплачивать счета. Можешь ли ты сказать мне, почему мы должны тратить эти деньги на операцию для меня, если в любом случае, я всё равно умру?"

[ГЛАВА 20]

Кафетерий Проекта состоял из небольшой столовой с дешёвыми столами и стульями и кухни с тремя микроволновыми/конвекционными печами и большой морозильной камерой со стеклянными дверцами, в которой хранились замороженные обеды. Полки на противоположной стене были заставлены банками с супом и овощами. Рядом с раковиной булькала промышленная кофемашина. Окна были занавешены кремовыми занавесками, оставшимися от одного из безумных дизайнерских увлечений Тины; их нежное кружево странно контрастировало с серым линолеумом на полу.

Эл как раз достал пару кружек из одного из шкафчиков и искал молоко, когда вошла Вербина. На ней был лабораторный халат, и в руках у неё была знакомая диаграмма.

"Как поживает наш последний посетитель?" - спросил Эл. Он нашёл молоко и налил в кружку. Вербина взяла свой кофе белого цвета.

Убеждённый пурист Эл, вообще ничего не добавил. Это не имело значения. Ничто не могло улучшить вкус Проектного кофе. Они сели за один из столиков, отпили по глотку и дружно скорчили гримасы. Работа Проекта означала, что люди приходили сюда в любое время дня и ночи; сейчас было время ужина, что обычно означало, что заведение пустовало. Эл рассчитывал на эту особенность психологии Проекта.

"Что ж, - сказала Вербина, - "Не так уж плохо, учитывая обстоятельства. Он думает, что его похитили инопланетяне."

"В этом нет ничего нового."

Вербина улыбнулась. Она была стройной чернокожей женщиной, которой могло быть от 30 до 50 лет. Когда она устроилась на работу к Сэму Беккету, она никак не ожидала, что здесь будет такая психиатрическая практика, в которой она будет лечить шокированных и перепуганных людей, оказавшихся запертыми в теле учёного на много лет вперёд по отношению к их собственному времени. Ей потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к мысли, что каждый раз, когда она будет встречать нового пациента, он будет находиться в том же старом теле. Она быстро научилась справляться с этим так же спокойно, эффективно и заботливо, как заботилась обо всех остальных участниках Проекта, независимо от того, проходили они лечение или нет.

"Что на этот раз, Эл? Дело же не в Россе Мэлаки. С которым на самом деле все в порядке, учитывая все обстоятельства."

Эл глубоко вздохнул. "Что бы ты сказала, если бы я сказал тебе, что нас не существует?"

"Я бы сказала, что ты становишься экзистенциальным."

"Это правда. По крайней мере, насколько может судить Зигги, это правда. Сэм помнит, как я говорил то, чего не помню, мы не можем установить, что на самом деле произошло во время ограбления, и возможно, что Росса убьют. По крайней мере, сейчас это выглядит именно так."

Психиатр поджала губы. "Полный облом, Адмирал."

Эл бросил на неё раздражённый взгляд. "Твой возраст даёт о себе знать. Кроме того, я серьёзно."

Она покачала головой. "Я видела первоначальную историю; единственным человеком, который был убит, это женщина в магазине. Ах да, и мать Лизы, но это была естественная смерть, которая даже не наступала в течение некоторого времени."

"А теперь у Зигги есть газетные отчёты, в которых говорится, что Росса застрелили, когда он пытался предотвратить ограбление. Которое на самом деле пытался предотвратить Сэм. Я не знаю, что сказать Сэму, Вербина". Он повертел кружку в руках, золотой силуэт истребителя-невидимки на чёрной кружке вращался под его пальцами. "Я не знаю, в каком прошлом он находится, в том ли, где он должен спасти девчонку, и в этом случае он должен сделать это, чтобы прыгнуть, или в том, где его"

могут убить. Зигги больше даже не хочет предлагать шансы."

"И то, что ты видишь себя в прошлом, тоже нервирует тебя."

"Да, это так". Он сделал большой глоток. "Это меня очень беспокоит."

"Почему?" - осторожно поинтересовалась Вербина. "Что случилось тогда, что тебя так сильно расстроило?"

Эл пожал плечами, отказываясь встречаться с ней взглядом. "Это было просто действительно плохое время для меня, вот и всё."

Всевозможные перемены произошли

одновременно. Я был так близок к тому, чтобы устроиться на другую работу, консультантом..." — он поставил кружку точно на

круглую отметину, оставленную пролитым кофе

кем-то раньше. "Я боюсь, что что-то может уговорить меня согласиться на это. И если это произойдет, что произойдёт со мной здесь и сейчас?"

Он глубоко вздохнул и продолжил. "Что здесь происходит, что меня действительно беспокоит, так это то, что если следовать теории Сэма о том, что жизнь подобна куску

верёвки, то мы должны понимать, что его верёвка намного длиннее, чем у любого из нас. Вся наша жизнь - это прямые линии,

кратчайший путь между двумя точками, начиная

с момента нашего рождения и заканчивая этой секундой."

"Но Сэм постоянно мотается туда-сюда повсюду. По-прежнему одна верёвка, но вся скомканная."

"Я не уверена, что понимаю, что тебя беспокоит, Эл," - сказала Вербина. Он заметил, что в её голосе уже угадывается беспристрастность психотерапевта.

"Разве ты не видишь? Когда Сэм там, где он находится сейчас, его верёвка пересекается с моей, а этого не должно быть. Я не зацкливаюсь на том, где он находится; в

1990 году это было всё, что у меня было. А теперь он оказался там, всё меняет, и, возможно, он изменит что-то и для меня тоже."

"Ну, раз ты всё ещё здесь, я бы сказала, что у него, вероятно, ничего не получилось."

"Но что, если он это сделает, в том другом прошлом, в котором мы, кажется, находимся?"

"Что ты помнишь об этом происшествии? Можешь ли ты вспомнить, кто погиб?"

Эл сдвинул кружку с места. "Ах. Нет."

В недолгом, изумлённом молчании Вербина наклонилась вперёд. "Эл?"

"Мне очень жаль", - взорвался он, вскакивая на ноги и расхаживая взад-вперёд, размахивая руками. "С одной стороны, в моей жизни всё катилось к чертям, и эта история

с группой встреч была просто ещё одной безумной вещью, которую я совершал. Я не хотел об этом вспоминать. Я считал, что это чертовски глупо. С другой стороны," — он

театрально развернулся, — "Я действительно пытался извлечь из этого хоть что-то, понимаешь? А потом мне пришлось вернуться в Вашингтон, и там был Сэм. А

Сэм - единственный, у кого фотографическая память. А я обычный человек. И я просто не помню! Это было десять лет назад, чёрт

ВОЗЬМИ!"

Сэм открыл рот, а затем снова закрыл его. Он не мог давать ложных заверений. Сэм рассказал Лизе о том, что ждёт ей мать в будущем, основываясь на той информации,

которую он получил от Зигги, и сейчас он не мог лгать её матери.

"Все рано или поздно умирают," - выдавил он наконец. "Разве жизнь не стоит того, чтобы за неё бороться?"

"Ты когда-нибудь видел, чтобы кто-нибудь умирал таким образом?" - спросила Дженнивер в ответ. Не дожидаясь ответа, она продолжила: "Знаешь, у тебя выпадают волосы, и

ты не можешь есть из-за тошноты. Твои зубы так шатаются в дёснах, что кровоточат. Твои дёсны, то есть. И твоя кожа становится такой тонкой, такой чувствительной, что

тебе кажется, что всё, что к тебе прикасается, причиняет боль. К тебе может прикоснуться пёрышко, и ты закричишь". Теперь она говорила вспоминая, снова глядя на

бело-жёлтые цветы. "Я обычно меняла простыни Сильвии. Видишь ли, она не контролировала свой кишечник. Ей было так стыдно. И всё, что я могла сделать, это

притвориться, что ничего не случилось, что всё было в порядке."

"Видишь ли, мой отец оставил всё это мне. Моя мать умерла, когда мне было пять лет, и он не смог снова через это пройти. Тёте Сильвии было всего тридцать шесть, когда

она заболела. А мне было двенадцать, когда я заботилась о ней."

"А Лизе всего пятнадцать. Вы собираетесь просить её делать всё для вас так же, как вы делали это для Сильвии?"

"Я не собираюсь просить её что-либо делать для меня. Я бы не стала просить её об этом."

Он закрыл глаза, вспоминая гнев последних нескольких дней. "Может быть, вам следовало бы."

Она покачала головой. "Я не могу."

Он хотел поспорить с ней, сделать всё возможное, чтобы убедить её, но время поджимало. Ему не хотелось уходить так внезапно, но у него не было выбора. "Мне очень

жаль. Мне нужно успеть на автобус. Я бы хотел..."

Она вопросительно взглянула на него, и он покачал головой. "Я думаю, что вы действительно правы. Всё зависит от вас. Вы единственная, кто может решать."

Он успел на автобус как раз вовремя и, покачиваясь, стоял, роясь в кармане в поисках нужной мелочи, надеясь, что Лиза угнала "Блейзер" для того, чтобы поехать домой и поговорить с отцом. Он не знал, куда ещё можно пойти. Он кивнул студенту, сидевшему с вытянутыми ногами в проходе, переступил через него и стал следить за проходящими улицами. Это был современный автобус с подъемником для инвалидов, и он дважды останавливался, чтобы принять пассажиров в инвалидных колясках. Он изучал механизм, не в силах вспомнить, видел ли он когда-нибудь его раньше в действии.

Автобус высадил его в полудюжине кварталов от дома. Он снова посмотрел на часы. Было три часа дня.

Он трусцой побежал к дому, размышляя, что ему делать, если Лизы там не окажется.

Так и оказалось. Лизы дома не было. Когда он входил в парадную дверь, из своего кабинета вышел Уэйлс.

"О, Росс, я рад, что ты здесь. Нам нужно подумать о том, как подготовиться к поездке в отель..."

"Вы видели Лизу?" - прервал его Сэм.

"Нет, конечно, нет. Она же поехала с тобой в больницу. Ты же не оставил её там, не так ли?"

"Это она оставила меня там", - с горечью сказал Сэм. "Держу пари, что теперь у неё тоже есть оружие."

"Оружие? О чём ты говоришь?" - Стивен Уэйлс уставился на него сквозь толстые линзы, и его глаза стали огромными и дикими.

"Зачем Лизе что-то подобное?"

"Лиза взяла один из ваших пистолетов и отдала его своему другу Стенно," - объяснил Сэм.

"О нет, это глупо. Всё оружие заперто в шкафу в моем кабинете."

"Все, кроме одного. Куда же Лиза могла пойти..."

"О нет, она не могла залезть в мой оружейный шкаф. Он заперт". Он отвёл Сэма обратно в свой кабинет и порылся в своём столе.

"Видишь? Вот ключ."

"Загляните в шкаф," - процедил Сэм сквозь стиснутые зубы.

"Говорю тебе, это чепуха. Но если это единственное, что тебя удовлетворит..." — он протиснулся мимо и открыл замок, широко распахнув дверцы шкафа, чтобы показать

старый дробовик 30-го калибра и двустволку. При виде дробовика Сэм вздохнул с облегчением. По крайней мере, Лиза не "позаимствовала" его, чтобы передать своему парню.

"Боже мой", - сказал Уэйлс.

"Что?"

Уэйлс повернулся, и Сэм отступил назад при виде пистолета в его руке.

"Он исчез", - сказал пожилой мужчина, не замечая, что линия огня пистолета, который он держал в руках, колебалась над торсом

Росса Мэлаки. "Другой пистолет исчез."

Сэм быстро шагнул в сторону, чтобы схватить Стивена за запястье и отобрать у него пистолет. Делая это, он заметил набор для чистки и несколько коробок с патронами, лежащие на полу шкафа, скрытые нижней губкой. "Какой ещё пистолет?"

"Револьвер. 38-й калибр. Это был мой первый пистолет, его мне подарил отец. И его больше нет."

"По крайней мере, она не взяла пули", - сказал Сэм, убирая пистолет на место.

"О, он был заряжен". Уэйлс говорил рассеянно, ощупывая дно шкафа, как будто пистолет всё ещё должен был быть там, просто каким-то образом его не было видно. "От пистолета мало толку, если в нём нет пуль."

"Вы оставляете заряженные пистолеты валяться где попало в этом доме?"

"Ну, шкаф заперт. Никто не должен был в него залезать. Ты уверен, что его взяла Лиза? Зачем ей это делать? Она никогда раньше не интересовалась оружием. Когда ей было восемь лет, я повел её на стрельбище. Я подумал, что если у меня в доме будет оружие, то я должен убедиться, что все знают, как им безопасно пользоваться. Но всё, что

она сделала, это заплакала и закрыла уши руками. Она даже не попыталась. Я не могу представить, что она взяла бы его."

Сэм закрыл глаза и глубоко вздохнул, обдумывая и отвергая дюжину вариантов ответа. "Лиза взяла пистолет. И грузовик тоже взяла она."

"У нее нет водительских прав", - возразил её отец.

"Хотите верьте, хотите нет, доктор Уэйлс," - выделял каждое слово по отдельности Сэм. "Но подростки могут водить машину и водят её до того, как получают права. Машину взяла она. Поверьте мне. Итак, куда бы она могла отправиться?"

Другой мужчина уставился на него, сильно прикусив нижнюю губу. "Зачем моей дочери брать пистолет? Что она собирается с ним делать?"

Он уже говорил мужчине, что она собирается отдать его Стенно. Пока он наблюдал, как Уэйлс изо всех сил старается сохранить самообладание, его осенило, что он также уже ответил на свой собственный вопрос.

"Где живёт Стенно?" - спросил он.

"Я... я не знаю". Почувствовав взгляд Сэма, он поспешно добавил: "Я думаю, её учителя знают. Я могу им позвонить."

"Так почему бы вам не сделать это? Нам нужно поймать их до закрытия торгового центра."

К счастью или нет, но Уэйлс не стал спрашивать, какое отношение к этому имеет торговый центр.

"Но моя группа..." - слабо запротестовал Уэйлс.

"Послушайте", - сказал Сэм, терпение которого, наконец, лопнуло. "Вам придётся решить, что для вас важнее всего. Эта ваша чёртова группа или ваша жена и дочь? Ваша

жена сидит в больнице, боясь сделать операцию, которая могла бы спасти ей жизнь, а ваша дочь вот-вот попадёт в такие неприятности, с которыми не справится ни один ребёнок, а вы всё ещё говорите о своей проклятой группе встреч!"

"Но я нужен этим людям."

"Вы нужны своей семье!"

"Я делаю это ради своей семьи!" - крикнул ему в ответ Уэйлс. "Как, по-твоему, я могу позволить себе оплатить счета за лечение? Я должен провести эту встречу!". Из его глаз, нелепо увеличенных за тяжелыми линзами, грозили хлынуть слёзы. Голос и тело профессора дрожали. Уэйлс был так же далек от того уверенного лидера группы встреч, каким был накануне, как и от Марса.

С мучительным чувством сопереживания Сэм осознал, что это было похоже на то, как если бы кто-то другой, неуверенный, напуганный и совершенно неспособный справиться с растущими требованиями к его времени и эмоциональным ресурсам, вселился в тело Уэйлса, отправив компетентного, замкнутого, эмоционально изолированного человека, которым он когда-то был, куда-то в другое место, чтобы занять его тело. Стивен Уэйлс был на грани нервного срыва. Сэм отступил, как физически, так и психически, не желая больше оказывать на него давление.

"Доктор Уэйлс," - сказал он, "При том объёме счетов, на который вы смотрите, - и поверьте мне, я знаю, насколько ужасными они могут быть, - плата за еще одну встречу не так уж сильно изменит ситуацию. Сейчас важнее всего - это время. Вы не можете позволить себе откладывать операцию Дженнивер и вы не можете позволить себе игнорировать то, что происходит с Лизой."

"Я не могу поговорить с Лизой, - прошептал Уэйлс. "Она никогда меня не слушает. Ты же знаешь, какая она. Ты же видел."

"И вы её тоже не слушаете. Вам нужно применить к ней некоторые из ваших собственных принципов. Вы не можете отказаться от отцовства, потому что это не решит проблему". Он украдкой взглянул на часы. Было почти четыре часа. "Послушайте, если вы выясните, где живёт Стенно, я смогу это проверить. А вы возьмёте такси до больницы и поговорите со своей женой. А я в это время займусь Лизой."

"Ты сделаешь это?" - мужчина был почти патетически благодарен, цепляясь за дверцу шкафа, как будто это было единственное, что удерживало его на ногах. Румянец начал возвращаться к его лицу вместе с надеждой. "Вот ключи Дженнивер..." - он протянул их Сэму, как будто это было предложение мира. "Ты мог бы взять седан."

"Только на этот раз", - твёрдо повторил Сэм, надеясь, что это правда, и всё равно забирая ключи. "В следующий раз всё будет

зависеть только от вас. Она ваша дочь. Может быть, вам стоит вместе сходить на консультацию к психологу."

"И, возможно, у них не будет шанса сделать это," - сказал Эл у него за спиной нехарактерно мрачным голосом. "Тебе лучше поторопиться, если ты собираешься поймать их, Сэм."

Сэм уже давно научился скрывать свое удивление, при внезапном появлении Эла. Однако ему не всегда это удавалось. Тем не менее, на этот раз он быстро пришёл в себя и сказал: "Если подумать, я думаю, что могу выяснить, где живёт Стенно..."

"7216 по Кейтлин, Северо-Восточное направление", - без промедления сообщил адрес Эл.

"...так что вы вызываете такси и едете в больницу". Видя, что мужчина снова колеблется, он добавил: "Позвоните также в отель и скажите им, что у вас в семье чрезвычайное происшествие, и вам пришлось отложить встречу. Свяжитесь с ними как можно скорее. Попросите их повесить табличку, — это должно обрадовать мисс Клируотер, — чтобы участники знали, что произошло."

Он не стал дожидаться, согласится ли Уэйлс; он даже не стал дожидаться, отпустит ли тот дверцу шкафа. Эл нажал на кнопку ручного пульта, крича Живчику, чтобы тот направил Наблюдателя на Сэма, в то время как сам Сэм исчез за дверью, направляясь к машине и к Лизе.

[ГЛАВА 21]

Стенно Бачек стоял перед зеркалом, пытаясь покрутить револьвером так, как это делали в его любимых ковбойских фильмах. Он почти никогда не говорил о них, но предпочёл бы смотреть допоздна "Великолепную Семёрку" или старый фильм с Джоном Уэйном, а не "Эм-Ти-Ви". Просто старые вестерны больше почти не показывали.

Он прищурился и заглянул в угол, как Гэри Купер, осматривающий крыши домов, и держа пистолет наготове, когда шёл по Мэйн-стрит в фильме "Ровно в Полдень". Ему действительно нужна была кобура, чтобы он мог попрактиковаться в быстром выхватывании, но он взял только то, что смог достать. Ему также хотелось засунуть в уголок рта пучок сена, но он никогда не видел настоящего сена, поэтому пришлось обойтись зубочисткой. Он катал её взад-вперед из стороны в сторону и высматривал плохих парней в зеркале.

Не то чтобы он никогда раньше не обращался с оружием. Обращался, много раз, но пистолеты, которыми он восхищался в школе, обычно были автоматическими, которые приносили другие ученики, пытаясь произвести впечатление на своих сверстников. Да и не так уж много их было; школа Стенно, в которой он учился до того, как решил, что есть более интересные занятия, которыми можно занять своё время, была далека от заурядной. Автомастерская его шурина давала ему работу, когда ему хотелось работать, а дневные ограбления, вдохновлённые просмотром регистрационных документов на автомобили и копированием ключей от дома, оставленных на брелоке для ключей от машины, давали достаточно денег, чтобы ему хватало на содержание квартиры и немного наркотиков. Раньше он никогда не нуждался в оружии.

Но этот пистолет — это было круто. Он был похож на тот, который был у Уэйна, Купера и Иствуда.

Он снова неуклюже крутанул пистолет, спусковой крючок зацепился за его палец, соскользнул, и оружие приземлилось с глухим стуком, стволом, направленным, в его сторону. Потребовалось мгновение, чтобы осознать, что оружие не выстрелило, и он снова начал дышать, не в силах сдержать нервную усмешку на своём лице.

Ему нужно было найти способ носить его под курткой, не слишком бросаясь в глаза. Он раздумывал над тем, как приспособить наплечную кобуру, когда кто-то начал колотить в дверь квартиры и звонить в звонок снова и снова.

Развернувшись, он направился к двери с пистолетом в руке. Когда он смотрел в глазок, его другая рука была на дверной ручке. Звонок зазвонил снова, пронзительно и нетерпеливо. Выругавшись, он подбежал к дивану и засунул пистолет под подушку.

Лиза уже поднимала руку, чтобы снова ударить по двери, когда он открыл её и она чуть не упала в его объятия. Она истерически плакала.

У него не осталось другого выбора, кроме как поймать её; там было недостаточно места, чтобы позволить ей упасть. Она прильнула к нему и всхлипнула, наверное, раза три, прежде чем он смог взять её за плечи и оттолкнуть.

"Да что, чёрт возьми, с тобой?". Он всё ещё держал её за плечи. Без поддержки она бы снова упала вперёд. Тон его голоса был единственным, что дошло до неё. Она подняла на него глаза и разразилась новым потоком слёз.

"Прекрати!" - закричал он, тряся её. "Прекрати немедленно!"

В этой квартире не было места, где она могла бы дать волю своим эмоциям. Осознание этого пришло к ней, когда она ударила головой о дверь, когда та откинулась назад от рывка его рук на ней. Со вздохом она перестала плакать.

Он отпустил её, и она смахнула слёзы с лица, шмыгая носом. Ее лицо было покрыто пятнами и опухло, а волосы свисали прядями. "Ты дерьмово выглядишь," - сообщил он ей, отступая назад и пропуская её в гостиную. "Что случилось?"

"Я была в больнице с Россом", - наконец, сказала она. "Я слышала, их разговор. Моя мама умрёт, потому что мой папа не подпишет какие-то бумаги, чтобы ей могли сделать операцию. Он убивает её."

"Вау". Временно потеряв дар речи, скорее из-за отсутствия способности сопереживать, чем от шока, Стенно закрыл за собой дверь. "Это, типа, убийство."

Она яростно кивнула. "Верно. Это убийство". Она огляделась в поисках салфетки, чтобы высморкаться. Квартира была завалена обёртками от гамбургеров, бумажными пакетами и парой комиксов. Клетчатый диван в углу, поддерживаемый с одного конца парой шлакоблоков, провис посередине. По швам торчали маленькие пучки высохшей поролоновой резины - память о каком-то давнем упражнении кошачьих когтей. Гостиная выходила в маленькую кухню; другая дверь вела в спальню. С уверенностью, которую давало давнее знакомство, Лиза прошла через спальню в ванную и вышла оттуда с пачкой жёлтой туалетной бумаги. Она высморкалась, сглотнула и снова посмотрела на Стенно.

"Я не хочу туда возвращаться", - сказала она. "Я больше не хочу его никогда видеть. Я ненавижу его."

"Это круто". Он плюхнулся на диван, остро ощущая пистолет под подушкой. Лиза не знала о его походе за пистолетом; она думала, что он по-прежнему лежит там, где она его уронила, под кустом сирени за окном ванной. Было волнующе осознавать, что пистолет был там, знать, что она была средством заполнить его, и что она об этом не знала.

С чувством глубокого удовлетворения он подумал, что она была не только уродливой, из-за следов, оставшихся от слёз, но и глупой.

"Ты хочешь остаться со мной?" Не то чтобы он хотел, чтобы она всё время была рядом; иногда с ней было весело, но в остальное время Лиза была занозой в заднице, всегда висела на нём, вечно хотела быть уверенной в том, что он чувствует и как сильно он в ней нуждается.

Она сделала глубокий судорожный вдох и кивнула.

Чёрт возьми, он мог бы подцепить дюжину таких, как она, на Ист-Сентрал в любой вечер недели. Но на данный момент это было удобно. Он взглянул на часы на кухне и вычел десять минут, потому что они всегда спешили. Четыре часа.

"Эй, детка". Затем он встал и подошел к ней, прижимаясь носом. По закону это называлось совращением. Он не понимал, как это может быть насилием, когда она хотела этого так же сильно, как и он. Но на этот раз она отстранилась. "Эй. Ты не обязана оставаться там, если не хочешь. Ты же моя женщина, моя сильная женщина, верно?". Он

снова обнял ее, но не сильно, чтобы у нее не было повода сопротивляться.

Она была согласна и со словами, и с объятиями, но при этом смотрела в сторону. "Я ненавижу его".

"Эй, это круто. Я тоже не очень-то ладил со своим стариком. Но я действительно рад, что ты пришла, понимаешь? Я боялся, что ты забудешь."

Она удивлённо подняла на него глаза, и он понял, что она действительно забыла.

"Ну, как же? Мы собирались пойти в торговый центр, немного потусоваться, посмотреть, сможем ли мы получить немного удовольствия, верно?". Он глубоко вдохнул в её волосы.

Она высвободилась из его объятий. "Я не хочу идти в торговый центр", - презрительно сказала она. "Это как то по-детски или что-то в этом роде. "Пойдём в торговый центр". Да, совсем по-детски". На её лице снова начал проступать румянец, припухлость от слёз спадала. Она выглядела всё лучше и лучше.

Его губы сжались, а ноздри раздулись в ответ на её презрение. "Эй!"

"Ну, так это же правда! Так поступают совершенно все дети. Я хочу заняться чем-нибудь другим. Чем-нибудь взрослым."

Он непроизвольно подался вперёд. "Я знаю кое-что взрослое, что мы можем сделать..."

Бросив на него косой взгляд, она фыркнула. "Да, не сомневаюсь. Но я не это имела ввиду. Я хочу сделать что-то важное."

Он с трудом заставил себя сосредоточиться. У него были планы. Другие дела можно было сделать позже. "Я не хотел просто болтаться без дела", - сказал он. "Помнишь шарф?"

"А при чём тут шарф?" - медленно спросила она.

"Я думал о чем-то подобном. Мы могли бы достать что-нибудь действительно хорошее. Что-нибудь, что ты могла бы подарить своей маме в больнице", - сымпровизировал он, притягивая её к себе. Она подняла руку, чтобы потереть то место, где ударилась головой о дверь. "Тебе не нужен твой папа, чтобы получать вещи," - добавил он. "Ты можешь сделать это сама. Ты моя сильная женщина. Тебе никто не нужен. Ты можешь позаботиться о себе и о своей маме тоже. Верно?"

Он понимал, что потребуется немного уговоров, чтобы подвести её к тому, чего он хотел. Лиза всё ещё была слишком хорошей девочкой. Но как только они окажутся в магазине, как только он достанет пистолет, у неё не останется выбора. Ей придётся подыграть ему.

Если она этого не сделает, конечно, он всегда сможет и её тоже убить. Он прищурился, чтобы посмотреть поверх её головы на вид западной улицы. Ага. Этого будет достаточно.

Разница между ролью Гэри Купера и той, которую планировал сыграть он, даже не приходила ему в голову. В конце концов, у них

обоих было оружие. Этого было достаточно.

Но было и кое-что ещё: они оба умели убивать.

Эл следил за изгибами фрагментов карты города, передаваемой Зигги через ручной пульт, пытаюсь направить Сэма к квартире.

"Где ты был?" - спросил Сэм сквозь стиснутые зубы. "В том, как ты появляешься и исчезаешь во время этого скачка, нет ни логики, ни причины, и ты не слишком хорошо всё объясняешь. Я бы хотел, чтобы ты рассказал мне, в чём дело."

Эл закрыл глаза. Даже после разговора с Вербиной он всё ещё не знал, что делать. От Зигги тоже не было никакой помощи. Если он скажет Сэму, что в процессе

предотвращения ограбления велика вероятность того, что его убьют, Сэм сделал бы глубокий вдох и всё равно бросился бы в бой, готовый рискнуть, чтобы спасти будущее

Лизы. С другой стороны, если Сэм ничего не предпримет, он - в теле Росса Мэлаки - останется жив; но вероятность того, что ни в чём не повинная хозяйка магазина

погибнет, а жизнь Лизы будет разрушена, составляла почти сто процентов. А Сэм застрянет в теле Росса Мэлаки, а Росс Мэлаки - в теле Сэма, навсегда.

И если бы он объяснил Сэму эту дилемму, то получил бы лишь взгляд полного непонимания. Сэм по своей природе был неспособен ничего не делать. Он полностью доверялся

всему тому, что заставляло его совершать скачок, полностью игнорируя возможность того, что он может стать расходным материалом.

"Я не тупой, я не расходный материал, и я никуда не уйду", - пробормотал Эл себе под нос. Вся жизнь Эла формировала его взгляд на жизнь в прагматических терминах. На первом месте всегда было выживание. Затем следовала забота о своих товарищах. Ты честно сражался столько, сколько мог, а потом делал то, что должно было быть сделано.

Сэм, напротив, в душе был альтруистом. Время от времени он мог протестовать против того, что процесс скачка служит для помощи всем во Вселенной, кроме Сэма Беккета,

но это никогда не помешало бы ему делать то, что он считал правильным.

И именно это, как заключил Эл, было причиной того, что Сэм совершал скачки во времени, а Эл за этим наблюдал. Кто-то должен

был присматривать за малышом. Эта миссия Белого Рыцаря могла быть очень опасной.

Это была утешительная парадигма, даже если она была не совсем правильной.

"Ты мне не отвечаешь", - заметил Сэм. Они всё ещё были в миле от адреса Стенно, и остановились на красный свет. Водитель машины, ехавшей за ними, терял терпение; похоже, светофор завис.

"Мне нужно кое-что проверить, " - сказал Эл. Он ткнул на кнопку управления на ручном пульте.

"Подожди минутку, ты не можешь сейчас уйти!"

"Так нужно", - сказал Эл и шагнул назад в дверь Голографической Камеры.

Его ждала Вербина Бикс, застыв как безмолвная статуя поддержки. Рядом с ней, стоя у контрольного стола управления, Тина выглядела испуганной и великолепной. Рядом с

ней, держа её за руку, стоял Живчик, чьё встревоженное выражение лица могло означать как что-то так и вообще ничего.

"Мне придётся это сделать", - сказал Эл. "Я не знаю другого выхода."

"Этого вообще нет ни в одной из историй", - сказал Живчик. "Вы ввязываетесь в очень рискованное дело, Адмирал". Он отпустил руку Тины, как только понял, что это

заметил Эл, и спрятал свои руки за спину, как взрослый ребёнок, пойманный за кражей печенья. "Мы не можем предсказать, что может произойти."

"Существует наихудший сценарий" - раздался с потолка голос Зигги. "Существует вероятность того, что весь Проект будет необратимо изменён."

"В любом случае, это возможно", - сказал Эл. "Слушайте, у нас не так много времени. Живчик, Зигги - настройте меня на меня."

[ГЛАВА 22]

Эл Калавичи оглядел гостиничный номер. Неделя работы в лабораториях только что была отменена. Завтра утром у него была запланирована ещё одна встреча в лаборатории, быстрый обед с директором программы, а затем он улетит обратно в Вашингтон. Собирать вещи никогда не представляло особой

проблемы, когда всё, что у тебя было с собой был лишь маленький, потрёпанный коричневый чемодан и сумка для одежды. Когда ты служил в армии, то научился путешествовать налегке и брать с собой только те вещи, которые были действительно необходимы. На самом деле ему ещё не нужно было собирать вещи; на всё про всё утром уйдет пять минут. Он бросит сумку в багажник взятой напрокат машины, а после обеда отправится напрямик в аэропорт. Просто. Эффективно. И никаких глупостей. А потом потратит пять часов — считая проклятую остановку в Далласе, но это был либо Даллас, либо Сент—Луис, и он предпочёл бы Даллас почти в любое время, кроме января - в самолёте, возвращаясь на слушания по бракоразводному процессу, заключительные брифинги и решения относительно остальной своей жизни, когда ему будет вообще нечего делать, кроме как думать обо всём. Думать о жизни после выхода в отставку и о том, что, чёрт возьми, он собирался с собой делать.

Он не осознавал этого, пока ему не позвонили со стойки регистрации, но на самом деле он с нетерпением ждал этого последнего собрания группы встреч. Это заняло бы некоторое время поздним воскресным днём. В эти дни время тянулось тяжело, когда не было ни ближайших целей, ни проектов, ни друзей. Жизнь после выхода в отставку начинала казаться мрачной, бесконечной дорогой в неизвестность.

Время от времени попадаются длинноногие блондинки, напомнил он себе. Рыжие. Иногда брюнетки. Как только он снимет форму, он сможет побаловать себя — осторожно, конечно, Эл Калавичи всегда был джентльменом, хотя и похотливым. И он даже не был бы женат. У него вообще не было бы никаких обязательств, которые связывали бы его. Он был бы свободен от забот, неприхотлив, имел бы право голоса и был бы полностью экипирован. Ладно, даже адмиральское пенсионное жалование - это не повод для того, чтобы закричать, но ведь было ещё и предложение о работе. Оставалось еще несколько удовольствий, которые можно было бы попробовать.

Например, сигары.

Чёрт возьми, это было то, что он собирался сделать — купить ещё сигар. В Лабораториях очень придирчиво относились к курению, но он просто не чувствовал себя одетым, когда был без формы и без сигары в руке. Он посмотрел на часы. Если он поторопится, то успеет добраться до той маленькой табачной лавки в торговом центре до закрытия. Он потянулся за ключами от машины.

У двери в свой гостиничный номер он остановился. Он был уверен в том, что что-то забыл. Его взгляд скользил по поверхностям в комнате, теряя фокус, когда он пересекал

маленький столик у окна, и снова наводя резкость. Нет, всё было на месте.

Он снова посмотрел на часы, охваченный внезапным беспокойством. Ему нужно было попасть в ту табачную лавку. Он должен был уйти, прямо сейчас.

Дверь за ним закрылась с такой силой, что молекулы пыли заплясали в лучах солнечного света, проникающего сквозь жалюзи.

Прошло несколько минут, прежде чем они снова

осели на стульях, кровати, столе, и только что открытой коробке сигар.

Обычно Эл не мог повлиять ни на что в тот "момент" времени, в котором находился Сэм. Его могли видеть животные и маленькие дети, его мог видеть Сэм, и на этом было

всё. Он не мог ничего двигать и ни с кем не мог разговаривать. Он мог проходить сквозь барьеры, которые для Сэма являлись настоящими сплошными стенами, как будто их

там вообще не было; и их на самом деле и не было. Настоящий Эл находился в Голографической Камере, глубоко погружённый в полноразмерную галлюцинацию, созданную Зигги

посредством связи, которая связывала их троих вместе. Зигги мог каким-то образом улавливать информацию, которая расширяла его поле зрения за пределами

непосредственной близости от Сэма; это была часть физики, которую мог понять только Сэм. Эл и не претендовал на это.

Он только знал, что прямо сейчас ему отчаянно нужно было повлиять на кого-нибудь из времени, в котором находился Сэм, и пока, каким-то чудом, это, похоже,

получалось.

Конечно, в этом был какой-то непонятный смысл. Он был тем же самым Элом, просто в двух разных временах. Сначала он пытался быть "внутри" себя, надеясь, что сможет

взять верх и создать для себя реальность за пределами виртуальной, но это не сработало. Казалось, что в его теле 1990 года одновременно было место только для него

одного.

Но он мог каким-то образом оказывать тонкое влияние. Он мог кричать себе в ухо — забавно, что он никогда раньше не замечал эту маленькую коричневую отметину на

верхней части уха; он рассеянно задавался вопросом, давно ли она у него появилась и есть ли до сих пор, — о табачной лавке, которая находилась по соседству с

галантерейным магазином. Он мог закрывать "руками" глаза самому себе, пытаясь сделать так, чтобы Эл из прошлого не увидел

новенькую коробку сигар, лежащую на самом
видном месте на столе. Это, похоже, сработало; по крайней мере, Эл из 1990 года часто смотрел на свои часы, и, судя по выражению
его лица, не обращал внимания на
коробку. Но он не мог точно сказать, что творилось у него в голове, и он не мог вспомнить, чтобы что-то из этого когда-либо
происходило. В конце концов, насколько это
могло быть важно, — пойти купить коробку сигар?
Ему совсем не нравилось это занятие - ходить вокруг себя самого. Он то и дело оглядывал себя, проверяя, хорошо ли сидит на нём
аккуратная серебристая рубашка с
голубовато-серым галстуком в тон, расшитым золотой нитью, и элегантный костюм туманно-серого цвета. Он пожалел, что не взял
сегодня утром из шкафа что-нибудь
другое. Этот наряд заставил его почувствовать себя призраком, преследующим самого себя.
Другой Эл, из 1990 года, одетый в те же старые скучные брюки цвета хаки и темно-зеленую рубашку-поло, вёл машину, гоня изо всех
сил, объезжая машины и проезжая на
жёлтый свет. Эл-Наблюдатель "ехал" с ним на соседнем сиденье, выкрикивая предупреждения и закрывая глаза от столкновений,
которых, казалось, невозможно избежать. "Я и
не знал, что я такой хороший водитель", - сказал он самому себе. Взглянув на мужчину за рулём, он уловил последний проблеск
самодовольной ухмылки и вздрогнул,
задаваясь вопросом, услышал ли он самого себя.
Эл странным образом выстраивал психологическую дистанцию. Это был он сам, тот, кем он был десять лет назад, но это был не тот
человек, которым он был сейчас. С тех
пор утекло много воды и произошло много изменений. На самом деле это был не он. Не тот Эл, который работал над Проектом
"Квантовый Скачок". Вероятно, именно поэтому
он не мог просто сказать себе, что делать; это был другой человек. У него были другие заботы и другие приоритеты.
Преимущество Эла-Наблюдателя было в том, что у него сейчас был только один приоритет.
"Живчик, перемести меня, хорошо? Я хочу проверить, как там Лиза и Сэм."
Конечно, связь с Сэмом была сильнее всего, поэтому он переместился первым к нему. Сэм водил машину более консервативно, чем
Эл — что и следовало ожидать, — поэтому он
остановился на красный свет, попеременно барабанил пальцами по рулю и сжимал его так, что побелели костяшки пальцев. Он
подскочил, когда Эл появился рядом с ним.
"Ради всего святого, Сэм, по крайней мере, на два квартала вокруг нет ни одной машины! Езжай на красный!"
Сэм бросил на него раздражённый взгляд. Как раз в этот момент загорелся зелёный свет, и он проскочил на него, откинувшись на
спинку сиденья. Эл, который не подчинялся
этим конкретным законам физики в данной конкретной ситуации, покачал головой.

"Перестань критиковать и узнай, где Лиза," - процедил Сэм сквозь стиснутые зубы.

Эл, уже занесший руку над ручным пультом, бросил на него обиженный взгляд. "Я как раз собирался."

"Так сделай это!"

Картинка в Голографической Камере расплылась и запрыгала. Эл всегда был благодарен за то, что ещё когда он был реактивным спортсменом и когда участвовал в космической программе, у него было превосходное чувство равновесия; оно сослужило ему хорошую службу в испытаниях на ускорение и невесомость, позволяя переносить высокую гравитацию и стресс. Сотрудники клиники "Лавлейс", где проводились тестирования астронавтов, никогда не предполагали, что ему придётся хранить свое печенье в ситуациях, подобных этой.

Не помогло и то, что он ожидал оказаться в жилом комплексе, а вместо этого обнаружил пару трёхлетних близнецов-афроамериканцев, одинаково одетых в ковбойские костюмы и маленькие ярко-красные ковбойские шляпки-букару, играющих в пятнашки прямо у него под ногами.

"Что за...?"

Мальчики, почти такие же поражённые, как и он, остановились, подняли головы вверх и засунули в рот зеркально отражённые большие пальцы.

"Не сосите пальцы", - машинально сказал он.

Карие глаза прищурились, и на их лицах появилось одинаковое выражение, которое говорило "ты-мне-не-начальник".

Эл сдался и огляделся. Это был не жилой комплекс — это был торговый центр. И там, в дальнем конце садового двора, как раз входя через стеклянные двери, были Лиза и Стенно.

"О, нет," - пробормотал Эл, взглянув на часы. Оставалось ещё немного...очень мало времени.

"Живчик", - сказал он напряжённым голосом. "Настрой меня на Сэма! Сейчас же!"

Близнецы вытащили игрушечные шестизарядные пистолеты из игрушечных кобур и тщательно прицеливались. Как только они сказали "Бах!", Эл исчез.

Они вдвоём посмотрели на игрушечные пистолеты, переглянулись, захихикали и пошли искать свою старшую сестру.

"Сэм, ты должен повернуть! Они уже в торговом центре!"

Передняя часть седана уже была на перекрёстке, когда Эл появился снова. Не раздумывая и не сбавляя скорости, Сэм повернул

направо, чтобы обеспечить себе максимально широкий радиус, и резко вывернул руль влево, сильно раскачиваясь и едва не столкнувшись с белой "Тойотой", которая изначально двигалась в противоположном направлении. Водитель "Тойоты", полная женщина с короткими каштановыми волосами, нажала на тормоза и выкрикнула ругательство. Сэм этого даже не заметил.

"Они уже в магазине?" - спросил он, прибавляя газу.

"Нет, ещё нет."

"Тогда иди и присмотри за всем происходящим. Здесь ты мне не поможешь". Голос Сэма был отрывистым и тихим. Он полностью сосредоточился на вождении. Эл не думал, что он даже заметил, когда исчезла голограмма.

Когда Эл вернулся, Лиза и Стенно были всего в двадцати футах от садового дворика. Лиза неуверенно оглядывалась по сторонам. Торговому центру оставалось полчаса до закрытия, и в нём осталось всего несколько человек: кто-то тащил пакеты к своим машинам, кто-то спокойно прогуливался, наслаждаясь рожками мороженого или гигантскими крендельками. Примерно полдюжины столиков во дворе всё ещё были заняты покупателями, которые остановились перекусить в ресторане быстрого питания.

Стенно двигал головой взад-вперёд, оценивая обстановку. Его глаза были очень яркими, и он высоко держал голову. Он тяжело дышал, почти задыхаясь от волнения, и его светлое лицо было налито кровью вдоль скул, как будто у него внезапно поднялась высокая температура. Одной рукой он держал Лизу за локоть, как будто направляя её, но сам стоял почти неподвижно.

Однажды Эл видел на окружной ярмарке молодого жеребца, возбуждённого присутствием кобыл в течке и других жеребцов, готовых бросить вызов. Конь гарцевал, закатывал глаза и практически вставал на цыпочки в своем стремлении вступить в схватку и сразиться.

Сейчас Стенно выглядел именно так. Его свободная рука то и дело ныряла под куртку, словно проверяя наличие или, возможно, реальность чего-то, что было там. Лиза спросила его о чём-то, и он подвел её к столу и, не отвечая, заставил сесть. Он подошёл к ближайшему киоску и взял пару бумажных стаканчиков с лимонадом, вручил их ей и хлопнул по столу с такой силой, что напиток выплеснулся Лизе на джинсы.

Подбежали близнецы и начали кружить, размахивая своими игрушечными пистолетами. Эл поморщился и начал отходить, планируя отогнать их подальше, но мать мальчиков успела сделать это первой. Стенно уставился на маленькие шестизарядные пистолеты, и волчья ухмылка расплзлась по его лицу. "Джейс! Джош! Что я вам говорила об этих пистолетах! Отдайте их сюда сию же минуту!"

Джейс и Джош рассмеялись и умчались прочь. Но заметив Эла, они остановились как вкопанные.

"Слушайте свою маму", - строго сказал он.

Мальчики захихикали и подошли ближе. Один пистолет прошел сквозь правую ногу Эла. Джош, который планировал случайно или намеренно ударить этого странного белого

парня, резко остановился и взглянул на своего брата в поисках поддержки.

Джейс медленно провёл пистолетом по другой ноге Эла. Они оба посмотрели на него, и их рты сложились в маленькие буквы "о" от удивления.

"Мне очень неприятно это делать, но... Я призрак! И я говорю вам, идти к своей маме и оставаться с ней прямо сейчас! Бу!". Подняв руки над головой и дико размахивая

ими, Эл топнул голограммными ногами. Мальчики рассмеялись карильоном сопрано. Этот призрак был самым весёлым за весь день.

Далеко в торговом центре, металлический скрежет возвестил о том, что какой-то владелец магазина решил закрыть его пораньше.

До Эла, наконец, дошло, что дети интересовались им, а не Стенно. Он оглянулся через плечо и чуть не поперхнулся, увидев, как Стенно поднимается на ноги. Эл

протиснулся между близнецами. "Ладно! Ребята, хотите поиграть в догонялки? Вам меня не поймать!"

Маленькие мальчики закричали от восторга и бросились в горячую погоню, оставив Стенно позади себя. Эл пригнулся и петлял вокруг теплиц с филодендронами, в то время

как близнецы, начинающие стратеги, разделились, чтобы отрезать его на перевале.

Это бы сработало, если бы Эл полностью не прошёл сквозь теплицу; когда его преследователи попытались последовать его примеру, всё закончилось тем, что они ударились

пальцами ног о плиточный бордюр. Они всё ещё решали, стоит ли из-за этого плакать, когда их мать спустилась, как ангел-мститель, и подхватила их, по одному под

руки. Судя по выражениям лиц матери и сыновей, в этом не было ничего необычного. Мальчики бросали умоляющие взгляды на своего "призрака", чтобы тот спас их. Эл пожал

плечами, подняв ладони вверх, и вздохнул с облегчением, увидев, что все трое направляются к выходу из торгового центра.

Стенно, замешкавшись, огляделся. Всё больше цепных дверей опускалось, останавливаясь на полпути в молчаливом признании того, что ещё рано, и что случайный покупатель

всё ещё может сделать покупку в последнюю минуту.

Время пришло.

Стенно снова проверил, что у него под курткой и потянул Лизу за руку. Эл ткнул пальцем в ручной пульт. "Живчик! Где, чёрт возьми, Сэм?"

[ГЛАВА 23]

Адмирал Эл Калавичи не мог точно вспомнить, где находится табачная лавка. Он подумал, что где-то в южном крыле торгового центра, недалеко от западного входа. Когда он входил, мимо него прошла раздражённая мать; она держала на руках троих детей, двух неугомонных близнецов и девочку чуть постарше с волосами, заплетёнными в тугие косички. Близнецы с большим волнением показывали на него пальцами. Он придержал дверь для их матери и ухмыльнулся, увидев её закатившиеся глаза и молчаливую мольбу о понимании.

Справочник находился прямо внутри, рядом с эскалатором. Он задержался достаточно надолго, чтобы просмотреть его, сверяя свое местоположение с пронумерованными синими и жёлтыми квадратиками.

Ага, вот оно. На полпути наверх. У другого входа, за тем поворотом. Если бы он только припарковался на другой стороне торгового центра, он мог бы избежать себя от необходимости идти пешком. Как бы там ни было, они были близки к закрытию; он взглянул на часы и ускорил шаг. В Военно-Морском Флоте есть одна хорошая вещь: ты точно знаешь, когда нужно включать форсаж.

Он завернул за угол. Там была табачная лавка, прямо рядом с тем маленьким галантерейным магазином. Табачник слонялся без дела, демонстрируя все признаки подготовки к вечернему закрытию. У женщины в галантерейном магазине всё ещё была парочка покупателей, девушка-подросток и хулиганистый парень, который копался в каких-то рулонах ткани. Девушка выглядела ужасно бледной. Он замедлил свой быстрый шаг, присматриваясь повнимательнее, когда сворачивал, чтобы приблизиться к месту назначения под углом, который позволил бы ему немного подольше понаблюдать за ребятами. Что-то в том, как выглядел этот парень, было немного подозрительным. И чем-то знакомым.

Да. Это был тот же самый парень, который вчера пытался подраться с Россом Мэлаки — тот самый парень с фургоном цвета ржавчины и крема. Как тесен мир, подумал Эл.

Он почти дошёл до того момента, когда ему пришлось выбирать, что делать дальше - сменить направление движения по направлению к табачной лавке или оказаться среди наплечников, ниток и тесьмы для подшивания, когда тяжёлая стеклянная дверь торгового центра распахнулась, и внутрь, с пронзительным криком, ворвался Росс Мэлаки, расталкивая, как цесарок, выходящих покупателей.

Лиза не хотела покупать катушку ниток. Но Стенно не терпел возражений. Его рука на её предплечье оставляла вмятины. Она была уверена, что у неё будут синяки.

Поэтому она пошла с ним в галантерейный магазин и послушно спросила хозяйку магазина о том, какие ей лучше подобрать нитки к её сиреневой футболке. Стенно остался у входа в магазин, разглядывая через витрину торговый центр. Хозяйка магазина была приветливой и жизнерадостной, ничуть не раздраженной тем, что клиент, появившийся в последнюю минуту, задержал её возвращение домой к ужину.

"Для чего это тебе понадобилось, дорогая?" - спросила она.

Она не могла придумать ответа. На самом деле она не хотела здесь находиться. Она знала, что Стенно хотел, чтобы она отвлекла женщину, также как он тогда отвлекал

продавцов универмага, чтобы она могла украсть шарф, но она не могла понять, что он хотел украсть здесь.

Отвлечь. Что бы могло отвлечь её больше всего...

"Моя мама", - произнесла она. Сначала пришли слова, а затем острое, точное воспоминание о том, как выглядела её мать на неудобной узкой кровати с боковыми перилами. И

её отец, стоящий в изножье кровати, выглядящий таким печальным. Таким потерянным. "У моей мамы рак. Она в больнице."

Женщина отреагировала мгновенным шоком, сочувствием и неуверенностью. "О, дорогая, это ужасно". Она сделала паузу,

подыскивая какой-нибудь ответ на это неожиданное

заявление. "Ты планировала сделать ей подарок?" - попыталась она помочь.

Конечно же, подарок. Её мать давным-давно научила ее шить. Это был их маленький заговор, чтобы не допустить её на занятия по домоводству, которые её отец хотел, чтобы

она посещала. Дженнивер научила её читать выкройку, кроить материал и пользоваться старой швейной машинкой "Зингер", а потом она шла в гостиную, чтобы посидеть. Лиза

приходила к ней и задавала вопросы, когда у нее что-то не получалось. Та первая стёганая ночнушка получилась действительно удачной, хотя и была на два размера

меньше. Её мать хотела, чтобы она сшила больше своей одежды, но больше никто из детей не делал ничего подобного. Они бы смеялись над ней. Кроме того, ей нравилось

покупать разные вещи. Красивые вещи. Как например, тот шарф.

Но она не могла отдать своей матери украденный шарф.

Она оглянулась через плечо на Стенно, а затем быстро отвела взгляд. Это была его идея, не её.

"Я не знаю", - прошептала она.

"Ну, может быть, у тебя был какой-то узор на примете? Может быть, что-то, что она могла бы использовать?"

"Я не знаю, что бы она могла использовать", - сказала она, теребя какой-то декоративный рикрак. "Я не знаю". Она не могла смотреть в добрые, обеспокоенные глаза. Это

была милая женщина, действительно милая женщина, а Стенно собирался обокрасть её.

"Хорошо, поднимите руки."

Лиза в ужасе обернулась и увидела Стенно, стоящего прямо за спиной хозяйки магазина, с пистолетом её отца в руке. В его глазах был безумный блеск, а ствол пистолета

уткнулся прямо в тщательно уложенные гладкие чёрные волосы хозяйки магазина. Её глаза были огромными и испуганными, и она отчаянно искала взгляд Лизы, как будто

спрашивая, может ли это быть шуткой.

"Стенно!" - вскрикнула Лиза. "Нет!"

И её восклицанию почти сразу же вторили двое мужчин, расталкивающих друг друга локтями, чтобы вбежать в магазин. Одним из них был Росс Мэлаки. Другого мужчину, пониже

ростом и постарше, она, как ей показалось, никогда раньше не видела.

Но ни у кого из них не было оружия, а у Стенно оно было, и он ухмылялся так, словно всё происходило именно так, как он и хотел.

"Отвалите, или старухе не поздоровится!" - сказал он. Хозяйка магазина застонала, и он заломил ей руку повыше.

Он не кричал. Двое мужчин резко остановились и посмотрели друг на друга. Люди снаружи с любопытством смотрели на них, но они мало что могли разглядеть через

витрину. Только этих двух мужчин — Лиза заметила, что они больше не стояли бок о бок: каким-то образом между ними стало больше пространства. На лице Стенно появилась

ухмылка, обнажившая все его зубы, которая была больше похожая на оскал.

"Лиза, иди открой кассовый аппарат", - бросил он ей через плечо. Она видела, что хозяйку магазина трясёт. Он заломил ей одну руку за спину. "Давай, ну же!"

"Лиза", - сказал Росс. Его голос был спокойным и успокаивающим. "Лиза, ты же не хочешь этого делать. Ты же знаешь, что это неправильно."

"Заткнись", - сказал Стенно. Он посмотрел в сторону Лизы. "Давай, открывай."

Он наблюдал за ней, пока она неуверенно пробиралась мимо витрины с кружевами к кассе, поэтому он не увидел другого мужчину, того, которого не знала Лиза, и который

сделал небрежный шаг по диагонали от Росса, в сторону и вперёд от него. Глаза хозяйки магазина были полны слёз, и она откусила всю помаду с нижней губы. Стенно

по-прежнему ухмылялся.

"Лиза," - снова начал Росс. Он замолчал, когда Стенно повернулся к нему и направил пистолет прямо на него.

У Сэма пересохло во рту от страха, когда он наблюдал за руками Стенно. Глаза парня, яркие и расширенные, не давали ни малейшего представления о том, будет ли он стрелять или нет. Он должен был следить за руками Стенно и за дулом пистолета. Ему казалось, что все его чувства обострились до предела, что он мог слышать шаги бегущего человека даже на другом конце торгового центра, в полумиле отсюда. Он чувствовал запах еды в садовом дворе, даже различал томатные запахи кетчупа и сальсы. Он мог ощутить движение каждого из людей в магазине ещё до того, как они начали его: Лизы, которая стояла возле кассового аппарата в таком уже ужасе, как и миссис Санчес и Стенно, застывшего в ожидании. Эл застыл на месте, на расстоянии вытянутой руки. Он чувствовал почти телепатическую связь с Элом, как будто через Зигги была установлена связь не только с Наблюдателем, но и с более молодой версией Эла. Он точно знал, что пытался сделать Эл из этого времени — разделить мишени, чтобы Стенно было сложнее выбрать одного из них для стрельбы. И он был хорош, действительно хорош. По крайней мере, Лиза была вне линии огня.

"О, Боже, будь осторожен," - взмолился Наблюдатель Эл, которого мог слышать только Сэм и Тот, к Кому была обращена молитва.

"Сэм, пожалуйста, будь осторожен!"

"Это Ты будь осторожен", - пробормотал Сэм, наблюдая, как физический Эл осторожно отодвигается ещё на несколько дюймов. Если бы другой мужчина мог просто создать достаточное расстояние между ними двумя и разделить мишень, которую они представляли, возможно, они смогли бы воспользоваться колебаниями Стенно в выборе цели для стрельбы.

Конечно, с другой стороны, Стенно мог просто начать стрелять, и в этом случае погиб бы по крайней мере один человек. Почти наверняка хозяйка магазина, но, возможно, и Лиза.

А, возможно, и Эл. На лбу Сэма выступил холодный пот. Если Эл погибнет здесь, то кто займёт место Наблюдателя в будущем? Если бы он закрыл глаза и сосредоточился, то смог бы вспомнить, как это уже произошло однажды раньше, когда голос, зачитывающий шансы, сменился с привычного хриплого голоса на...что-то другое? Была ли когда-нибудь жизнь самого Эла под угрозой во время скачка? Он не мог вспомнить, и не хотел рисковать своей связью с собственным

временем. И он не мог рисковать, закрывая глаза.

"Каковы шансы?" - спросил он, как для того, чтобы услышать ответ, так и для того, чтобы услышать сам ответ. Стенно мог бы подумать, что вопрос адресован ему. Но

Наблюдатель Эл, знал, к кому был обращён вопрос на самом деле.

Но, к сожалению, этого не знал Эл из этого времени. Сэм видел, как на него смотрит мужчина, медленно отодвигающийся справа от него. Это было нормально; он привык к

тому, что Эл думал, что он сумасшедший. Но не в такой момент. Ему хотелось, чтобы был какой-нибудь способ объяснить. Конечно, если бы они все выжили, ему не пришлось

бы этого делать. По крайней мере, он так не думал. А если они выживут не все...

"Девяносто два процента, что по крайней мере один человек умрёт," - сказал Эл. Слова были отрывистыми и резкими. Он пристально посмотрел на Стенно.

"И?". Эл явно недоговаривал. Сэм знал, что на протяжении всего этого скачка, Эл что-то скрывает, и он собирался очень серьезно поговорить с ним об этом, когда всё это закончится.

"Что "И" ?" - с вызовом спросил Стенно. "Лиза?"

В местах общего пользования торгового центра начал гаснуть свет. Они слышали, как закрываются магазины в конце коридора.

Взгляд Лизы метался туда-сюда между пистолетом, заложницей и Сэмом. Она не смотрела на Эла, по крайней мере, прямо, что подсказало Сэму, что она догадывается о том,

что они пытаются сделать. Он надеялся, что она будет им помогать. Тот факт, что он не был уверен, какого рода должна быть эта помощь, и, очевидно, что она тоже не

была в этом уверена, был совершенно другой проблемой.

"Я... я не могу его открыть", — сказала она. Это был электронный кассовый аппарат с сенсорной панелью вместо кнопок для нажатия. Она облизывала губы и безуспешно

тыкала в чувствительные к нажатию квадратики.

"Девяносто пять целых, четыре десятых процента," - сказал Эл.

"Стенно, здесь кто-нибудь может пострадать", - сказал Сэм. Он старался, чтобы его голос звучал спокойно. Судя по всему, если бы он вообще представлял какую-либо

угрозу для парня, то он начал бы стрелять просто ради шума.

Девяносто пять целых, четыре десятых процента. Что умрёт один человек. Он отчаянно хотел знать, какова вероятность того, что здесь умрёт больше одного человека. И

кто именно это будет. Например, здесь может погибнуть он. Или Эл.

Он рискнул посмотреть на Эла — физически присутствующего здесь Эла. Эл был уравновешенный, сбалансированный и бдительный.

"Да, кто-нибудь очень сильно пострадает прямо здесь, если этот кассовый аппарат не откроют прямо сейчас!"

Со сдавленным всхлипом хозяйка магазина потеряла сознание, повиснув на парне. Испугавшись, он отступил назад, позволив хрупкому телу соскользнуть на пол.

Сэм подавил ругательство. "Где ты взял пистолет, Стенно?"

Сэм тянул время как сумасшедший, надеясь, что появится охрана торгового центра и предоставит какую-нибудь огневую поддержку.

Но нет — охранники торгового центра не

носили оружия. Если бы сейчас пришло больше людей, это только ещё больше напугало бы парня и увеличило шансы, что кого-нибудь убьют. Внезапно он изменил тактику,

смело шагнув вперёд.

"Сэм!" - закричал Эл, поднимая ручной пульт. "Я не знаю, что ты пытаешься сделать, но это не сработает! Шансы возросли до девяноста семи процентов!"

"Я не могу его открыть!" - завопила Лиза.

Стенно, наконец, понял, что его обошли с фланга. Он дико перевёл взгляд с Сэма на Эла, которого он мог видеть, и попятился, обойдя распротёртое тело, к Лизе,

стоявшей у кассового аппарата. Кассовый аппарат сопротивлялся его усилиям, так же, как и её. Выругавшись, он оттолкнул девушку в сторону, поднял пистолет и

выстрелил.

Выстрел гулко отдался от стен маленького магазина и в замкнутом пространстве он был громче, чем кто-либо из них ожидал. Лиза

вскрикнула, прижимаясь к полкам за

кассой. Сэм бросился вперёд и Эл тоже. Когда самый младший из присутствующих мужчин сдвинулся с места, то Эл схватил в охапку кусок ткани и размахнулся им, как

плащом тореро, между собой и Сэмом.

Стенно поднял пистолет и выстрелил снова, и снова, и снова, дуло пистолета колебалось между нападавшими и тканью, которая каким-то образом тоже стала мишенью, потом

он отшатнулся назад и схватил перепуганную девушку. "Отойдите, или, клянусь, я убью её!" - закричал он срывающимся голосом.

"Чёрта с два ты это сделаешь," - прорычал Эл. Для ушей Сэма донеслось стереофоническое звучание. Его сердце заколотилось, когда он увидел, как пистолет движется,

словно в замедленной съёмке, и всё ещё дымящееся, и всё ещё дрожащее серебряное дуло направляется в сторону от Лизы и переводится прямо на Эла.

"Нет!!!" - закричал Сэм, бросаясь на последнюю витрину. Поле зрения Стенно сместилось. Дуло начало следовать за ним. Лиза взвыла и попыталась вырвать его.

"Эй!" - взревел Эл. Они оба одновременно добрались до парня, изо всех сил пытаясь отобрать у него оружие. А на пути у них стояла Лиза, и тут дуло пистолета

дрогнуло; почему-то Сэма не удивило, когда пистолет выстрелил ещё раз, и Эл закричал от боли.

[ГЛАВА 24]

"Мама!"

На мгновение Лиза забыла о диагнозе своей матери. Она была испуганной пятнадцатилетней девочкой, нуждавшейся в утешении, и она самозабвенно бросилась в объятия матери. Стоя в изножье кровати, её отец наблюдал за происходящим, вцепившись руками в поручень, неся свою личную тяжесть и тяжесть всего мира вместе взятых.

Сэм наблюдал за происходящим из дверного проёма, прислонившись к косяку. Дженнивер обнимала дочь, шепча ей в волосы успокаивающие слова; Стивен неподвижно сидел в

изножье кровати, покачиваясь вперёд, к женщинам, затем обратно, выпрямляясь, и заставляя себя соблюдать дисциплину.

"Я не знаю, Сэм", - шептал ему на ухо Эл. "Можно подумать, я должен помнить, как меня подстрелили прямо перед выходом в отставку."

"Ты уверен, что не помнишь?" - мягко спросил Сэм, не оборачиваясь.

"Ну..."

Краем глаза он заметил, как Эл снимает пиджак, передавая его кому-то, - пиджак тут же исчез, когда Эл отпустил его - засовывает ручной пульт под мышку и расстёгивает

манжету левого рукава. На подтяжках Наблюдателя поблёскивала золотая нить.

"Вот и шрам, всё точно," - сказал Эл. "И эта кость всё ещё иногда болит. Я помню, как доктор говорил мне об этом. Он сказал, что она всегда будет болеть в зависимости от перемены погоды."

Сэм закрыл глаза и без горечи улыбнулся сам себе. Чем больше всё меняется, тем больше всё остаётся неизменным.

"Что, чёрт возьми, не так с этим парнем?" - продолжал Эл, закатывая рукав. "Неужели он не может понять, что ему нужно быть частью этого? Держу пари, это то, что тебе нужно сделать, чтобы прыгнуть, Сэм. Скажи ему."

"Я так не думаю", - ответил Сэм. Кончики его пальцев коснулись пятна крови на собственной рубашке. Крови было много. Он помнил, как считал выстрелы, помнил, как в слепой ярости бросился к горлу Стенно и всё ещё думал, что в пистолете есть ещё одна пуля, но барабан был пуст. Курок щёлкнул, не причинив вреда, и он повалил Стенно

на пол, а охрана торгового центра, наконец, появилась, встревоженная выстрелами. Он наложил жгут на руку Эла, устроив в процессе настоящий бардак, но это не имело значения. Ему удалось уговорить копов позволить Лизе поехать с ним в больницу вслед за машиной скорой помощи. Теперь всё это казалось таким далёким.

"Зигги говорит, что с Лизой всё будет в порядке", - объявил Эл. "Миссис Санчес, та женщина из магазина, попросит о снисхождении к ней. Судья позволит ей отработать

условно—досрочное освобождение в магазине - эй, это довольно здорово. И она закончит среднюю школу и поступит в колледж."

"А что насчёт Стенно?" - спросил Сэм, продолжая наблюдать за семьей Уэйлс.

Эл вздохнул. "Ты не сможешь спасти их всех, Сэм."

"Надо пытаться," - пробормотал он. "Надо хотя бы пытаться."

"Тогда почему бы тебе не пойти туда?"

"Нет". Он отошёл в сторону, чтобы пропустить медсестру ночной смены с тележкой лекарств. Лизу невозможно было оторвать от матери; каждый раз, когда она пыталась

встать, она снова падала. Она была настоящей труженицей в магазине, когда Стенно перестал представлять угрозу; она нашла дюбель, чтобы помочь сделать жгут, и без

единой слезинки в точности следовала указаниям Сэма. Теперь она имела право сломаться.

По крайней мере, та женщина, которая обитала на другой кровати, выписалась ранее в тот же день.

"Ты чего-то ждёшь, или как?" - ворчливо спросил Эл.

"Да, можно и так сказать," - ответил Сэм, улыбаясь про себя. Ему нравились логические концовки. "А вот, кстати, и это."

Это был Эл, тащивший за собой шест с капельницей, бледный, но решительный. Он нашёл свои брюки. Испачканные хаки идеально сочетались с больничным халатом, который он

надел поверх него. Его рука была забинтована и плотно прижата к груди.

"Вот ты где", - хрипло сказал он Сэму. "Они сказали, что ты будешь здесь."

"Тебе не следует вставать с постели," - заметил Сэм для проформы.

Адмирал фыркнул. "Когда они положат меня в больницу с чёртовым переломом руки, это будет день, когда они погрузят меня на шесть футов под землю. В Военно-Морском

Госпитале я бы в подобном случае, уже вернулся в своё жилище. В военных госпиталях не валяют дурака."

"Да, наверняка, не валяют." - Сэм отодвинулся назад, давая раненому мужчине возможность ясно видеть, что происходит в комнате.

"Эй, что здесь происходит?" - Эл сделал пару шагов вперёд. "Уэйлс?"

Стивен Уэйлс поднял глаза со смесью облегчения и ужаса на лице от того, что он узнал Эла и, отпустив поручень кровати, подошёл, чтобы выдворить двух мужчин — и

голограмму, хотя он этого и не знал — из дверного проема, радуясь предлогу уйти.

"Это моя жена", - объяснил он тихим голосом. "Она очень больна."

"О, нет. Мне очень жаль это слышать," - сказал Эл. "Есть ли что-нибудь..."

"Она не хочет делать операцию, которая могла бы спасти ей жизнь". - намеренно перебил его Сэм. "Операция стоит очень дорого, и она не считает, что стоит тратить эти деньги."

"Да, потому что ты не поддерживаешь её," - рявкнула голограмма беспечному Уэйлсу. "Зачем ей делать операцию, когда самое важное в твоей жизни - это эта дурацкая группа встреч и семейные финансы?"

"Что?" - Адмирал Калавичи, отвечая на замечание Сэма, был иногда был склонен к поспешным суждениям. Это был один из таких случаев. "Это безумие!"

Доктор Уэйлс выглядел явно смущённым.

"Я тоже так думаю," - пробормотал Сэм, наблюдая за двумя другими мужчинами. "Но доктор Уэйлс, конечно, прав. Это ее решение. Она единственная, кто может решать."

"Сэм, ты что, спятил? Ты ведёшь себя так, будто согласен с этим ютцем!" (ютц - идиома - глупый, некомпетентный или неприятный человек. прим.пер) Голограмма была возмущена. "Ты должен поговорить с ним!"

Сэм покачал головой. "Это, конечно, печально, но каждый человек в конечном итоге отвечает за себя сам. Верно, доктор Уэйлс?"

"Верно," - согласился Уэйлс. "Я не могу взять на себя смелость принимать решение за Дженнивер. В конце концов, это её жизнь."

Именно такой трудный выбор укрепляет нас в долгосрочной перспективе."

Адмирал был, как говорят на флоте, "на взводе" от ярости. "Ты хочешь сказать, что твоя жена сидит там со своей маленькой дочкой, а ты просто собираешься стоять там и смотреть на них?"

Медсёстры в главном отделении начали с беспокойством наблюдать за собранием в холле. Одна из них держала руку на телефонной трубке, готовая кому-то позвонить. Эл был

в такой ярости, что его лицо покраснело, несмотря на то, что в тот вечер он понёс значительную потерю крови, и он заметно покачивался, держась за шест с капельницей и ненавязчивой помощи Сэма рукой.

"Настоящий мужчина не позволяет своим эмоциям вставать у него на пути," - начал Уэйлс. Его голос срывался.

"Ты не можешь просто стоять там! Почему ты просто стоишь там?" - прошипела голограмма, обращаясь к ним обоим. "Сэм, Зигги говорит, что если ей сделают операцию, то у

неё есть шанс. Она должна её сделать! И ты не хуже меня знаешь, что что она просто ждёт, когда кто-нибудь придёт и скажет ей, что это того стоит!"

Сэм снова покачал головой.

"Я ничего не могу сделать..." - прошептал Уэйлс. "Она должна решить сама."

"Ты что, совсем с ума сошёл?" - зарычал нетерпеливый пациент. "Там же твоя семья!"

"Я делаю то, что считаю лучшим," - слабо возразил Уэйлс.

"Так помоги мне, я собираюсь сделать то, что считаю лучшим". Голограмма вошла в его физическую сущность. В глазах Сэма одно изображение заслонило другое, и он

моргнул. Он снова моргнул, когда голограмма скривилась от сосредоточенного усилия и замахнулась рукой, держащей ручной пульт, на Уэйлса. Он снова моргнул и удивленно

отступил назад, когда физическая рука сжалась и поднялась, следуя порыву голограммы.

"Эй!". Это восклицание могло бы прозвучать хором для Сэма и Стивена Уэйлса.

"Вернись туда, придурок!". Эл — Сэм не мог сказать, какой именно из них — пришёл в неистовство.

"Баста!" ("достаточно", пер. с итальянского) - бушевал Эл. "Настоящий мужчина не стоит просто так на месте, когда его жена и дочь разваливаются на части! Он приходит

и помогает! Он предлагает поддержку! Он говорит им, что всё будет хорошо! Он заботится о них! Он..."

"Ладно, ладно, ладно", - вмешался Сэм. Было неясно в чём дело - в шесте с капельницей или сломанной руке, но Эл начал неуклюже сползать на пол.

"Я не знаю как", - с несчастным видом произнёс Стивен Уэйлс. Теперь он сам плакал, застыв, и будучи неспособным даже помочь Сэму поднять разгневанного Эла. По

коридору уже шли медсёстры, - целая фаланга ангелов-мстителей в белых одеждах. "Я не знаю, что делать. Я сказал им, что они мне небезразличны, что важно, чтобы

Дженнивер сделали операцию, что..."

"Gesù e Maria! Bisogna ballare! (Иисус и Мария! Мы должны танцевать! - пер. с итальянского)" - закричал пронзительно Эл, быстро затихая.

"А?" - Спросил Уэйлс, по понятным причинам, сбитый с толку.

"О, он говорит по-итальянски, только когда по-настоящему расстроен", - заверил его Сэм, опустившийся на колени, чтобы помочь Элу окончательно не растянуться на

полу. "Он говорит вам, что вы должны вернуться туда и показать им, что вы их любите. Не просто сказать это словами. А показать это."

"Но как..."

"Иди и обними их", - прорычал Эл, как раз когда "ангелы" спустились вниз.

"Знаете, если вы готовы показать своей жене, как много она для вас значит, возможно, она с большей готовностью пойдёт на риск этой операции" - задумчиво

произнёс Сэм.

Уэйлс шмыгнул носом, глядя вслед возмущённой команде медсестёр, насильно уводящей пациента обратно в его палату. Затем он расправил плечи, поднял подбородок и проследовал обратно в палату своей жены.

"Если уж ты собираешься танцевать, то танцуй", - изрёк Эл, который был теперь уже более спокойным, наблюдая за тем, как его самого тащат по коридору. Он проверил данные на ручном пульте. "Шансы растут, Сэм. Я имею в виду, шансы на то, что Дженнивер выживет."

"Я знаю." - Сэм не смог сдержать некоторого самодовольства в своём голосе. Они вдвоем, Путешественник во Времени и Наблюдатель, снова заглянули обратно в комнату.

Там находилась Лиза, которая стояла сейчас рядом с кроватью и её рука по-прежнему обнимала мать. И там находился Стивен, её отец, который глубоко вздохнул, подошёл к ней вплотную, неуверенно положил руку ей на плечо и неловко похлопал по нему.

Обе женщины подскочили от удивления, а он отшатнулся, пытаясь спрятать похлопывающую руку за спину. Но было слишком поздно. Лиза уже заключила его в объятия втроём, и теперь они все трое плакали, но это были слёзы другого рода. Это были слёзы радости и счастья.

Сэм счастливо вздохнул.

"Хорошо, теперь ты можешь прыгать?" - спросил Эл.

Они посмотрели друг на друга. И ещё раз посмотрели.

И ничего не произошло.

"Ты действительно думаешь, что ему это понравится?" - нервно спросила Лиза.

"Я в этом уверен."

"Сэм, что ты задумал?"

Это был понедельник, 25 июня 1990 года. В утренней газете сообщалось, что Иран обвинил Соединённые Штаты в недавнем землетрясении. Студент из Навахо, посещающий

Университет в Нью-Мексико, обнаружил "новый разрыв, который нужно преодолеть", который, по сути, был таким же старым, как столкновение двух культур. Житель

Нью-Мексико был избран президентом Лиги объединённых граждан Латинской Америки. День обещал быть ещё одним жарким, сухим и солнечным.

"Росс Мэлаки" и Лиза Уэйлс с подарками поднимались на лифте. Позади них, что-то бормоча себе под нос, шёл Эл. На нем были чёрные брюки, рубашка с крупными буквами на чёрном фоне и галстук с леопардовым принтом. Если бы он присутствовал здесь так сказать, во плоти, то, наверняка, изнемогал бы от жары. Сэм обратил на это внимание, когда он наконец настиг их у входа в сувенирный магазин. Со своей стороны, Эл заметил, что Зигги любит всё по-настоящему холодное, а Голографическая Камера не предназначена для пикников. Сэм улыбнулся.

Лиза пыталась жонглировать цветами и коробкой. Дверь открылась, и она начала выходить, но остановилась, когда Сэм не сразу последовал за ней.

"Ты иди вперёд", - сказал он. "А я догоню."

"О, ты собираешься меня навестить?" - был явно доволен Эл. "Это очень мило."

"Я так и думал". Лифт высадил его на ортопедическом этаже, и он быстро прошёл по коридору в нужную палату.

Лицо Адмирала Элберта Калавичи было почти такого же белого цвета, как простыни, на которых он лежал, его глаза были закрыты, а левая рука свисала с тягового крюка, который удерживал её приподнятой. Покачав головой, Сэм украдкой взглянул на диаграмму.

"Тсс, тсс."

Карие глаза, немного затуманенные лекарствами и болью, открылись. "Что за...О, это ты."

"Не пытайся сесть. Я просто зашёл поблагодарить тебя. Знаешь, ты спас мне жизнь."

Тяжёлые брови нахмурились. "Неужели? Да, пожалуй, я это сделал. Что ж, я же был там. Ты должен использовать все доступные тебе ресурсы, понимаешь. В следующий раз

будь немного осторожнее, ладно, малыш? Возможно, меня не будет рядом, чтобы спасти твою задницу". Его глаза снова закрылись.

"Боже, я действительно выглядел ужасно, не так ли?" - был очарован Наблюдатель, изучая детали устройства подвески.

"Да. Ты по-настоящему очень рисковал, так напрыгнув на него ради меня."

"Видимо, мне нужно смотреть по сторонам, прежде чем прыгать". Адмирал начинал уставать.

"Как и всем нам", - пробормотал Сэм, наблюдая, как закрываются глаза пациента. "Знаешь, твоя вчерашняя выходка действительно выбила тебя из колеи", - продолжил

он. "Тебе понадобится некоторое время для того, чтобы встать на ноги."

Глаза Эла возмущённо распахнулись. "Я что, по-твоему, какой-то старик?"

Сэм поднял руки в знак протеста. "Нет, нет, нет, ничего подобного. Просто, знаешь, сейчас для в твоей жизни многое меняется, и у тебя сломана рука. Отличная

возможность для того, чтобы немного расслабиться и потратить некоторое время на то, чтобы всё обдумать. Ты должен ей воспользоваться."

Глаза прищурились. "Что ты можешь знать о том, что меняется в моей жизни?"

Сэм пожал плечами. "Я и не знаю. Я просто где-то слышал, что ты уходишь из армии, и...ну...что ты уходишь в отставку. Я когда-то

тоже знал человека, который покидал армию. Это было нелегко - внезапно оказаться гражданским лицом."

Теперь Наблюдатель Эл наблюдал за Сэмом с нескрываемым восхищением. "О, ты молодец, Сэм. Ты действительно гений." Сэм взглянул на него, сдерживая ухмылку.

"Я не хочу здесь оставаться". Пациент с отвращением посмотрел на свою руку. "Тут по-настоящему дерьмово."

"Знаешь, что, по моему мнению, ты должен сделать?" - с невинным выражением лица, спросил Сэм. "Перестать напрягаться. Я имею в виду, прямо сейчас," - поспешно добавил

он. "Из-за пулевого ранения должно пройти какое-то время. Это достаточно серьёзно!"

"И как ты думаешь, малыш, что же мне делать со всем этим временем, которое, по-твоему, у меня есть?" Слова прозвучали с сильным сарказмом, но не настолько, чтобы не было ясно, что мужчине в постели был любопытен ответ. Он наклонил голову, наблюдая, как Сэм обошёл кровать и поправил провода, крючки и другие приспособления, чтобы рука Эла висела удобнее.

"Я думаю, если у тебя есть друзья в этой части страны, то ты должен им позвонить. Готов спорить, что они были бы рады и захотели тебя видеть."

Мужчина в постели собирался было возразить, но вдруг передумал. "Да, я думаю, что, наверное, могу это сделать."

"Конечно, можешь. Он действительно хочет услышать тебя. Как будто от этого зависит его жизнь", - с улыбкой сказал Сэм. "Ты же не хочешь разочаровать старого друга, не так ли?"

"Нет, я думаю, что нет..." - смущённо, но по-прежнему настороженно ответил Адмирал, наблюдая за ним.

"Да, и кстати у меня есть для тебя подарок. Считай это благодарностью за спасение моей жизни, ну или, как пожелание скорейшего выздоровления и хорошей предстоящей отставки."

"Да ну?". Подозрения рассеялись, Эл улыбнулся и снова попытался сесть.

"Мне придётся открыть его для тебя", - предупредил Сэм. Он достал узкую плоскую коробочку. "Вот, видишь карточку?"

На обложке карточки-открытки была грубо нарисованная карикатура на изрядно мумифицированного мужчину в бинтах. Эл открыл её свободной рукой, чтобы показать, что он не беспомощен и обе версии Эла прочитали в унисон: "Когда прыгаешь в неизвестность, убедись, что у тебя за спиной парашют! Скорее выздоравливай!"

"Ты не подписал её" - заметил он. Но его отвлекла коробка, и он отложил открытку в сторону, с нетерпением наблюдая, как соскользнула серая атласная лента, забирая её у Сэма, чтобы открыть. "Что за..."

Он взял в руки галстук — тонкий шёлковый галстук, тяжёлый, дорогой, красивый, флуоресцентно-фиолетовый с крошечными ярко-

розовыми квадратиками и

кружочками. "О, Сэм," - выдохнул Наблюдатель Эл. "Это потрясающе."

"О, Боже", - сказал пациент, испытывая благоговейный трепет и ужас в равной мере. "Эй, я же служу в армии. Я не ношу ничего подобного."

"Ты сделаешь это", - заверил его Сэм. И совершил квантовый скачок...